

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №9 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 158.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Н.А. Кадырова</i> РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»: ОПЫТ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ	8
<i>Ли Аньци</i> ЛУ СИНЬ КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»	11
<i>С.Ф. Меркушов</i> ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПАРАТЕКСТА В ПЬЕСЕ О. МУХИНОЙ «Ю»	16
<i>С.Ф. Меркушов</i> «ДИАЛОГ С ДРУГИМ» КАК ИНДИКАТОР АБСУРДА В ТЕАТРЕ Н.В. КОЛЯДЫ (НА ПРИМЕРЕ РАННИХ ПЬЕС «РОГАТКА» И «ВОР»)	19
<i>Д.Н. Фатеев</i> «ЗАБИВАТЬ ВСЕГДА ГОТОВ ВСЕМ ПОДРЯД НАШ ЧЕРЕНКОВ!» (ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛЬНОГО КУМИРА 1980-Х В КРИЧАЛКАХ БОЛЕЛЬЩИКОВ)	22

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар, В.И. Антонова, С.А. Ржанова</i> ИРАКСКОЕ ИЗДАНИЕ «АЛЬ-САБАХ» – В ПАРАДИГМЕ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ АРАБСКОГО УНИВЕРСУМА	25
<i>А.А. Кацук</i> ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА СМИ	28
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов, А.А. Хазиманова, Л.Р. Валиахметова, Р.Ф. Рахимова, Э.Р. Шаяхметова, Е.А. Селиванова, Д.Д. Саидова</i> ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛА «ВАТАНДАШ» ДЛЯ МЕДИЦИНСКОЙ, СПОРТИВНОЙ И ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	33
<i>Н.А. Ларина, А.Ю. Цицинов</i> СПЕЦИФИКА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА В ЦИФРОВОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ЗВЕЗДА»)	36
<i>Сако Бекай, А.К. Малаховский</i> ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА ПРЕССУ МАЛИ: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ?	39
<i>Сако Бекай, А.К. Малаховский</i> СМИ МАЛИ В АФРИКАНСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ	44

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Глуценко</i> СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛА «НАШ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»)	49
<i>А.А. Кудрявцева</i> МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК БАЗА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ)	52
<i>О.С. Тарасенко, Л.Р. Бакирова, Л.У. Бикмаева</i> ОБУЧЕНИЕ РЕДАКТИРОВАНИЮ ТЕКСТОВ СЛУЖЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ	55
<i>Я.С. Ульбиева</i> СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК МАЛОИЗУЧЕННЫЙ ФЕНОМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	58
<i>Э.В. Фомин</i> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В Г. ЧЕБОКСАРЫ	61
<i>С.А. Шатохина, Т.К. Веренич, О.В. Вязовикина, В.С. Срмикян</i> АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН-КУРСА «ТВОИ СИБИРСКИЕ КАНИКУЛЫ»)	65

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк</i> РОЛЬ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПРОЯВЛЕНИИ ИМЕНЕМ ПРИЗНАКА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	68
<i>Т.С. Гулевич</i> ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СОБЫТИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ГРУППЕ	71
<i>С.В. Кобызева, В.А. Ковшечникова</i> ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ: ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА КОСВЕННЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ)	76
<i>Л.З. Самигуллина, Р.А. Гарифуллин, Е.А. Ганиева</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ	80
<i>М.Ю. Сейранян</i> РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТОГЕНА В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ	83
<i>Е.В. Сивакова, В.П. Осадчая, М.В. Ретина</i> ЗНАЧИМОСТЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	87
<i>С.А. Стройков</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВОГО КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА «БИ-БИ-СИ»	90

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>М.Б. Айтмагамбетова</i> СТРУКТУРА ФРЕЙМА “СЕМЬЯ” В ТЕЛЕВИЗИОННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	93
<i>А.Е. Астафьева, А.Р. Нурутдинова, Е.В. Дмитриева, А.А. Каткина, И.С. Солодкова</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР)	96
<i>А.А. Бекетова, Т.Ф. Артамонова</i> КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	99
<i>Т.Н. Боргоякова</i> РОЛЬ ЧАСТИЦ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ	102
<i>М.Р. Булатова, Р.С. Барсукова, З.А. Мухаева</i> О НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КУРМАНТАУСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	105
<i>А.В. Гусейнова, А.П. Лопсан</i> ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ БОГА В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА	108
<i>Н.В. Егоришина</i> ДИСКУРС ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	111
<i>М.А. Косарик</i> МИССИОНЕРСКАЯ ГРАММАТИКА А.А. БОБРОВНИКОВА 1849 Г. В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	114
<i>Е.М. Куулар</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА	118
<i>М.И. Кысылбаикова</i> СЛОВО-СТИМУЛ «ЛИТЕРАТУРА» В ПОНИМАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	122
<i>Е.Г. Луговская</i> КУЛЬТУРА – ANTHROPO - ЯЗЫК	125
<i>Л.А. Манерко, Му Синьюй</i> ОПИСАНИЕ СТАДИАЛЬНОСТИ ПУТИ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ ИЗ ТЕКСТА «ДА СЮЭ» («ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ»)	129
<i>Д.А. Розеватов</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СКРИПТА «WAR» В РОМАНЕ Р. ОЛДИНГТОНА «DEATH OF A HERO»	137

Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова ЭКСПЛИКАЦИЯ НАРРАТОРА В ФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ ПОСРЕДСТВОМ ВЕРБАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ НЕСООТВЕТСТВИЙ	141
А.Р. Шайдуллина, Г.Т. Губайдуллина, З.М. Сахипова, А.М. Низамеева, Н.Л. Зиганишина ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (УСТНАЯ РЕЧЬ)	144
АННОТАЦИИ	147

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>N.A. Kadirova</i> STORY OF A. P. CHEKHOV "STUDENT": EXPERIENCE OF MYTHOPOETIC COMMENT	8
<i>Li Anqi</i> LU XUN AS AN INTEPRETER OF THE GOGOL'S POEM «DEAD SOULS»	11
<i>S.F. Merkushev</i> FUNCTIONALITY OF PARATEXT IN O. MUKHINA's PIECE «YU»	16
<i>S.F. Merkushev</i> "DIALOGUE WITH ANOTHER" AS AN INDICATOR OF ABSURDITY IN THE THEATER N.V. KOLYADA (ON THE EXAMPLE OF THE EARLY PIECES "SLINGSHOT" AND "THIEF")	19
<i>D.N. Fateev</i> "CHERENKOV'S READY TO SCORE ANY TIME TO ALL IN ROW!" (THE IMAGE OF THE SOVIET FOOTBALL IDOL OF THE 1980s IN FANS' CHANTS)	22

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>Al-Hattala Bassam Abdullah Abdul Jabbar, V.I. Antonova, S.A. Rzhanova</i> IRAQI EDITION «AL-SABAH» – IN THE PARADIGM OF PROBLEM-THEMATIC REALITIES OF THE ARAB UNIVERSE	25
<i>A.A. Kashchuk</i> THE IMPACT OF GLOBAL GENDER STEREOTYPES ON MASS MEDIA	28
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov, A.A. Khazimanova, L.R. Valiakhmetova, R.F. Rakhimova, E.R. Shayakhmetova, E.A. Selivanova, D.D. Saidova</i> IMPORTANCE OF THE VATANDASH MAGAZINE FOR MEDICAL, SPORT AND MILITARY JOURNALISM OF BASHKORTOSTAN AT THE PRESENT STAGE	33
<i>N.A. Larina, A.Yu. Tsitsinov</i> SPECIFICITY OF SUBMISSION OF MATERIAL IN DIGITAL MILITARY JOURNALIST (ON THE EXAMPLE OF THE ZVEZDA WEEKLY)	36
<i>Sacko Bekaye, A.K. Malakhovsky</i> WESTERN INFLUENCE ON THE PRESS OF MALI: DEMOCRATIZATION OR INFORMATION NEOCOLONIALISM?	39
<i>Sacko Bekaye, A.K. Malakhovsky</i> MALI'S MASS MEDIA WITHIN AFRICAN INFORMATION DISCOURSE	44

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Glushchenko</i> SEMIOTIC ASPECTS OF CITIZEN AND STATE COMMUNICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE PORTAL "OUR ST. PETERSBURG»)	49
<i>A.A. Kudryavtseva</i> METONYMIC TRANSFER AS A BASE FOR FURTHER FIGURATIVE NOMINATION (BY THE EXAMPLE OF APELLATIVISED UNITS)	52
<i>O.S. Tarasenko, L.R. Bakirova, L.U. Bikmaeva</i> EDUCATION OF TEXTS OF SERVICE DOCUMENTS IN LEGAL UNIVERSITIES	55
<i>Y.S. Ulbieva</i> WORDS OF THE CATEGORY OF STATE AS A UNLESS STUDIED PHENOMENON IN THE RUSSIAN LANGUAGE	58
<i>E.V. Fomin</i> LANGUAGE SITUATION IN CHEBOKSARY	61
<i>S.A. Shatokhina, T.K. Verenich, O.V. Vyazovikina, V.S. Srmikyan</i> ADAPTATION OF TEXTS IN THE SYSTEM OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN (ON THE MATERIAL OF ONLINE COURSE "YOUR SIBERIAN HOLIDAYS")	65

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>V.Ye Glyzina, N. Ye. Gorskaya, A.V. Fedoryuk</i> THE ROLE OF ORDINAL NUMERALS IN THE NAME'S MANIFESTATION OF TIME PERSPECTIVE	68
--	----

<i>T.S. Gulevich</i> ON THE ACTUALIZATION OF EVENT STRUCTURE COMPONENTS IN ENGLISH VERB PHRASE	71
<i>S.V. Kobyzeva, V.A. Kovshechnikova</i> THE IMPERATIVE MODALITY: THE PROCEDURE OF ANALYZING THE INDIRECT EXPRESSION MEANS (ON THE MATERIAL OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISEMENTS)	76
<i>L.Z. Samigullina, R.A. Garifullin, E.A. Ganieva</i> GRAMMATIC FEATURES OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION IN THE OIL AND GAS SPHERE	80
<i>M.Yu. Seiranian</i> PROSODIC CONFLICT MARKERS AND THEIR ROLE IN CONFLICT DISCOURSE	83
<i>E.V. Sivakova, V.P. Osadchaya, M.V. Repina</i> IMPORTANCE OF MEDIA EDUCATION AT THE PRESENT STAGE	87
<i>S.A. Stroykov</i> LINGUO-STYLISTIC ANALYSIS OF THE TEXT COMPONENT OF POLYSEMIOTIC HYPERTEXT "BBC" INFORMATION UNITS	90

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>M.B. Aitmagambetova</i> THE STRUCTURE OF THE FRAME "FAMILY" IN THE TELEVISION ADVERTISING DISCOURSE	93
<i>A.E. Astafyeva, A.R. Nurutdinova, E.V. Dmitrieva, I.S. Solodkova, A.A. Katekina</i> INTERCULTURAL COMMUNICATION IN A MULTILINGUAL ENVIRONMENT: THE FORMATION OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE (SOCIAL - PSYCHOLOGICAL FACTOR)	96
<i>A.A. Beketova, T.F. Artamonova</i> CONCEPT AS A BASIC UNIT OF COGNITIVE LINGUISTICS	99
<i>T.N. Borgoyakova</i> THE ROLE OF PARTICLES IN THE SYSTEM OF VERBAL CATEGORIES IN THE TURKIC LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA	102
<i>M.R. Bulatova, R.S. Barsukova, Z.A. Mukhaeva</i> ON SOME UDMURT BORROWINGS IN THE KURMANTAU SUBDIALECT OF THE TATAR LANGUAGE	105
<i>A.V. Guseinova, A.P. Lopsan</i> THE FEATURES OF THE NAMING OF GOD IN THE KHAKASS AND TUVAN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT	108
<i>N.V. Egorshina</i> DISCOURSE OF EPIDEYIC SPEECH IN MILITARY JOURNALISM	111
<i>M.A. Kossarik</i> MISSIONARY GRAMMAR BY A.A. BOBROVNIKOV (1849) IN THE CONTEXT OF MODERN LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY	114
<i>E.M. Kuular</i> FEATURES OF FORMATION OF PLEDGE FORMS OF VERBS IN THE SOUTH-EASTERN DIALECT OF THE TUVAN LANGUAGE	118
<i>M.I. Kysylbaikova</i> STIMULUS WORD "LITERATURE" IN THE UNDERSTANDING OF THE ENGLISH LANGUAGE SPEAKERS	122
<i>E.G. Lugovskaya</i> CULTURE – ANTHROPO - LANGUAGE	125
<i>L.A. Manerko, Mu Xinyu</i> THE DESCRIPTION OF HUMAN PATH STAGES FOR REACHING THE GOAL: CONCEPTUAL ANALYSIS OF EXAMPLES IN THE TEXT "DAXUE" ("THE GREAT TEACHING")	129
<i>D.A. Rozevatov</i> LINGUOSTYLISTIC AND COMPOSITIONAL FEATURES OF ACTUALIZATION SCRIPT «WAR» IN THE NOVEL «DEATH OF A HERO» BY R. ALDINGTON	137
<i>E.E. Safronova, A.A. Beketova</i> EXPLICATION OF NARRATOR WITHIN THE FICTIONAL TEXT BY MEANS OF THE VERBAL-TEMPORAL DISCREPANCY	141
<i>A.R. Shaidullina, G.T. Gubaidullina, Z.M. Sakhipova, A.M. Nizameeva, N.L. Ziganshin</i> INTERLINGUAL AND INTERLINGUAL PHONETIC INTERFERENCE: PECULIARITIES OF A LANGUAGE REGIONAL SPRING SYSTEM (ORAL SPEECH)	144

ABSTRACTS	147
------------------	-----

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Н.А. Кадырова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра русской литературы,
Уфа, kafedralit@gmail.com

**РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»:
ОПЫТ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ**

Статья представляет собой опыт современного комментария рассказа А. П. Чехова «Студент» с учетом особенностей его мифопоэтики, в том числе трансформации евангельской фабулы отречения Петра от Христа, представленной в пересказе героя произведения.

Ключевые слова: *А. П. Чехов, рассказ «Студент», актуализация евангельского сюжета.*

Современное состояние изучения лучшего рассказа А. П. Чехова, в отличие от советского периода, когда, например, даже А. П. Чудаков в своей книге 1971 года «Поэтика Чехова» [6, с. 257-258], анализируя произведение, совершенно оставил в стороне евангельской эпизод, характеризуется значительным усилением исследовательского внимания к его христианской проблематике и поэтике. Показательными примерами в этом плане являются работы В.В. Борисовой [1], Н.В. Капустина [4], Р.-Л. Джексона [2], И.А. Есаулова [3] и др.

Примечательно, что в статье В.В. Борисовой 1990 года уже обозначены те аспекты мифопоэтики рассказа «Студент», которые стали актуальными в современном чеховедении: это анализ и интерпретация текста писателя в его связях с евангельской традицией.

Н.В. Капустин, справедливо соотнося чеховское произведение с жанром пасхального рассказа, вписывает его в первую очередь в контекст русской религиозно-философской литературы конца XIX-XX вв. На наш взгляд, ближайший контекст (тем более что он обозначен авторскими отсылками) – евангельский. Не случайно именно в этом свете рассказ А.П. Чехова рассматривается многими современными исследователями, в том числе И.А. Есауловым и Р.-Л. Джексоном.

Таким образом, без учета приоритетных и самых главных евангельских источников невозможно адекватное постижение рассказа «Студент», который вообще выглядит литературной парафразой новозаветной истории об отречении Петра.

Сравнение рассказа с его библейскими источниками позволяет выявить смысл произведенной писателем художественной трансформации канонических текстов. Отметим здесь большую активность писателя в обращении с ними: Чехов по сути создал собственный, пятый вариант христианской легенды, который не совпадает буквально ни с одним из четырех Евангелий.

Указанные в комментариях полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова евангельские цитаты в тексте произведения относятся большей частью к Евангелию от Луки, а также – Иоанна и Матфея. Кроме того, упоминание о борьбе Петра со сном связано с Евангелиями от Матфея и Марка; о костре во дворе первосвященника говорится в Евангелиях от Марка, Луки и Иоанна. Последняя цитата «И исшед вон, плакася горько» соотносится как с Евангелием от Матфея, так и от Луки. Отсюда вывод: рассказ студента, не связанный в полной мере ни с одним из четырех новозаветных источников, представляет собой свободную контаминацию их сюжетных элементов.

Более того, композиционный анализ введённой в рассказ Чехова истории о Петре позволяет заключить, что она является творческой переработкой евангельского сюжета, в которой смещены смысловые акценты и введены новые содержательные мотивы и детали, в итоге существенно отделяющие авторский текст от канонических текстов.

Во-первых, в нем происходят структурные изменения. Последовательность событий в евангельском эпизоде в целом такова: тайная вечеря и предсказание Иисуса, ночь в Гефсиманском саду и «моление о чаше», предательство Иуды Искарота, сопротивление Петра, отречение Петра. Этот же эпизод в пересказе студента выглядит так: разговор Петра с Иисусом, предсказание его; описание состояния и поведение Петра в «страстную ночь»; Петр идет за Иисусом во двор первосвященника, греется у костра, его опознают как ученика Христа, и он трижды отрекается от учителя. Пение петуха напоминает ему пророчество и вызывает слезы горького раскаяния.

Таким образом, из трех планов евангельского повествования – о страданиях и мучениях Христа, о предательстве Иуды, об отречении апостола Петра – в рассказе студента развивается только мотив отречения и вероотступничества. В пересказе героя произведения оказываются опущенными важнейшие мотивы, связанные с земной историей Иисуса, в частности, его моление о чаше, но зато приобретают первостепенное значение детали, касающиеся поведения Петра, который и становится главной фигурой в повествовании.

Особый интерес студента к Петру определяется сходством их переживаний в Страстную пятницу. Характеризуя апостола Петра, Иван Великопольский наделяет его собственными ощущениями (одиночество в ночи, чувства тоски, уныния, холода, голода). Он дважды подчеркивает сходство собственной ситуации с евангельской. Конкретные реалии (холодная ночь, костер, люди, греющиеся у огня) – всё это вызывает у студента духовной академии ассоциации с евангельским эпизодом: «Точно так же (как вот я теперь)... грелся у костра апостол Петр»... «Значит, и тогда было холодно» [5, с. 306]. Активное сопереживание студента происшедшему девятнадцать веков назад заметно в его пересказе: «Ах, какая это была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь» [5, с. 306]. И самое главное: Петр и Иван Великопольский равно не выдерживают испытания веры. В этом отношении они своего рода двойники.

В итоге евангельский эпизод в чеховском рассказе актуализируется как за счет структурных изменений, так и целого ряда конкретных психологических деталей, что подтверждается реакцией слушательниц. Так, Василиса уже «была на двенадцати евангелиях» в церкви, но только после рассказа Ивана она заплакала, сопереживая и Петру, и Христу.

В пересказе студента евангельский эпизод оказывается более пластичным, в него вводятся развернутые описания природы и предметной обстановки, действие как бы одевается в декорации, приобретает эмоционально-психологическое напряжение. Причём повествовательная фантазия студента здесь достаточно активна и свободна.

Сравним финал рассказа с евангельским: «Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Пётр вспомнил слово Господа, как он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды. И вышед вон, горько заплакал» [Лука, 22, 61-61]. Можно предположить, что Петр заплакал от стыда, от сознания своего падения, это горькие слёзы унижения. Иван Великопольский в своём пересказе существенно отклоняется от евангельского текста, даже противоречит ему: «И Пётр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошёл со двора и горько-горько заплакал» [5, с. 308].

Студенту удалось выразительно рассказать не только о человеческой слабости Петра, но и о его способности раскаяться. Взглянув на Иисуса (но не наоборот, как говорится в Евангелии), Петр вспомнил свои слова, а не Иисуса: «С тобой я готов и в темницу и на смерть», о которых забыл в «страстную ночь», испугавшись за себя и предав учителя. И, вспомнив, очнулся, раскаялся в своей слабости: «Воображаю: тихий-тихий, тёмный-тёмный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания» [5, с. 308].

Фабульная схема реализуется у Чехова в новом сюжетном воплощении, вплоть до перверсии основного мотива. Если в евангельской легенде трижды звучал мотив отречения, отъединения людей друг от друга, то в раздумьях студента также трижды проводится связь между слезами Василисы, собственными переживаниями и переживаниями Петра. Несобственно-прямая речь, через которую передаются размышления героя, свидетельствуют в данном случае о близости его мироощущения – авторскому.

Таким образом, в чеховском произведении, по словам Н. В. Капустина, «жанр пасхального рассказа обретает новое дыхание» [4, с. 88], а евангельская фабула актуализируется в близком читателю нравственно-психологическом контексте.

Список литературы

1. *Борисова В.В.* Мифопоэтика рассказа А.П. Чехова «Студент» // Вопросы поэтики словесного искусства. Межвузовский сборник. – Алма-Ата, 1990. – С. 80-91.
2. *Джесон Р.Л.* «Человек живёт для ушедших и грядущих»: о рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вопросы литературы. – М., 1991. – № 8. – С. 125-130.
3. *Есаулов И.А.* Авторский текст и православный подтекст у Чехова // Русская классика: новое понимание. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 207-231.
4. *Капустин Н.В.* Рассказ А.П. Чехова «Студент»: преодоление жанрового канона // Жанрологический сборник. – Выпуск 1. – Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. – С. 79-88.
5. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: В 30 т. – М.: Наука, 1974-1983. – Т. 8. – С. 306-309. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с обозначением номера тома и страницы в скобках.
6. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. – М.: Наука, 1971. – 291 с.

10.01.01

Ли Аньци

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории русской литературы,
Москва, lianqiweila@yandex.ru

ЛУ СИНЬ КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Статья посвящена изучению истории перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» китайским писателем, переводчиком и филологом Лу Синем. Автор сосредоточивается на двух аспектах вопроса: биографическом и творческом. Первый аспект способствует пониманию причин интереса Лу Синя к гоголевской поэме благодаря изучению переписки писателя с друзьями и учениками, данным о его учебе и болезни; второй – раскрывает содержательную, творческую и методическую стороны переводов.

Ключевые слова: Лу Синь, Н.В. Гоголь, «Мёртвые души», буквальный перевод.

Лу Синь (25 сентября 1881 – 19 октября 1936, настоящее имя – Чжоу Шужэнь) – великий китайский писатель-классик, филолог, переводчик, основоположник современной китайской литературы, написал много известных всему миру произведений, включенных в сборники «Клич» (1923), «Блуждания» (1926), «Дикие травы» (1927), «Старые легенды в новой редакции» (1936) и др. Особое внимание ученых всегда привлекали такие произведения, как «Подлинная история А-Кью», «Дневник сумасшедшего», «Снадобье» и т.д. Творчество Лу Синя во многих отношениях отличается художественным новаторством, романы и повести писателя имеют злободневный, юмористический, сатирический характер.

Переводческая деятельность Лу Синя началась в 1903 году. Первым переводным произведением писателя является «Originede Fantine» Виктора Гюго. Лу Синь хорошо владел японским и немецким языком, поэтому почти все зарубежные произведения он переводил с этих двух языков. С 1903 до 1936 Лу Синем было переведено более 200 работ, издано 22 книги, состоящих из более 3 миллионов слов. Переводчик обращался к творчеству почти 100 писателей из 14 стран: произведениям «Путешествие к центру Земли», «С Земли на Луну» Жюль Верна, «Маленький Йоханнес» Фредерика Виллем ван Эдена, двухтомному «Сборнику зарубежных рассказов». В период 1927-1936 гг. особое внимание Лу Синь обращал на русскую литературу. За свою жизнь он перевел 45 произведений 32 русских писателей, например, «Мёртвые Души» и «Нос» Н.В. Гоголя, «Часы» Л. Пантелеева и рассказы «В тумане», «Ложь», «Молчание», «Книга» (1909) Л.Н. Андреева и т. д., а также более 40 критических статей.

В Китае существуют 3 критерия хорошего перевода: достоверность, доходчивость, изящество. Данную формулу утвердил глава института переводов в Китае, Янь Фу в последние годы правления династии Цин. Однако переводчики, следуя принципам доходчивости и изящества, не сохраняют первого принципа – достоверности. В то время среди переводов наиболее востребованными считались работы Линь Шу, в которых содержание художественных произведений было сильно изменено в соответствии со вкусами китайских читателей, поэтому доместикация в переводе является основным направлением той эпохи. Лу Синь в первые годы пребывания и учебы в Японии находился под сильным влиянием переводов Линь Шу, поэтому в таких произведениях, как «Путешествие к центру Земли» и «С Земли на Луну» художественное содержание и идея были сильно искажены. К концу обучения в Японии Лу Синь отвергал принцип доместикации и был нацелен на форенизацию [3, с.45]. «Сборник зарубежных рассказов» стал его первым опытом буквального перевода. Лу Синь так вспоминал об этом принципиально важном изменении в

письме к своему ученику Масуда Ватару: «Когда я и Чжоу Цзожэнь были ещё в Токио, в то время в Китае самыми популярными переводами зарубежных произведений являлись работы Линь Шу на язык «вэньянь». Хотя его переводы действительно были хороши, многие были неправильны. Мы были недовольны и хотели исправить это, поэтому начали нашу переводческую деятельность» [10, с.196].

В изучении истории перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», выполненного Лу Синем, мы будем опираться, прежде всего, на биографические данные (события жизни писателя и его переписка с друзьями) и творческие особенности переводов (сложности, возникающие при переводе, история переизданий и пр.).

Характерной чертой переводных произведений Лу Синя является «буквальный перевод», используемый, в основном, для сохранения культурной и языковой уникальности зарубежных произведений [4, с.156]. Лу Синь понимал, что иностранная культура незнакома китайским читателям, но в то же время она нова и способна обогатить китайскую культуру и язык.

Как переводчик Лу Синь придерживался того же литературного принципа, что и в писательской деятельности: для него главная функция литературы – просвещать людей и реструктурировать общество. Он говорил: «Если в массе своей народ невежествен, любой человек, самый рослый и самый сильный, может либо оказаться в числе бездумных зевак, либо быть выставлен на позор. Первой необходимостью я стал считать тогда духовное возрождение и лучшим средством для него — литературу» [13, с.146].

В 1909 году Лу Синь перевел японскую статью “Воззрения Гоголя” Татэно Нобуюки. Лу Синь – первый человек, который перевёл “Мертвые души” Н.В. Гоголя в Китае, с немецкого (Otto Buek (Оттон Бук), а в 1920 – «Die Abenteuer Tschitschikows oder Die toten Seelen») [6, с.31], сверил текст с двумя японскими переводами и сокращённым английским вариантом. К сожалению, из-за ухудшения здоровья Лу Синь не успел довести свою работу до конца – ему удалось перевести только первый том и три первые главы второго тома.

Китайский писатель решил переводить «Мертвые души» по предложению Чжэна Чжэньда для издания «Сокровищницы мировой литературы» (сборника зарубежных произведений). По мнению Лу Синя, ценность произведений Н.В. Гоголя заключается в том, что они влияли не только на русское общество того времени, но и оказывают влияние на нынешнее общество, а также имеют мировое значение. Однако он перевёл “Мертвые души” не только для того, чтобы у китайцев была возможность читать эту книгу, но и с целью пробудить дух и силу китайского народа. Лу Синь нашёл много сходств между обществами двух стран, и знакомство и изучение творчества Гоголя было призвано помочь китайскому народу найти верный путь дальнейшего социального, нравственного и политического развития.

Во время работы над переводом поэмы Лу Синь сталкивался со многими профессиональными трудностями, например, пониманием смысла названия “Мертвых душ” и переводом его на китайский язык, а также незнакомых слов в меню 19-го века, названий карточных игр и т.д. Затруднения вызвали писательская манера и художественный стиль Гоголя, которые невозможно воспроизвести на китайском языке.

Словосочетание “Мертвые души” в русском языке имеет два значения: первое, буквальное, связано с сюжетом, т.е. имеются в виду мёртвые крестьяне; второе связано с религиозно-философской проблематикой поэмы. Гоголь назвал свое произведение “Мертвые души”, потому что он считал, что люди живут без Бога, т.е. их души мертвы. Писатель также включал в смысловое поле названия помещиков и чиновников, самого Чичикова. О переводе названия поэмы в Китае велся серьёзный спор. В истории перевода “Мертвые души” (перевод текста и критические статьи) существовали разные варианты названий, например: мёртвые души, души, мёртвые крестьяне, мертвецы и другие. Немецкий переводчик Оттон Бук перевёл название “Мертвых душ” со значением смерти души людей. Лу Синь сначала определил название “Мертвых душ” на китайском языке как “Мёртвые крестьяне”, потому что он знал два варианта японского перевода, которыми пользовался во время работы, –

«смерть души людей» и «мёртвые крестьяне». Однако такой вариант Лу Синь применил только в примечании к переводу повести «Нос». Наконец, Лу Синь выбрал название «Мертвые души» на китайском языке со значением смерти души. Причина в том, что, во-первых, значение смерти души людей и значение мёртвых крестьян не могут быть включены в китайское словосочетание «мертвые крестьяне». Во-вторых, Лу Синь правильно понял семантическую глубину «Мертвых душ». Значения, включаемые в это словосочетание, не противоречили китайской культуре и мировоззрению. «Мертвые души» на китайском языке выражают значение, что человек жив телом, однако мертв душой и не способен думать и чувствовать.

Влияние Н.В. Гоголя на Лу Синя наиболее ярко выразилось в художественной связи между двумя одноименными повестями писателей «Записки сумасшедшего» и в том, что Лу Синю как переводчику и филологу принадлежит лучший китайский перевод гоголевской поэмы «Мертвые души» с наиболее полным на сегодняшний день литературоведческим комментарием.

Внимание Лу Синя к великому русскому писателю Н.В. Гоголю отмечено в науке как едва ли не самое раннее в Китае. В молодости, во время учебы в Японии, Лу Синь занимался переводом произведений европейских писателей, в числе которых был и русский писатель Н.В. Гоголь. Первое оригинальное произведение Лу Синя «Дневник сумасшедшего», или «Записки сумасшедшего», написано под влиянием одноименной повести Н.В. Гоголя.

Позднее Лу Синь часто писал о личности и творчестве Н.В. Гоголя, например, в ноябре 1919 года в «Субъектах тиранов» упоминается пьеса «Ревизор» Н.В. Гоголя, в 6 ноября 1922 года в статье «Непонятая транслитерация» писатель поднял вопрос о правильном переводе фамилий иностранцев и в качестве материала для примера избрал произведения Н.В. Гоголя; в «Дороге», написанной 10 апреля 1928 года, процитировал «Ревизора»; 14 ноября 1934 года в небольшом произведении «Отвечая на письмо редактора «Театр»», еще раз упомянул о комедии. Лу Синь часто цитировал Гоголя и ссылаясь на его творчество, однако наиболее существенным в вопросе о связи двух писателей является то, что Лу Синь занимался переводом произведений Н.В. Гоголя, посвятив этому почти всю жизнь.

В письме к Чжоу Цзожэнь от 25 августа 1921 года Лу Синь утверждал, что он должен перевести все творчество Н.В. Гоголя. В июле 1934 года Лу Синь выполнил перевод гоголевского рассказа «Нос» и опубликовал его в журнале «Перевод». В «Приложении к переводу «Нос»» писатель с сожалением говорит об отсутствии в Китае перевода «Мертвых душ»: «Более цивилизованные страны имеют переводы, и прискорбно, что у Китая никогда не было перевода» [11, с. 346]. Вскоре Лу Синь взял на себя эту важную задачу и, в ущерб здоровью и даже жизни, начал переводить поэму.

Своеобразным катализатором для Лу Синя, побудившим его заняться переводом «Мертвых душ» стало небольшое событие, которое произошло зимой 1926 года. Писатель Гао Чанхун в 10-м выпуске журнала «Ураган» написал следующее язвительное замечание в адрес Лу Синя: «Я надеюсь, что господин Лу Синь сохраняет достоинство «одинокое человека» и пишет свои «Мертвые души»».

Согласно «Дневнику Лу Синя» [11, с. 455-480], 24 июня 1934 года писатель приобрел «Мертвые души», переведенные Эндо Фунг Ма, опубликованные Токийским культурным обществом в том же году, и начал подготовку к переводу этого произведения. Однако переводчик ссылаясь на другой японский перевод, выполненный и опубликованный «Японской научной прессой» в октябре 1934 года. В дневнике от 15 февраля 1935 года содержится следующая запись: «Перевёл один раздел «Мёртвых душ» [11, с. 467]. 9 марта в письме к Чжэн Чжэньдо Лу Синь написал: «Теперь перевожу «Мертвые души»» [11, с. 466]. Таким образом, в начале 1935 года работа над переводом поэмы уже велась. Первая и вторая главы были переведены 12 марта, в перевод третьей и четвертой начался 8 мая. Однако эта работа была крайне тяжелой и губительной для Лу Синя. В ночь на 17 мая 1935 года в письме к Ху Фэн он пишет: «В эти дни из-за перевода «Мертвых душ» у меня кружилась голова. Раньше я презирал Гоголя, думал, что это легко перевести, но это было трудно. Его ирония

прекрасная, <...> существуют меню XVIII века, а игра в карты в XVIII веке действительно хитрая» [11, с. 460]. Кроме того, японские переводы, на которые есть ссылки, сильно отличались от немецких переводов и имели многочисленные ошибки. Это заставило Лу Синя невольно вздохнуть: «Перевод не легок» [11, с. 460]. На следующий он написал письмо к Сяо Цзюню, где говорил о том, что он слишком занят, чтобы переводить «Мертвые души». Двадцать второго мая в письме к Хуан Юаню Лу Синь говорил: «Четвертая глава «Мертвых душ» переведена. Если вы переводите такую вещь, я думаю вы действительно хотите умереть» [11, с. 461].

Не только перевод поэмы был сложным для Лу Синя, но и дальнейшее издание книги. В письме к Хуан Юаню от 25 мая содержится следующее: «В сборнике «Всемирная библиотека» увидел перевод, но в «Мертвых душах» есть много опечаток» [11, с. 461]. Первая и вторая главы «Мертвых душ» были опубликованы в издании Life Book Store «World Library» двадцатого мая. Писатель попросил Хуан Юаня пойти к корректору, чтобы исправить опечатку и уменьшить количество ошибок в опубликованной книге.

Издательство «Всемирная библиотека» выпускало переводы «Мертвых душ» по две главы, поэтому дальнейший перевод каждой двух глав становится рабочим заказом для Лу Синя. Сюй Шушан однажды вспомнил: «Когда Лу Синь заболел, я пришел к нему в гости и заговорил об этом переводе. Он сказал мне: «Это действительно головокружение и изнеможение. Я всегда думал, что переводить книги легче, чем создавать, по крайней мере, не нужно думать, где знать сложно!...». Говорил он с горьким чувством на лице» [11, с. 367]. Лу Синь по характеру был сильным и решительным человеком, он считал сочувствие других людей неприемлемым для себя, но все же открывался близким друзьям.

30 августа 1935 года Лу Синь перевел девятую и десятую главы и отправился в книжный магазин, чтобы доставить перевод. Великие достижения должны быть завершены. Однако в то время писатель думал о более крупном своем плане: переводе и публикации антологии Гоголя. Дело в том, что 27 ноября 1934 года Лу Синь приобрел немецкий перевод «Полного собрания сочинений Гоголя», в результате чего возникла идея перевести его на китайский язык. Хотя он знал, что это «обычная маленькая мечта, ее было трудно осуществить» [11, с. 465]. В письме, адресованном переводчику Мэн Шихуань 8 сентября 1935 года, Лу Синь предложил разделить китайский перевод избранных сочинений Гоголя на шесть видов публикаций: 1. «Вечера на хуторе близ Диканьки»; 2. «Миргород»; 3. «Нос и другие»; 4. «Ревизор и другие»; 5. «Мертвые души» (т. 1); 6. «Мертвые души» (т. 2) и «Исследование о Гоголе». Когда его самый важный перевод «Мертвых душ» был близок к завершению, возник этот более крупный проект. К сожалению, этот план не был завершен при жизни Лу Синя, и опубликованы только второй и пятый пункты.

Лу Синь так оценивал свою работу: «Все мои переводы, за исключением некоторых, в том числе «Мертвых душ», потеряли свою остроту, некоторые не заслуживают внимания и их незачем читать». Китайские критики и читатели дали высокую оценку переводу Лу Синя. Например, китайский литератор Ба Цзин сказал, что поэма «Мертвые души», переведенная Лу Синем, является лучшим переводом XX века в Китае. Другие утверждали, что этот перевод оказал огромное влияние на китайскую литературу. Благодаря Лу Синю в Китае появилось много талантливых переводов сочинений Н.В. Гоголя, например, известный русско-китайский переводчик Мэн Шихуан выполнил переводы рассказов «Майская ночь», «Миргород», а также статьи, посвященные жизни и творчеству Н.В. Гоголя.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: решение Лу Синя перевести произведения Гоголя на китайский язык имеет необыкновенно важное значение для китайской литературы и китайского народа. Благодаря Лу Синю китайцы познакомились с творчеством русского писателя. Второй перевод «Мертвых душ» считается одним из самых замечательных переводов в Китае. Лу Синь посвятил много лет своей жизни переводу поэмы «Мертвые души», и с особой тщательностью подходил не только к методу и стилю перевода, но и оформлению и иллюстрированию книг.

Список литературы

1. Воронаев, В.А. Тайна великой поэмы: к 175-летию выхода в свет 1-го тома "Мертвых душ" // Литература в школе: научно-методический журнал. – 2017. – № 12. – С. 2-4.
2. Ван Йюгуй. Переводчик Чжоу Чжоужэнь. Чэнду: Сычуаньское литературное издательства народа. – 2001. – 285 с.
3. Ван Сяофэн. Культурная интерпретация о мысли изменения перевода Лу Синя // Чтение литературы и истории. – 2011. – № 7. – С. 44–47.
4. Ву Цзяоцзяо. Отсутствие в мысли перевода Лу Синя – мысли о «свободном переводе» и его значение // Современная литература. – 2015. – № 12. – С. 155–157.
5. Гоголь, Н.В. Мёртвые души. Переводчик Лу Синь. Нанькин: литературно-художественное издательство Цзянсу. – 2018. – 288 с.
6. Джон Евгений фон Коваллис. Перевод Цзян Исинь. Перевод и творческая индивидуальность: переоценка Лу Синя как переводчика // Лу Синь исследования ежемесячно. – 2011. – № 8. – С. 31.
7. Ло Сюаньминь. Переводы зарубежной литературы в Китае. Хэ Фэй. Издательство: Ань Хуй литературное и художественное издательство. – 2003. – 390 с.
8. Пантелеев Л. Часы. Переводчик Лу Синь. Шан Хай: издательство Илин. – 2014. – 252 с.
9. Лу Синь и Чжоу Цзожэнь. Сборник зарубежных рассказов. В 2 т. Т. 1. Пекин: бюро редактирования и перевода. – 2014. – 109 с.
10. Лу Синь. Письмо К Масуда Ватару от 16 января 1932г // Лу Синь. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. Пекин: литературное издательства народа. – 2005. – С. 196.
11. Лу Синь. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 13. Пекин: литературное издательства народа. – 2005. – 890 с.
12. Лу Синь. Письмо. 360219 К Ся Чуаньцзину // Лу Синь. Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 14. Пекин: литературное издательства народа. – 2005. – С. 33.
13. Предисловие к сборнику «Клич». Лу Синь // Повести · Рассказы перевод с китайского // Литература XX века. Серия третья. М.: Художественная литература. – 1971. – С. 46.

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПАРАТЕКСТА В ПЬЕСЕ О. МУХИНОЙ «Ю»

Особую роль в пьесе О. Мухиной «Ю» выполняют паратекстуальные отношения, представленные традиционным паратекстом (в частности рамка) и, собственно, невербальным компонентом, выраженном в визуализированном сопровождении текста (картины пьесы сопровождаются фотокартинками). Семантический сегмент пьесы выражается имплицативно через рецепцию символов, аллюзий (в частности, Вен. Ерофеев, Д.И. Хармс), абсурда (образная система и система диалогов).

Ключевые слова: *О. Мухина, «Ю», паратекст, драма, абсурд.*

Жанр пьесы О. Мухиной «Ю» определен автором как «пьеса с картинками». Традиционные структурные параметры сочетаются в ней с усиленным визуальным компонентом (рисунки, фотографии), реализующим ее функциональную художественную природу. Т.Ф. Семьян выделяет «коммуникативную, эстетическую, орнаментальную», оформляющую (атмосфера), стилистическую (колорит эпохи) и репрезентирующую (система образов) функции [4: 163].

Помимо названных невербальных действующих элементов, определяющих отличительную специфику пьесы «Ю» и принадлежащих сфере паратекста, особую роль в ней играют традиционный паратекст (в частности рамка) и, собственно, семантическое пространство, как правило, представляемое имплицативно и формально выражаемое с помощью приемов и принципов абсурдистики.

Пьеса озаглавлена буквой «Ю», что прежде всего наводит на мысли о нарушении стандартов, характерном для абсурда. Тем не менее название поддается трактовке при интерполяции возможностей, возникающих в процессе анализа паратекстуальных отношений. Название воленс-ноленс подключает ассоциативный номинативный ряд текстов отечественной литературы, первым номером в котором идет поэма Вен. Ерофеева «Москва—Петушки». Хотя в пьесе «не конкретизирован хронотоп» [4: 163], всё же топос уточнен в достаточной степени, пусть и носит эмблематический характер. Фантазмагорийность Москвы обоих текстов авторы стремятся воплотить сразу: Вен. Ерофеев — в первом же предложении, приводить которое не имеет смысла вследствие его общеизвестности, О. Мухина опосредованно — в начальной рамке, насыщенной знаками сюрреалистического абсурда с классической для него вихревой и в то же время замедленной акциональностью, смешением эпох и знаменательным последним предложением: «Мимо Маяковского, Пушкина и Гоголя мчатся белые Роллс-Ройсы, троллейбусы и гужевые повозки. Утренние самолеты пролетают над прудами, лошади, велосипедисты и пешеходы сталкиваются с поющими мексиканцами. Цветет сирень, пахнет дождем, хлебом и солью. Над всем городом светит большое солнце.

Сева и Андрей идут в сторону Кремля» [3]. Отсутствие локальной и исторической конкретизации (некая всеобщая Москва) возвращает нас к толкованию названия пьесы с точки зрения семантической всеобщности: из Москвы стремится герой Вен. Ерофеева, — наоборот, в некую метафизическую Москву желают попасть герои О. Мухиной (несмотря на то, что в ней уже находятся): «**Дмитрий. А я им отвечаю — МОСКВА НЕ ТАК ДАЛЕКО КАК ВАМ КАЖЕТСЯ НУЖНО ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ В НЕЙ ОКАЗАТЬСЯ**» [3].

Название «Ю» можно воспринимать как экспликацию микрокосма и макрокосма, образы которых у Вен. Ерофеева в определенной степени смыкаются в этой букве, а у О. Мухиной приближаются к такому воссоединению. Обнаруживается еще одно общее место: просматриваются отчетливые параллели с другим отечественным текстом абсурда — «Суером—Выером» Ю.И. Ковалёва: «<...> Палка и кружочек, да ещё они соединены чёрточкой! Это же целый мир, сэр! Это вселенная, это намёк на продолжение рода и вечность всего сущего!» [2: 86]. (Кроме того, вспомним, что Ю там было именем весьма акселеративного младенца).

Выходит на первый план «графическое» объяснение названия пьесы: буква «Ю» как нерасчленимое слияние (горизонтальная черта (перекладина)) человека (вертикальная черта) и мира (круговая линия), микрокосма и макрокосма, как символ целостности творца и творения, заключенного в едином буквенном знаке, транслитерируемом и переводимом с английского как «ты», — знаковой персонификации диалога художника и читателя-реципиента информации.

Универсальность и одновременно ирреальность сюжета пьесы подчеркивается разнородностью иллюстративного материала: в основном это фотографические снимки разных исторических эпох — как из конца XX в. (пьеса выпущена в 1996 г.), так и более раннего времени (открытки XIX в. и т.п.). Это также изображения выдающихся и известных личностей (С. Буденный, Ф. Синатра и др.), подписи к которым делегируют имена персонажей пьесы и ее фабула, т.е. подписи не соответствуют реальной фактологии, а отвечают вымышленной действительности «Ю», тем самым косвенным образом обнажая абсурдность материального мира. К примеру, персонаж пьесы Степан Иванович соотнесен с портретом С. Буденного, персонаж Сева — с портретом Ф. Синатры, и т.д.

Метафора полета, которую О.Д. Буренина считает едва ли не магистральной для русского абсурда 1910—1930-х гг. [1: 188—241], реализуется как в вербальном, так и в невербальном тексте пьесы. Полет как выход за пределы рационального, логики, разума, осмысленности, а равно и серости, обыденности, рутины, автоматизма восприятия запечатлен в разнообразии на фотоснимках, в ремарках, в диалогах (*«В небе слышится звук пролетающего самолета. Андрей задирает голову»*).

Андрей. Это Пирогова, видимо, летает где-то там, в облаках, целуется с летчиком в невесомости. Эй, я здесь! Здесь! (Смеется.) Только ты презираешь мою любовь» (Мухина, электронный ресурс)).

Контрастирует с «левитационной» метафора воды как бессмысленного течения жизни, экзистенциальной тоски, выраженная в символах слез (ср., «Москва слезам не верит» в рецепции Б.Ш. Окуджавы, В.В. Меньшова), снега (знак трансформаций, апокалипсиса, но и спасения), спиртного: «**Аня** (смеется). Возьмите меня с собой! И бежимте отсюда, бежимте вместе, скорее, скорее! Мы воспарим с вами над красной брусчаткой, не задев крылом ни башни, ни одного тополя, будем далеко! Там вам будет лучше, там вы не уроните ни слезы!» и др. [3].

В то же время однозначности в представленной метафорике нет, значения метафор может меняться вплоть до диаметрально противоположных в зависимости от рецепций персонажей. Чаще всего это связано с образом Андрея, что заметно в цитатах, приведенных выше и далее. К примеру, трансформация метафоры полета: «**Андрей.** Все мои мечты пролетают мимо! (Смеется.) Вот она — та жизнь, которую я так и не смог попробовать, сломал зубы!» [3].

Наиболее ярко эксплицирован абсурд в эпизодах с участием двух старушек, вызывающих закономерные ассоциации с известными текстами Д.И. Хармса. Пребывая на кордоне земного и неземного рубежей, являясь коммуникантами между ними в кризисный момент жизни персонажей пьесы (по сюжету Москва введена в военное положение), они олицетворяют собой танатос и хаос, привносимый извне и воплощенный в событийной ситуации коллапса. Старушки в пьесе «Ю», подобно хармсовской Старухе, легко проникают в чуждые пределы, свободно пересекают границы между мирами, причем в мире материальном появляются всегда в судьбоносные для остальных персонажей периоды, когда

те находятся в пограничных состояниях и способны воспринимать скрытую логику мироздания (к примеру, впервые они возникают в момент узнавания об аресте Коли). Формально их выход нередко приурочен к началу или завершению той или иной картины, т.е. фактически они представляют собой также метафизических хранителей порталов, как сюжетно, так и композиционно (даже список действующих лиц замыкается их образами). Они разговаривают между собой и иногда с прочими персонажами на «птичьем языке» посвященных, на зауми, часто близкой к фольклорной, звучащей для неосведомленных как бессмыслица:

«Первая. Мы ходили муку выбирали

Вторая. На пальцы плевали, шарики катали

<...>

Первая. Ах, белая мука

Пирогова. КАК СНЕГ

<...>

Вторая. Свадьбу играть» [3].

Часто старушки пародируют других персонажей, либо потенциальный эпизод новой картины пьесы, снижая тем самым пафос происходящего и некоторым образом остроя действие, а также создавая атмосферу потусторонности. Повторим: старушки — носители танатологической энергии, они в некотором роде — напоминание о смерти, которое, по сюжету, так и остается лишь напоминанием:

«В комнату заглядывают старушки.

<...>

Первая. Все, все вы будете мертвые.

Елизавета Сергеевна. Уходите, мы проживем гораздо дольше вас.

Старушки смеются, уходят» [3].

Таким образом, паратекстуальные отношения выполняют в пьесе Оли Мухиной функцию абсурдизации ее структурно-содержательной специфики. Значение названия частично рассекречивается уже в первой картине пьесы через рецепцию образа Москвы как релятивного локуса, коррелирующего с солярной семантикой, и посредством оценки характера ассоциативной цепи, связанной с авторскими текстами, где проявляет себя категория абсурда. Она выступает на передний план также благодаря усилению символического элемента (вода, воздух), интенсификации формального аллюзивного компонента (Вен. Ерофеев, Д.И. Хармс и др.) и танатологического мотива.

Список литературы

1. Буренина О. «Реющее» тело Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900—1930-х годов [Текст] / О. Буренина // Абсурд и вокруг: Сборник статей / Отв. ред. О. Буренина. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 188—241.
2. Коваль В.И. Суер-Вьер и много чего еще: роман, повести, рассказы [Текст] / В.И. Коваль. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 960 с.
3. Мухина О.Ю. Пьеса с картинками [Электронный ресурс] / О. Мухина. — Режим доступа: <http://www.theatre.ru/drama/muhina/u.html> (Дата обращения: 11.08.2019).
4. Семьян Т.Ф. Кинематографичность пьесы О. Мухиной «Летит» [Текст] / Т.Ф. Семьян // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 162—168.

10.01.01

С.Ф. Меркушов канд. филол. наук

Тверской государственный университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверь, stas2305@gmail.com

«ДИАЛОГ С ДРУГИМ» КАК ИНДИКАТОР АБСУРДА В ТЕАТРЕ Н.В. КОЛЯДЫ (НА ПРИМЕРЕ РАНИХ ПЬЕС «РОГАТКА» И «ВОР»)

Прием диалога с Другим функционально связан с направлением театра абсурда, что дает право исследовать указанные пьесы с точки зрения наличия и развития в них абсурдистского компонента. Наиболее активны следующие: определенная ситуативная маргинальность персонажей и одновременно глобальная их «обочинность»; переосмысление традиционного для театра абсурда «глухого» диалога (сочетание вербальной агрессии с сентиментальными интонациями, истончение грани между правдой и ложью).

Ключевые слова: Н.В. Коляда, «Рогатка», «Вор», «Диалог с Другим», абсурд.

Понятие «Другой» является одним из центральных в философии экзистенциализма, с которой так или иначе коррелировали художественные искания западных писателей-абсурдистов. Особый смысл вкладывал в этот термин А. Камю, философия которого будет служить для нас обрамляющим фактором рассмотрения ранних пьес Н.В. Коляды. Для А. Камю, постигшего абсурдность человеческого существования, Другой — это субъект, обуславливающий экзистенцию другого субъекта и понимаемый как «точка пристежки» (Ж. Лакан), «которой человек прикреплен к миру и благодаря которой в состоянии существовать и бороться в абсурдном мироустройстве»: «так образуется субъект-субъектная социальная структура» [7: 15]. Подчеркнем, что А. Камю как философ и писатель проповедовал т.н. «героический абсурд» (в терминологии И. Хассана [цит. по: 1: 33]), предполагающий сопротивление экзистенциального человека абсурдности бытия. Между тем в пьесах Н.В. Коляды, большинство которых, с нашей точки зрения, написаны в русле абсурдистики, значителен элемент т.н. «негероического» абсурда, характерного для творчества С. Беккета с системой образов беспомощных, одиноких, маргинальных, деклассированных и т.п. героев и персонажей. Помимо этого, драма Н.В. Коляды, будучи бесспорно оригинальной, вобрала в себя многие художественные достижения современного театра, среди которых новые деконструирующие, демифологизирующие, формально-игровые авторские стратегии. В то же время она включает в себя спектр как авангардистских приемов, присущих поэтике абсурда, так и традиционных драматургических принципов повествования, накопленных опытом русской классики.

В пьесе «Рогатка» поднимается проблема поиска Другого и потребности в нем как в помощнике в бегстве от абсурдности бытия и как «точки пристежки» к абсурдному миру и существованию. Возможна двоякая трактовка этого вопроса. Специфичные для западного театра абсурда, особенно для театра С. Беккета или Г. Пинтера, приемы реализуются здесь в художественном пространстве узнаваемых советских реалий. Кажущаяся поначалу полярность, но вместе с тем двойничество, затем похожесть персонажей вплоть до слитности одного с другим; пристальное внимание к болезни (в данном случае инвалидность одного из героев (Ильи) и связанная с этим его «обочинность» (алкоголизм и сопутствующие ему маргинализирующие человека условия)), отсутствие реального диалога, где собеседники *слышат* друг друга, и т.п. представляются при этом как характерные для творчества Н.В. Коляды начального периода в принципе, в связи с чем он длительное время был отнесен критикой к т.н. «чернушным» писателям [см., к примеру, 2]. Однако, присутствие «мелких»

тем [6] далеко не самоцель для драматурга, но служит сильнейшему освещению проблематики высшего порядка. И здесь, с одной стороны, появление Другого (Антон) трансформирует Илью, заставляет переступить порог человеконенавистничества, ставит перед необходимостью перешагнуть через негативное восприятие абсурдности бытия и начать творчески преображать себя и окружающее. В герое «рождается надежда на преодоление кошмара одиночества» [6: 48], хотя объект — Другой не оправдывает ожиданий. Н.В. Коляда в «Рогатке» доводит до абсурда отправную ситуацию: окончательное соединение с Другим вряд ли возможно в первую очередь ввиду уголовного преследования гомосексуалистов в СССР.

С другой стороны, читатель в этой пьесе опять сталкивается с характерной схемой решения образной системы: оба объекта взаимоотражаются, причем зеркальность их проявляется на уровне архитектоники пьесы. В первом действии мы вроде бы видим бесповоротное социальное падение Ильи, во втором персонажи словно меняются ролями (ср., (Первое действие) об Илье: «<...> Одет очень грязно. Лицо желтое. Глаза черные, злые и трезвые, а руки пьяные. Летают туда-сюда. <...>» [4]; об Антоне: «На нем белая рубашка, джинсы. Явно пользуется бешеным успехом у девушек. Но в нем нет наглости и высокомерия, присущих обыкновенно таким смазливому пацанам. Красив, строен, прямые волосы откинута со лба» [4]. (Второе действие) «Илья сидит в коляске — выбритый, посвежевший, неловко улыбается». <...>» [4]; об Антоне: «Он пьян. Волосы разлетелись по голове. Он в синей майке, джинсах <...>» [4]).

Не только сами герои постоянно меняются местами, но и всё, что окружает каждого в отдельности, включая бессознательные процессы. К примеру, первоначально похабные сны героя, как он сам их определяет [4], постепенно трансформируются и к концу пьесы «преобразуются» в реальную гибель, смерть, персонифицированную в том числе в фольклорно-метафизическом символе черного голубя (в этой пьесе, кстати, замечаемого и интерпретируемого героями в сновидении (частотны мнения исследователей о том, что у персонажей Н.В. Коляды отсутствует рецепция символов потустороннего мира [3: 233])).

Той же корреляцией мотива двойничества с традицией театра абсурда опосредован прием взаимной глухоты в диалогах, причем с похожей методологией и мотивацией. Как у С. Беккета, нежелание слышать Другого сопровождается вербальной агрессией в качестве способа оставаться внутри своей эфемерной скорлупы, и в то же время в итоге всё обуславливается неспособностью «отпустить» Другого и страхом его потерять.

Между тем в рассматриваемых пьесах Н.В. Коляды герой способен услышать Другого, впустить его мир в свой, хоть это и «грозит ... разрушением собственного Я» [5: 205]. Так, Илья, поверив Антону, выходит из своей зоны комфорта (пусть и выраженной в пьянстве и мизантропии) тем самым заменяя свой образ мира, в котором он на самом деле предполагал себя счастливым, другой иллюзией и впоследствии теряя всякие иллюзии и надежды. На наш взгляд, здесь происходит переосмысление философской концепции А. Камю об абсурде и самоубийстве. Финальное прозрение героя наступает, именно когда он понимает, что истинного диалога не получится, когда он понимает, что потерял своего Другого. Однако это последнее могло стать для Ильи новым правильным началом, либо полнейшим крахом и гибелью, в зависимости от того, насколько он внутренне наполнился и наполнился ли. Оттого финал пьесы открыт, хотя в целом ясно, что Илья по своей воле расстается с жизнью. Метафизический посыл пьесы, в пику атеистическим концепциям французских экзистенциалистов о «смерти Бога», развивается в снах героев (а также в отдельных монологах, напоминающих молитвы («Илья. Господи, услышь мое проклятье ему, услышь! Пусть всю оставшуюся жизнь он мучается за свою жестокость <...> Нет, нет, нет, Господи ... Помоги ему жить.» [4]), в частности, в завершающем пьесу: «Голос Ильи. <...> Бог меня наказал за все <...>. Антон. <...> Скажи мне, Илья, мы встретимся? <...> Илья. <...> Мы обязательно встретимся ... » [4]. Укажем на характерное для формальной структуры всех рассматриваемых пьес Н.В. Коляды навязчивые повторы слов, сочетаний, фраз, значение которых для абсурдистики не раз нами комментировалось (к примеру, здесь:

«А я все ору и ору: “Я живой, живой, живой! ..”» «Тебе снится, снится, снится <...> Спи ... Нам все снится, снится, снится ...» [4]).

В пьесе «Вор» сконцентрированы все разобранные приемы и мотивы (двойничество / зеркальность / слитность; вера / обман / безверие / иллюзия; глухота / страх / сентиментальность, и т.п.), при том, что возможность диалога с Другим сведена на нет, поскольку Другой создан воспаленным сознанием персонажа. Тем не менее вся пьеса построена на этом диалоге, в итоге, как выясняется, протекавшем внутри одного утратившего рассудок героя. Репрезентировано, как может показаться, абсолютное одиночество, и попытки его преодоления тем более абсурдны, что совершаются душевнобольным человеком. На самом же деле, несмотря на психическую неполноценность персонажа и недостижимость реального воссоединения с желаемым объектом, финал оптимистичен прежде всего в силу постоянного присутствия в его жизни, как следует из текста, заботящейся о нем жены, образ которой параллельно наделен некой универсальной символикой, в том числе *фактического* Другого («На кухне — двое. Он и Она. Больше нет никого. Не было. И не будет» [4]), а также наличия потенциальных шансов не единожды встретиться с теоретическим Другим, который, как предполагается, когда-то существовал в действительности, и, видимо, с которым и связано сумасшествие героя.

Таким образом, в рассмотренных ранних пьесах Н.В. Коляды прием диалога с Другим функционально подчинен художественной специфике театра абсурда, что, позволяет, помимо часто отмечаемых литературных традиций (сентименталистской и пр.), говорить о наличии и развитии в текстах драматурга абсурдистской тенденции.

Список литературы

1. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина / О. Буренина [Текст] // Абсурд и вокруг: Сборник статей / Отв. ред. О. Буренина. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 7—75.
2. Зорин А. Круче, круче, круче... История победы: чернуха в культуре последних лет [Текст] / А. Зорин // Знамя, 1992, №10, С. 198—204.
3. Канарская Е.И. Двоемирие как архетип русской литературы и его воплощение в творчестве Н.В. Коляды [Текст] / Е.И. Канарская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 3. С. 231—236.
4. Коляда Н.В. Пьесы [Электронный ресурс] / Н.В. Коляда // Театральная библиотека Сергея Ефимова. — Режим доступа: <http://www.theatre-library.ru/authors/k/kolyada> (Дата обращения: 25.08.2019)
5. Купреева И.В. Интертекстуальный пласт пьесы Н. Коляды «Полонез Огинского» как проводник поэтики сентиментализма (к проблеме типологии героя) [Текст] / И.В. Купреева // Научный диалог. — 2016. № 12 (60). С. 198—210.
6. Лейдерман Н.Л. Драматургия Николая Коляды: Критический очерк [Текст] / Н.Л. Лейдерман. — Каменск-Уральский: Калан, 1997. — 160 с.
7. Мальцев Я.В. Бытие и другой в философии А. Камю [Текст] / Я.В. Мальцев // Социум и власть, 2016, № 6 (62). С. 15—19.

10.01.01

Д.Н. Фатеев канд. филол. наук

ФГБОУ ВО "Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина",
кафедра мировой литературы,
Москва, daromir@bk.ru

**«ЗАБИВАТЬ ВСЕГДА ГОТОВ ВСЕМ ПОДРЯД НАШ ЧЕРЕНКОВ!»
(ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛЬНОГО КУМИРА 1980-Х
В КРИЧАЛКАХ БОЛЕЛЬЩИКОВ)**

Данная публикация посвящена фольклорному жанру футбольная кричалка, актуальному для изучения современной фольклористикой. Основное внимание автор уделяет народному творчеству болельщиков ФК «Спартак» (Москва), посвященному Федору Черенкову, легендарному футболисту, игравшему в клубе в 80-х гг. Данная публикация – попытка проследить как менялось отношение болельщиков к конкретному игроку, который благодаря удивительному футбольному интеллекту вырос в талантливого мастера.

Ключевые слова: *Федор Черенков, футбол, ФК «Спартак» (Москва), сборная СССР, фольклор, футбольные кричалки, болельщики, фанаты.*

Памяти Ф.Ф. Черенкова

По легенде, игра ФК «Спартак» (Москва) в первой лиге в 1977 году после вылета из высшего дивизиона повлияла на возникновение фанатского движения: болельщики «красно-белых» начали ездить за своей командой, которая исчезла с экранов телевидения. В качестве поддержки любимого коллектива люди стали сочинять кричалки и песни, делать первую атрибутику – шарфы, флаги, напульсники и т.д. Именно тогда появились многие известные тексты фанатского фольклора:

*Пускай сегодня нелегка
В футболе жизнь у «Спартака»,
Но мы, болельщики страны,
Родному обществу верны [7, с. 3].*

*Наклонилось вдруг небо ниже.
На «Спартак» смотрю, что я вижу?
Наконец «Спартак» четко давит
И в конце концов забивает [7, с. 7].*

Возвращение в элиту футбола совпало с появлением в команде нового молодого игрока, которого никто не знал. Его звали Федор Черенков. «Когда его впервые привели на тренировку основного состава, никто поверить не мог, что перед ними футболист. При росте 174 см Черенков весил всего 58 кг. Игроки стали возмущаться: «Вы зачем ребенка привели на тренировку? Мы же его зашибем» [1]. Конечно, тогда никто и представить не мог, что на протяжении двенадцати сезонов Черенкову будет суждено играть роль «народного мастера», стать символом клуба, образцом «спартаковца» как на поле, так и вне его. Он стал первым игроком футбольного клуба «Спартак» (Москва), о котором болельщики сочинили целый ряд текстов, и это неоспоримый факт. Ценность этих кричалок заключается в том, что, благодаря им можно проследить как менялось отношение болельщиков к игроку, который благодаря удивительному футбольному интеллекту вырос в талантливого мастера.

Все собранные тексты можно поделить на тематические группы:

- А) первоначальное отношение к игроку;
- Б) раскрытие таланта игрока;
- В) прощение ошибок игрока;
- Г) превосходство игрока над остальными футболистами;
- Д) восхищение игрой мастера.

Несмотря на сомнения партнеров по команде – *«Но уж очень невидный паренек был, когда к нам пришел. Не верилось, что «мухач» (спортсмен низкой весовой категории – примечание автора статьи) сможет окрепнуть, заиграть»* [2, С. 123], дебют игрока Черенкова состоялся 11 июня 1978 года. *«Зрители на трибунах не то что недоумевали – откровенно смеялись: «Что это за ребенок?»* [3]. Их отношение к Федору изначально было агрессивным, так как он не соответствовал идеалам советского футболиста – высокий атлет, способный агрессивно побороться за мяч, забить головой и т.д. Поэтому в 1978 году на стадионах в ходу была следующая кричалка: *«Что на поле за подкова? – это морда Черенкова»* [6] (явный намек на прическу-чёлочку Ф. Черенкова – примечание автора статьи) и другие ее вариации.

Однако после чемпионства «Спартака» в 1979 году, кричать её перестали, потому что Черенков *«стал не просто ключевым игроком, а был возвеличен болельщиками до домашнего «Федя»* [4, с. 13]. Следуя своему девизу: *«Живи футболом, играй и побеждай красиво»*, Черенков влюбил в себя миллионы поклонников этой великой игры, люди стали специально *«ходить «на Черенкова»*. *Для многих он стал кумиром с первых же матчей»* [1]:

Не боимся мы врагов – с нами Федор Черенков! [6].

Одним из текстов, появившихся в конце 70-х гг., был «Постой, фанат». Прославляя любимую команду – *«что может лучше, чем клуб наш быть?»*, болельщики отмечали: *В Союзе нет лучше игроков – Чем Родионов и Черенков!* [6]. Эта кричалка была настолько популярна, что любой человек мог ее подхватить в момент переключки между секторами.

Ряд кричалок можно отнести к документальным, болельщики создавали их, основываясь на реально происходивших событиях. Так, в сентябре 1987 года «в гостях», в тяжелейшей игре с киевским «Динамо», Фёдор Черенков забил головой с линии вратарской после точной передачи Михаила Месхи. И появился следующий текст: *Кто спасет нас от хохлов? Это Федор Черенков!* [6].

Одной из первых кричалок, подчеркивающих превосходство Черенкова над другими футболистами, стала *«Лучше нету игроков – чем Пеле и Черенков!»* [6]. То есть для отечественных болельщиков, попавших под его обаяние, Черенков уже является тем, кем для всего мира был Пеле – королем футбола! *«Он был своим и родным для многих тысяч людей. Чтобы посмотреть его футбол, люди приезжали из различных уголков Советского Союза. Красная площадь, ГУМ и Черенков — основные достопримечательности столицы середины 80-х. ...И большинство из тех, кто видел, на всю жизнь стали преданными поклонниками «Спартака». Команды, которой он посвятил свою жизнь»* [5]. Именно в то время были придуманы кричалки, ставшие классическими:

Кто в Союзе всех известней?

Кто на поле всех полезней?

От детей до стариков

Все скажут: Федя Черенков! [6].

Знают детский сад и школа:

Черенков – король футбола! [6].

Выделяясь на фоне других, как обладатель уникальной техники, превосходного паса, потрясающих финтов, Черенков восхищал своей игрой миллионы зрителей: *Лучшие всех из игроков – это Фёдор Черенков!* [6].

Существуют тексты, в которых игровое величие Черенкова возрастает в геометрической прогрессии:

Сто армейских дураков стоит Федор Черенков! [6].

Данная кричалка направлена прежде всего на унижение фанатов ЦСКА (Центральный спортивный клуб армии). Она подчеркивает, что игра Черенкова, отличавшаяся эффектными и непредсказуемыми действиями, позволяла физически не слишком одаренному футболисту обыгрывать более мощных соперников, которые выступали за ЦСКА.

Всех советских игроков стоит Федор Черенков! [6].

Однажды выдающийся комментатор Николай Озеров назвал Черенкова «народным футболистом» за то, что Федор действительно играл для людей, дарил им радость, заряд бодрости. Ведь в сознании миллионов людей футбол 80-х годов прошлого века – это футбол Фёдора Черенкова и не было в СССР другого игрока, который мог бы соперничать с ним.

Всех бразильских игроков стоит Фёдор Черенков!!!!!!! [6].

Документальное подтверждение этого текста также имеет место быть – 16 июня 1980 г. на 32-й минуте матча между сборными Бразилии и СССР Черенков забил гол. *«Представляет себе состояние юного футболиста, в момент ликования вскинувшего вверх руки посреди огромной чаши бразильского стадиона в присутствии 130 тысяч зрителей? Это была первая победа сборной СССР над непобедимыми кудесниками мяча» [8].*

Болельщики «красно-белых» постоянно поддерживали кумира:

Федя – это сила, Федя – это класс!

А «Спартак» команда лучшая у нас! [6].

Помимо кричалок в обиход входили выражения – «народный футболист», «Черенок – это игрок», «Без Феди – как без рук», «Не знаешь, что делать с мячом – отдай его Черенкову» – все они связаны с игрой «десятого номера», который приходил на помощь в самых главных матчах:

*За «Спартак» забить готов
Наш любимый Черенков! [6].*

*Не уходит без голов
С поля Федя Черенков!!! [6].*

Использование в описании игры футболиста таких риторических средств, как метафора и сравнение, усиливает наглядность впечатления, производимого ювелирной техникой игрока:

Кто летит, как ветер в поле, обводя мячом врагов?

Это Федя, это Федя, это Федя Черенков! [6].

Подводя итог нашего исследования, отметим – случается, что какой-то игрок выделяется болельщиками особо. В кричалках чаще всего отмечают его функцию на поле. Так бывает только с самыми лучшими. А Черенкову посвящен огромный пласт фанатского фольклора, потому что он единственный. «Король футбола». Федя.

Список литературы

1. Боярский А. Скромный гений советского футбола. Федору Черенкову 60. [Электронный ресурс] URL: https://aif.ru/sport/person/skromnyy_geniy_sovetskogo_futbola_fedoru_cherenkovu_60 (дата обращения: 25.07.2019).
2. Дасаев Р., Львов А. Команда начинается с вратаря. – М.: Советская Россия, 1986. 314 с.
3. Просветов А. Прощай, Король. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sport-express.ru/football/reviews/831765/> (дата обращения: 25.07.2019).
4. Сарычев В. Миг – и судьба. Книга 2. Федор Черенков. [Электронный ресурс] URL: <https://ulej.by/project?id=812785> (дата обращения: 25.07.2019).
5. Третьяк А. Федор Черенков. Народный футболист. [Электронный ресурс] URL: https://www.championat.com/football/article-3172641-fjodor-cherenkov-narodnyj-futbolist.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 25.07.2019).
6. Фатеев Д.Н. Личный архив автора. Москва (1994-2019).
7. Фанатский фольклор / Сост. Хуслютинов А. Самиздат, 2000. 40 с.
8. Шалунов Н. Фёдор Черенков – народный футболист России. [Электронный ресурс] URL: <https://myslo.ru/city/tula/tulyaki/fedor-cherenkov-narodnyj-futbolist-rossii> (дата обращения: 25.07.2019).

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

**Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар,
В.И. Антонова д-р филол. наук, С.А. Ржанова д-р культурологии**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Саранск, belkich@rambler.ru, rzanova@mail.ru

**ИРАКСКОЕ ИЗДАНИЕ «АЛЬ-САБАХ» – В ПАРАДИГМЕ
ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ АРАБСКОГО УНИВЕРСУМА**

В статье детерминируются информационные ориентиры арабской газеты «Аль-Сабах», ранее не изученные в теории современной российской журналистики; определяются типологические параметры иракского газетно-журнального средства коммуникации; выявляются функциональные возможности общественно-политического СМИ; осмысливается проблемно-тематический диапазон медийных текстов, обусловленный информационными потребностями новостного средства коммуникации.

Ключевые слова: газетно-журнальное издание, типология, медийный текст, общественные потребности, массовое сознание, проблемно-тематический диапазон, СМИ, ориентиры, информационные приоритеты.

Информационное поле Ирака включает в себя множество подсистем средств массовой коммуникации: мультимедийные электронные СМИ, радио, телевидение, газетно-журнальная периодика и др. Особо значимую роль для широких слоев населения имеет графическое периодическое издание «Аль-Сабах». Термин «аль-сабах» в переводе с арабского означает «утро». По-видимому, данное название сущностно предопределяет информационные ориентиры издания, поскольку любой человек, независимо от географии проживания, начинает свой день со знакомства с новостной информацией, с реальными фактами, произошедшими в стране за последнее время [1, с. 3–4].

Издание «Аль-Сабах» – типологически сложное, оно композиционируется одномоментно как из газетной, так и из журнальной ипостасей. Так, на полосах публикуются медийные тексты как в информационно-новостных (заметка, репортаж, отчет, интервью, корреспонденция), так и в художественно-публицистических (очерк, эссе-размышления, исторические эссе, политические эссе и пр.) формах медиатекстов. Соответственно, структурно-содержательная функциональность «Аль-Сабах» детерминируется следующими типологическими ориентирами: с одной стороны, данное СМИ воспринимается читателями как газета, с другой – как журнал [2, с. 28]. Подобную «соединительную политику» издатели «Аль-Сабах» выбрали неслучайно. Типологическая модель СМИ обусловлена подачей и новостной, и аналитически-комментарийной информации. Такая структура актуальна не только для «реальной» аудитории, но для всех потенциальных читателей арабского мира, использующих «Аль-Сабах» как в качестве первоисточника о произошедших фактах, событиях, явлениях, так одновременно получающих дисперсивные информационно-новостные и аналитические сведения о реальной действительности. Газетно-журнальное издание «Аль-Сабах» по своей типолого-функциональной сущности выражает интересы государства, издается Иракской медиа-сетью. Главный редактор газеты – известнейший арабский публицист Аббас Абуд Салем. (Онлайн – www.alsabaah.iq). Этот сегмент массовой коммуникации является ежедневным, общественно-политическим [2, с. 12]. Цена номера, состоящего из 32 полос, – 500 иракских динаров.

Творческий потенциал редакционного коллектива издания полифоничен. В создании полос арабского СМИ задействованы журналисты, представители профессий различных социальных сфер: исследователи, инженеры, юристы, писатели, поэты, представители этнокультур, культур, искусства, различных конфессий, политики и др. К примеру, это известные в Ираке политики, экономисты, журналисты – Асраа Халифа, Аббас Аббуд, Омар Абдул Латиф, Нахдет Али, Шорук Махер, Хайдар Аль-Аадари, Батуль Аль-Хассани, Вафа Амер, Самир Адель, Тарик Аль-Араджи и др. Кроме того, нередко материалы, авторами которых являются домохозяйки, обыватели с интересными увлечениями, хобби; спортсмены, актёры. Часты в «Аль-Сабах» письма читателей с просьбами, благодарностями, пожеланиями, способствующими инициации обратной связи аудитории с редакцией. Широкий тематический диапазон способствует повышению читательского интереса к газете, внедрению в сознание правильных социальных ориентиров, грамотному восприятию фактов действительности, знакомству с культурой, искусством, традициями Ирака.

В данной статье нам представляется возможным проиллюстрировать проблемно-тематический репертуар отдельных номеров «Аль-Сабах», изданных в Багдаде в 2017 году. В современный период значительное место на полосах занимает международная тематика. Под «политической рубрикой» в номерах 4071–4082 вышли материалы: «Сегодня Басра присоединяется к встрече нации и Кении», «Король Испании: Мы отвергаем планы разъединения», «Делегация ООН в Бирме», «Пентагон: Ким не останется у власти, если он не откажется от своей политики», «Соболезнования Президенту США в отношении жертв аварии в Лас-Вегасе», «Багдадский Париж 2017», «Финляндия оказывает поддержку и помощь иракским беженцам» и пр. Заголовки медиапубликаций свидетельствует о широте охвата тем. Журналисты комментируют, анализируют проблемы, касающиеся международной деятельности страны, международных отношений. В жанровых формах панорамно отражается международная позиция правительства Ирака. Кроме того, редакционный коллектив большое внимание уделяет отображению внутренних проблем и вопросов страны. Подобные темы звучат в следующих публикациях: «Ирак и ОАЭ подписали совместные меморандумы о взаимопонимании», «Университет Багдада выделяет 14 тысяч мест для студентов первого этапа», «Профилактические меры против холеры», «Реабилитация трех водных проектов в Салах-эль-Дин», «Срочные усилия по реабилитации памятника Свободы», «Высокие цены на недвижимость», «Кризис жилищного строительства», «Торговля», «Аренда денег в Ираке.» и т. д. В проблемно-тематическом спектре подобных текстов, опубликованных в номерах 4064, 4068, 4069 читательская аудитория получает возможность «увидеть», «услышать» экономические, социальные проблемы, присущие массовой аудитории страны. Не менее важной для читателей является спортивная тема, которая ярко иллюстрируется в медиатекстах в номерах 4064, 4058, 4059 издания «Аль-Сабах»: «Бильярд стремится завоевать золото арабов», «Новая дата для олимпийских делегаций Ирака и Сирии», «В рамках подготовки к Премьер-лиге Кореи», «Инструктаж по завершению спортивных сооружений в освобожденных районах», «На пути к следующему Кубку мира», «Конкурсы НБА» и др. Материалы вызывают интерес у читателей, способствуют повышению социального рейтинга средства информации. Большое внимание уделяется отображению тем, способствующих внедрению современных информационных технологий в социальные сферы. Так, в номере 4071 опубликованы следующие материалы: «Беспроводная передача распространяет мысли», «Забытые электрические убеждения», «Будущее приведет нас к сочетанию цифровой и традиционной ленты», «Летнее кино – это романтическое пространство» и др. Немалый интерес у читателей вызывают литературные, исторические, образовательные, «рекреативно-ретроспективные» публикации. В номерах 4071, 4072 опубликованы следующие тексты: «Развивается ли театр независимо от жизни?», «Душевное порицание», «Рекордная цена для китайской чаши», «Гробница Хавлы Бинт Аль-Хусейн в Баальбеке», «Между литературой и третьим миром», «С возвращением учеников в школу», «Гробница Шейха Мааруфа», «Библиотека доктора Мохаммеда Макии» и т. д.

Значительную роль в формировании массового сознания имеют медийные тексты, в которых поднимаются, и разрешаются вопросы национальной идентичности и СМИ [3, с. 48]. Так, в ноябре 2017 года в «Аль-Сабах» были опубликованы корреспонденции на темы: «Роль национальных СМИ в примирении», «В культуре гражданства», «Основные элементы согласования», «Необходимость диалога». Достаточно выражена в издании рекреативная информация, которая отражается в следующих материалах, опубликованных в ноябре 2017 года: «Подготовка иракской кухни», «Астрономические башни», «Кроссворд», «Аналогия», «Школьная сумка», «Риски для здоровья» «Их называли поцелуями. Багдадские культурные советы. Традиции и подлинность», «Чтобы избежать ожирения и избежать лишнего веса. Контролируйте потребление пищи, не чувствуя голода», и пр.

Таким образом, «Аль-Сабах» представляет собой общественно-политическое газетно-журнальное региональное издание, характеризующееся широчайшим охватом актуальных для населения тем и проблем. Редакционный коллектив активно представляет на полосы полифоничную фактологическую информацию, анализируя и комментируя актуальные, волнующие проблемы представителей различных сфер жизнедеятельности населения Ирака. На «злобу дня» инициируются темы политики, искусства, литературы, а также экологические, спортивные, образовательные, культурные, когнитивные, рекреативные и пр. Констатация, а в некоторых случаях, разрешение проблем, несомненно, способствует, в частности, позитивному настроению читательских масс, в общем, – целесообразному для органов власти формированию массового сознания.

Список литературы

1. Антонова В.И. Информация в контексте медиакультуры /В. И. Антонова Т. В. Клюкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – 64 с.
2. Антонова В.И. Типология региональных средств массовой информации В. И. Антонова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 70 с.
3. Астафьева О.Н. Становление национально-культурной (коллективной) идентичности в глобализирующемся мире: модели и практики / О.Н. Астафьева // Теория и практика культуры. Альманах. – Выпуск 9 ; общ. ред. : О. Н. Астафьева, П. Н. Киричёр. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 9 – 31.

10.01.10

А.А. Кашук канд. искусствоведения

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(СЗИУ РАНХиГС), факультет социальных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербург, akashuk@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА СМИ

Традиционные религии поощряют стереотипы, согласно которым мужчина обладает властью, а женщина ему подчиняется. Борьба против такого положения вещей возможна только в рамках часто не признанных радикалистских ответвлений мировых религий. Существуют страны, меньше подверженные этой парадигме – где влияние церкви не так велико. Это справедливо для всех сфер жизни, включая журналистику, где гендер корреспондента так же влияет на восприятие зрителями сообщения.

Ключевые слова: *гендерные стереотипы, культурные особенности, СМИ, журналисты, журналистские тексты, религия, ислам, буддизм, иудаизм, христианство, образ современной семьи.*

Основным каналом по распространению гендерных стереотипов выступают средства массовой коммуникации. Если анализировать сегодняшний день, то в первую очередь – это СМИ. В тоже время, в каждой стране мира существуют свои культурные особенности, именно по этой причине и стереотипы в каждой из стран свои, индивидуальные, непохожие друг на друга.

Чтобы более детально изучить различие в гендерных установках, исследователи Дж. Уильямс и Д. Бест привлекли к своей работе респондентов 25 стран. Эксперимент состоял в том, чтобы охарактеризовать мужчин и женщин наиболее часто употребляемыми прилагательными [4.с.333]. Средние данные получились коррелирующими с теми, которые были описаны выше: маскулинный гендер был описан доминирующим, властным, агрессивным (доходящим до грубости), но при этом прогрессивным и мудрым. Феминный гендер, напротив, представлялся респондентам зависимым и слабым, эмоциональным и суеверным. Однако в некоторых странах результаты получились совершенно иными. Так, например, в Нигерии такие качества, как заносчивость, грубость и лень все же больше отводят женщинам. Вместе с этим, стоит отметить, что дифференциация гендера в одних странах была выражена сильнее (например, в Германии и Малайзии), в других – слабее (Шотландия, Индия).

В тоже время, стоит отметить и общие тенденции формирования стереотипов. Так, например, на XXIII специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН правительствам стран-участниц было рекомендовано обеспечить мужчинам и женщинам «равный доступ и полномасштабное участие во всех уровнях жизни, особенно на директивных и руководящих постах, в политических партиях и политической деятельности» [2.с.29].

При этом необходимо подчеркнуть, что европейские представления о дамах значительно отличаются от образа женщины, например, в Японии (доминирующая религия – синтоизм). Там прекрасную половину человечества считают несносной, хвастливой и неорганизованной [4.с.204]. Если обратиться к фольклору, как источнику архетипов, то женщина в японских поговорках и пословицах представлена неуклюжей и неполноценной. Так, например, можно привести следующие утверждения: «не доверяй плачущей женщине и хромящему псу»; «не открывай сердца женщине, даже если она родила тебе семерых детей»; «если у женщины нет таланта – это уже добродетель» и другие. Стоит отметить, что

и многие иероглифы, которые содержат в себе элементы, означающие «женщина», также несут в себе негативный оттенок. Среди примеров: «зависть», «ревность», «шум» и так далее. Но даже несмотря на то, что в Японии гендерные права пытаются уравнивать, как впрочем, и во всем мире, до сегодняшнего дня японские женщины сталкиваются с завышенными ожиданиями от общества при совмещении рабочих и домашних обязанностей. Именно по этой причине этот стереотип прочно укрепился в сознании японцев еще со времен самураев, когда женщины фактически не имели никаких гражданских прав, считая мужа господином[2.с.30]. Женщины были носителями и ретрансляторами культурных особенностей – обучались традиционной музыке, чайной церемонии, искусству икебаны.

На сегодняшний день жизненный путь японской женщины определяет правительственная политика. Так, например, после получения высшего образования женщина обязана трудоустроиться на полный рабочий день, познакомиться с будущим супругом и к 25 годам родить ребенка. В дальнейшем, основной приоритет японской женщины будет акцентирован именно на малыше. И лишь после того, как ребенок пойдет в школу, женщине рекомендовано выходить на работу, но с неполной занятостью. Японская женщина должна не только работать, но и охранять семейный очаг, заботиться о детях, своем спутнике жизни, пожилых родителях и родственниках мужа.

Такое гендерное положение нашло свое отражение на многих японских телеканалах. Среди примеров можно назвать: Nihon TV (NTV NEWS 24) [5], TBS (TBS News i) [6], Fuji TV (FNN) [7], TV Asahi (ANN News) [8], TV Tokyo (TxBizNews) [9] и множество других. Важно отметить, что при построении телевизионного текста женщины-корреспонденты используют более мягкие формы японского языка, добавляя дополнительные формы вежливости при общении со спикерами, гораздо позднее переходят на «ты» в разговоре. В тоже время тележурналистам мужского пола характерны повелительные формы японского языка.

Различия формирования стереотипов могут быть обусловлены культурно-религиозной обстановкой исследуемого региона. Поскольку большинство стереотипов о взаимодействии мужчин и женщин заложены в «священных текстах», которые используются как непреложная истина на протяжении нескольких тысячелетий.

Так, например, восточная культура традиционно характеризуется базовыми положениями ислама. Правоверная мусульманка не может сомневаться в таких положениях Корана, как мужская полигамия, закрепленная авторитетом пророка Мухаммеда, или же ношение одежды, которая скрывает фигуру женщины, а иногда и лицо. Несмотря на то, что мужчины в этой культуре воспитываются при большей свободе, есть определенные правила и для них. Например, мужчинам желательно носить бороду, соблюдать покровительственное отношение к женщинам в семье и др. Подобный подход поддерживают практически все русскоязычные исламские СМИ (например, медиапорталы islam.ru, islam-today.ru, islamdag.ru; газета «Медина аль-Ислам»; каналы AlHadisru, Salaf-Tube, Islam TV и др.).

Однако гендерные стереотипы в традиционных исламских странах отличаются от тех, которые присутствуют в мусульманских диаспорах европейских стран. Так, например, в Германии существует феминистические общины, которые считают своей главной задачей пересмотр некоторых положений Корана. Из-за социальной активности организации DMK Berlin[10] женщины получили право управлять автомобилем, постоянно не носить традиционное покрывало – хиджаб. Сегодня мусульманки, проживающие в Германии, незначительно, но все же продвигаются к упразднению мужской полигамии. Идеолог движения Андреа Рейманн утверждает, что Коран в основе своей анти-патриархален, а нынешняя его трактовка – результат работы политически ангажированных богословов-мужчин[11]. Такой подход поддерживает и общественное телевидение и радио Германии[12]. Однако, несмотря на эти достижения феминистических движений, другая часть гендерной роли женщины осталась прежней. Женщина также отвечает за домашний быт, воспитание ребенка, и так далее.

В иудаизме на сегодняшний день не существует единого мнения о том, какой из гендеров является доминирующим. Представители ортодоксального иудаизма указывают, что священные законы (Галаха) во многом построены на притеснении женщин. Здесь гендерные роли во многом распределены так же, как и в других странах (мужчина – во главе, женщина обеспечивает домашнее хозяйство). Такой подход поддерживает, например, Первый канал Израиля[13].

Однако в неортодоксальном иудаизме существует такое течение как феминистический иудаизм: возврат к концепции безличного и бесполого Бога, обладающего не только мужскими, но и женскими качествами. При этом иудеи обращаются к мистической талмудической традиции – Каббале, согласно которой свободное творение бога Шехина представляется как «мать мира и всех тварей», рождающая и кормящая весь мир. Такое течение можно рассматривать как попытку смены гендерных ролей, создание не патриархального, а матриархального общества. Отдельные сюжеты об этом выпускал Второй канал Израиля[14].

Отношение к мужчине в странах, где исповедуется буддизм, гораздо более уважительное, чем к женщине. Источники такого подхода можно отнести к «священным писменам». Согласно традиционному учению, женщине для достижения просветления необходимо приложить значительно больше усилий, чем мужчине. В то же время, полного просветления способен достичь исключительно мужчина. Тем не менее, считается, что если человек был хорошим буддистом, но сотворил зло, он может переродиться в женщину в следующем жизненном цикле. Помимо этого, в буддистских монастырях есть несколько молитв, в которых монахи благодарят создателя за то, что родились мужчинами.

Христианство, как основная европейская религия, большую часть своего существования считалось патриархальным институтом. После церковного раскола католическая церковь особенно активно поддерживала главенство мужчины в западном обществе. Так, например, обширно практиковались телесные наказания и пытки жён, подозреваемых в измене. Женщинам не разрешалось получать образование, кроме тех случаев, когда оно было необходимо для выполнения домашних обязанностей. Несмотря на то, что человечество достигло немалых успехов в гендерном просвещении, в странах, где по-прежнему сильно влияние католической церкви, поддерживаются стереотипы, согласно которым женщинам нет необходимости активно участвовать в жизни общества. А депутат итальянского парламента Джорджио Стракваданио в интервью заявил, что женщина-политик для достижения карьерных целей может «использовать свое тело» и это не предосудительно[15].

США традиционно считается страной, победившей гендерное неравенство. Есть несколько причин подтвердить данный тезис. Во-первых, именно в Соединенных Штатах Америки появились первые научные работы, посвященные изучению гендера. Во-вторых, США является многонациональной и поликонфессиональной страной, и поэтому не имеет религии, которая была бы способна навязывать в масштабах страны гендерные стереотипы. Однако они все же присутствуют в светской жизни американцев. Так, например, по статистическим выдержкам министерства торговли, в США работает только чуть больше половины женщин. При этом их зарплата в среднем ниже стандартного мужского оклада – они получают 60%. При этом домашние обязанности все так же остаются женскими.

В 1989 году исследователи Арли Хоукшилд и Энн Мачанг провели собеседование с 50 семейными парами на тему домашних обязанностей[3.с.326]. Они выделили три основных модели распределения семейных ролей: эгалитарную, переходную и традиционную. Так, в первой, самой малочисленной модели, в домашних обязанностях в равной степени задействованы женщина и мужчина, в последней – традиционной, самой многочисленной, большая часть домашних обязанностей возложено на женщину.

Несмотря на то, что исследование проводилось около тридцати лет назад, оно не утратило своей актуальности – книга переиздавалась в 2003 и 2012 годах. Хотелось бы отметить, что за это время домашние обязанности мужчин перешли различным строительным компаниям и частным лицам, которые обеспечивают ремонт по дому, чистку водостоков, бассейнов и т.п.

При этом домашние обязанности большинства женщин среднего и нижнего класса не перешли к клининговым компаниям.

В связи с этим на телевидении США активно продвигаются и пародируются образы современной семьи. Так, на телеканале Fox выходит три популярных мультсериала: The Simpsons, Family Guy (Гриффины) и American Dad. В каждом из них показана жизнь многодетной семьи, где мужчина гордится своей маскулинностью, но при этом проявляет все признаки феминного гендера – неспособность заниматься тяжелым трудом, что-либо починить; нежелание брать на себя ответственность; впечатлительность и крайнюю эмоциональность. При этом в образе хрупкой женщины, его жены, часто собраны черты маскулинного гендера – она рациональна и хладнокровна, практически все в доме держится на ее плечах.

На американском телевидении женщины-журналисты часто привлекают собеседника к обсуждению посторонних тем, используют прием back-up (привлечение ранее известной информации по теме), употребляют в речи больше вопросов, постоянно уточняя и переспрашивая информацию. В то же время, мужчины-журналисты задают вопросы более конкретизировано, зачастую подолгу разъясняя, что именно они имеют в виду, предоставляя интервьюеру возможность подготовиться к ответу.

Женщины-журналисты обычно работают в телепроектах, где от них требуется эмоциональность и эмпатичность по отношению к спикеру; мужчины – преимущественно в аналитических и новостных программах, где необходима способность к быстрой обработке информации и анализу информации. Основываясь на проведенном исследовании можно сделать вывод, что в Америке достижения гендерных дисциплин уже научились применять на практике в средствах массовой информации.

В заключение можно сказать, что традиционные религии поощряют стереотипы, согласно которым мужчина обладает властью, а женщина ему подчиняется. Борьба против такого положения вещей возможна только в рамках часто не признанных радикалистских ответвлений мировых религий. Существуют страны, меньше подверженные этой парадигме – где влияние церкви не так велико. Это справедливо для всех сфер жизни, включая журналистику, где гендер корреспондента так же влияет на восприятие зрителями сообщения. На сегодняшний день общество формирует феминный образ как потенциально возможный для насилия по признаку пола (женственность значит слабость; невозможность существования без мужчины; пассивность и несамостоятельность в делах). Маскулинность, наоборот, воспринимается как потенциальная возможность власти, насилия и агрессивности по отношению к окружающим. Женщины, которые хотят переломить ситуацию, создают феминистические сообщества, но часто эффектные снаружи меры (пикеты, акции) оказываются неэффективными – подобные организации не воспринимают серьезно.

Список литературы

1. *Кашук А.А.* Суггестивные свойства телевидения : дисс. канд. искусствоведения [Электронный ресурс] / А. А. Кашук – <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003057563#?page=1> (дата обращения: 10.08.2019).
2. *Нурсеитова Л.Д.* Гендерная политика в Японии [Текст] / Л. Д. Нурсеитова // Вестник КазНУ. Серия Востоковедение – 2009. - №1 (46). – С. 29-33.
3. *Hochschild, A.; Machung A.* The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home [Текст] / A. Hochschild; A. Machung – NYC: Penguin Group, 2012. – 352с.
4. *Williams, J.E., Best, D.L.* Measuring sex stereotypes: A multination study [Текст] / J. E. Williams, D. L. Best, – London: Sage Publications. 1990. – 368с.
5. Информационный портал News 24 [Электронный ресурс] – <http://www.news24.jp/> (дата обращения: 08.08.2019).
6. Информационный портал TBS News [Электронный ресурс] – <http://news.tbs.co.jp/> (дата обращения: 08.08.2019).
7. Информационный портал FNN News [Электронный ресурс] – <http://www.fnn-news.com/> (дата обращения: 09.08.2019).
8. Информационный портал Asahi TV [Электронный ресурс] – <http://www.tv-asahi.co.jp/ann/news/web/index.html> (дата обращения: 09.08.2019).
9. Информационный портал Tokyo TV [Электронный ресурс] – <http://www.tv-tokyo.co.jp/biz/> (дата обращения: 08.08.2019).
10. Информационный портал DMK Berlin [Электронный ресурс] – <http://dmk-berlin.de> (дата обращения: 08.08.2019).
11. Информационный портал Islam Review [Электронный ресурс] – <http://islamreview.ru/community/islamskij-feminizm-v-evrope-kak-put-k-preodoleniu-otcuzdenia-musulmanskij-mensinstvom/> (дата обращения: 09.08.2019).
12. Информационный портал SWR TV [Электронный ресурс] – <http://www.swr.de/swr2/programm/id=661104/nid=661104/did=1662016/tv9wffq/> (дата обращения: 11.08.2019).
13. Информационный портал IBA TV [Электронный ресурс] – <http://www.iba.org.il> (дата обращения: 09.08.2019).
14. Информационный портал Channel 2 TV Israel [Электронный ресурс] – <http://www.channel2.co.il/> (дата обращения: 10.08.2019).
15. Информационный портал Euromag [Электронный ресурс] – <https://www.euromag.ru/italy/3590.html> (дата обращения: 10.08.2019).

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук, ²В.Д. Чистонов,
¹А.А. Хазиманова, ¹Л.Р. Валиахметова, ¹Р.Ф. Рахимова, ¹Э.Р. Шаяхметова,
¹Е.А. Селиванова, ¹Д.Д. Саидова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
²Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛА «ВАТАНДАШ» ДЛЯ МЕДИЦИНСКОЙ, СПОРТИВНОЙ И ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Трехязычный (русский, башкирский, английский) научно-популярный журнал «Ватандаш» стал постоянным лидером в научной, военной, спортивной и медицинской журналистики Республики Башкортостан. «Ватандаш» стал общественно-политическим, научно-популярным и художественным журналом в Республике Башкортостан, благодаря концепции, которая была заложена при его создании.

Ключевые слова: журнал, журналистика, статья, интервью.

Общественно-политический, научно-популярный и художественный журнал «Ватандаш» («Соотечественник») выходит с 1996 года в г. Уфа. Учредителями журнала стало Правительство Республики Башкортостан, исполнительный комитет Всемирного курултая (конгресса) башкир (2004 г.). Частота выхода каждого номера — 1 раз в месяц на башкирском, русском и английском (отд. тексты и резюме) языках. Общий тираж в предыдущие годы доходил до 7 тысяч экземпляров (2006 г.) [1]. Главными редакторами в разные годы были: Г.Б. Хусаинов (1996—2000 гг.), Ф.В. Ахмадеев (2000—2012 гг.), А.Р. Юлдашбаев (2012—2017 гг.), с 2017 года Р.Р. Магадеева. У истоков зарождения журнала был ученый, литературовед, писатель, Академик Академии наук Республики Башкортостан (1991 г.), доктор филологических наук (1971 г.), профессор (1972 г.), народный писатель Республики Башкортостан (2008 г.), заслуженный деятель науки РФ (1992 г.) и Башкирской АССР (1976 г.), отличник образования РБ (1994 г.), член Союза писателей СССР (1956 г.) Гайса Батыргареевич Хусаинов [2]. Научный подход стал основным кредом журнала, академик Г.Б. Хусаинов, как ученый определил принципы изучения духовного наследия и критерии деления истории башкирской литературы на периоды, показал главные особенности, тенденции развития и изменения, присущие каждому периоду словесного искусства. Требовательность к статьям, постоянное обращение к первоисточникам, проведение личных интервью и собеседования стали нормой для первого коллектива журнала, и, конечно же, поддержка Правительства Республики Башкортостан и первого Президента РБ М.Г. Рахимова. Согласно Постановлению Кабинета министров Республики Башкортостан от 26 января 1996 года № 33 «Об учреждении республиканского журнала «Ватандаш» произошло рождение нового печатного издания, которое имело существенное отличие от других — оно было трехязычным (башкирский, русский и английский языки), что сразу же позволило расширить интерес читателей и подписчиков в разных районах и уголках нашей Родины. Дизайн журнала также был тщательно продуман, мягкая обложка делало его более мобильным для чтения в дороге, что позволяло в первую очередь вызвать интерес у молодёжи. На страницах журнала публикуются материалы, отражающие процессы, которые происходят в социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни республики. Достаточно много печатаются также архивные документы, научные статьи по истории, социологии, философии, фольклору, этнографии, языкознанию, спорту, медицине, военному делу и др.

Интересное интервью часто сопровождается комментариями и ремарками, которые позволяют сразу же узнать дополнительную информацию, что особенно актуально для студентов. Дополнительно можно получить сведения об учебных заведениях, театрах, музеях, библиотеках, городах и районах РБ, местах компактного проживания башкир и др. На страницах журнала широко освещаются вопросы исторического и культурного развития башкирского, татарского, чувашского и других народов республики, пропагандируются идеи дружбы и сотрудничества. Очень важным моментом в журнале является забота о подрастающем поколении и идеями, способствующими духовному обогащению общества, проникнуты подборки материалов на темы образования и воспитания. Рубрики: «Политика», «Экономика», «Голос Курултая», «Государство и право», «Природа Башкортостана», «Литературная критика» и др. В 2006 году журнал «Ватандаш» награждён знаком отличия «Золотой фонд прессы». Часто обсуждаемыми в журнале стало освещение общественных событий, происходящих в республике, при этом высказывается мнение как авторов, так и оппонентов, что вызывает еще больший интерес к публикациям. Много публикуются авторы из России и других стран. Актуальны всегда материалы по краеведению и истории. Разработан сайт журнала, который посещают до 25000 человек в месяц. Стали традиционными на страницах журнала публикации архивных документов, научных статей по истории, социологии, философии, фольклору, этнографии, языкознанию, физической культуре, спорту и медицине [3, 4]. Печатаются сведения об учебных заведениях, театрах, музеях, библиотеках, городах и районах Башкортостана, местах компактного проживания башкир и другие. В 2005 году пять членов редакционной коллегии журнала были удостоены знака отличия «Золотой фонд российской прессы». Многие годы отлично работают редакторы Раиля Ураловна Галеева, Эльвира Рафилевна Халикова, Миляуша Нажибовна Мухаметьянова. Почётного звания «Заслуженный работник печати и средств массовой информации Республики Башкортостан» удостоена Эльвира Рафилевна Халикова, которая на протяжении многих лет курировала рубрику «Здравоохранение», «Медицина», «Спорт» и др. Популярность журнала «Ватандаш» остаётся на высоком уровне, т.к. помимо известных авторов активно привлекаются молодые журналисты, которые ищут «свой почерк» и имеют большое желание научиться писать актуальные статьи на современном этапе. Три важных направления — медицина, военное дело и спорт — всегда были под пристальным вниманием сотрудников журнала. Немало важной составляющей успеха журнала является хорошая взаимозаменяемость журналистов и плановая работа на несколько месяцев вперед (с учетом календаря общественных мероприятий, как в республике, так и в Российской Федерации). Юбилейные даты лечебно-профилактических, курортно-санаторных, учебных организаций становятся поводом для более детальной и глубокой проработки присланного материала редакторов отдела. Престижность публикаций в журнале создаёт список авторов, желающих подготовить статьи, и иногда даже проводить выбор между ними. Таким образом, в редакциях журнала сформировался список ответственных авторов, которым дополнительно выплачивается денежный гонорар за сложность раскрываемой темы, исторической значимости и актуальности. Сотрудничество редакторов журнала с членами Ассоциации историков медицины Республики Башкортостан носит взаимовыгодный характер, т.к. основными темами докладов научно-практических конференций становятся темами будущих публикаций в «Ватандаше». 2019 год — это 100-летие Республики Башкортостан, 100-летие системы здравоохранения, проведение V Всемирного курултая башкир — все эти события находят отражения в журнале «Ватандаш», который выписывают все городские и муниципальные библиотеки республики.

Выводы:

- 1) Секрет популярности журнала в том, что он единственный трехязычный журнал в республике.
- 2) Научный подход в подборе авторов для будущих публикаций для каждого номера.
- 3) Тематическая направленность каждого номера и сплоченность работы всех редакций на протяжении почти четверти века.

Список литературы

1. Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. редактор М.А. Ильгамов. Т.2: В—Ж. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006. — С.30.
2. Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 7. Ф—Я / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башк. энцикл., 2011. — — С.184.
3. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. — С.22-24.
4. Киньябулатов А.У., Хакимова Г.Р., Хабибуллина Э.Н., Сахибгареева А.Р., Сайтумирова Л.Р. Социология медицины — исследования в Башкирском государственном медицинском университете. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018, №1. — С.15-20.

10.01.10

Н.А. Ларина, А.Ю. Цицинов

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
кафедра теории и практики периодической печати,
larina-n-a@mail.ru, wanderer999@yandex.ru

**СПЕЦИФИКА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА
В ЦИФРОВОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ЗВЕЗДА»)**

Статья посвящена типологическим особенностям цифровой журналистики с учетом специфики военной журналистики. Выделена наиболее репрезентативная смысловая структура текста, рассмотрены средства привлечения внимания потенциальной аудитории, показаны плюсы и минусы цифрового формата по сравнению с нецифровым. Проанализирован канал еженедельника «Звезда» на платформе Яндекс.Дзен, который теоретически должен был обеспечить СМИ выход на широкую аудиторию пользователей интернета, а практически в современном состоянии не смог реализовать поставленную перед ним задачу.

Ключевые слова: *военная журналистика, цифровая журналистика, конвергенция, масс-медиа, заголовок.*

Платформа «Яндекс.Дзен», задуманная как автоматическая выдача публикаций в зависимости от запросов конкретного пользователя в поиске, с 2015 года стала достаточно активным инструментом продвижения как блогов частных лиц, так и уже существующих СМИ и медиапроектов [5]. Алгоритмы показа публикаций позволяют сориентироваться на конкретную целевую аудиторию и расширить ее за счет перехода пользователя по ссылкам.

Одной из попыток развития военной журналистики на «Яндекс.Дзене» стал канал еженедельника «Звезда», на котором по состоянию на сентябрь 2019 года размещено 67 публикаций – с февраля 2018 по февраль 2019. Проект блога «Звезды» на «Дзене» на сегодня следует признать приостановленным и не получившим широкой популярности: публикации мало комментируются, аудитория составляет всего 294 подписчика (на 24.09.2019).

Помимо организационных причин, не являющихся предметом настоящего исследования, указанные выше особенности канала на «Дзене» обладают рядом лингвистических особенностей, разбор которых мог бы помочь в корректировке стратегии публикаций и при дальнейшем развитии блога.

Одним из ключевых инструментов воздействия на потенциальную аудиторию в цифровом пространстве является заголовок. Как отмечает Ю.В. Шуйская, специфика существования публикации в интернете порождает специфическую структуру текста: начало текста (которое пользователь видит, прежде чем перейти по ссылке) является определяющим в решении потенциального читателя, и в связи с этим представляет собой отдельный, чрезвычайно значимый первый знак текста [4, 384].

В текстах, помещаемых еженедельником «Звезда» на платформе «Яндекс.Дзен», пользователь видит лид текста, в большинстве случаев представляющий собой незаконченное сложное предложение (при переходе по ссылке читатель может прочесть это предложение полностью, однако в стандартной выдаче «Дзена» он видит обрывающуюся фразу, производящую за счет этого впечатление бесконечной конкатенации, никоим образом не способствующей привлечению внимания). Так, в публикациях видим:

«Если двигатель называют «сердцем» корабля, то его «мозгами» можно считать...»

«На Ижевском механическом заводе (ИМЗ) начинается организация производственного участка для подготовки к серийному производству новейшего...»

«В послании Федеральному собранию президент РФ Владимир Путин заявил, что в нашей стране разработаны беспилотные...»

«Офицеры дежурных сил Центрального командного пункта Ракетных войск стратегического назначения в...» [2]

Как подчеркивает Е.В. Ключев [3, 112], конкатенация не только не способствует привлечению внимания, но, напротив, призвана «усыпить» слушателя / читателя и отвлечь его от содержания текста. Более того, в самих публикациях используются достаточно сложные синтаксические конструкции. С одной стороны, в целом приближенность к официально-деловой и научной стилистике обеспечивает текстам «Звезды» высокий «порог вхождения»: тексты не принадлежат к категории «ширпотреба» и самой стилистикой отсекают неподготовленного читателя. С другой стороны, динамичный стиль цифровой журналистики мало коррелирует с построением сложной периодической речи.

Помимо лидов, инструментом привлечения внимания являются заголовки, в «Яндекс.Дзене» набранные более крупным и контрастным шрифтом. В заголовках публикаций еженедельника «Звезда» обращает на себя внимание превалирование прилагательных, характеризующих национальную принадлежность: «китайский», «японский», «чеченский» (2 раза), «американский» (2 раза), «российский» (9 раз) и «русский» (4 раза как характеристика принадлежности чего-либо России и 2 раза как национальность). Большая часть публикаций посвящена различным современным видам вооружения, и в их описании подчеркивается превосходство русского/российского оружия, его уникальность и способность противостоять «любим врагам»:

«Убойный «Ясень»: российская субмарина, которая «испортила жизнь» американским подводникам»

«Русский «Бумеранг»: затаившийся убийца вертолетов»

«Камень» в огород НАТО: почему «Искандер» называют самым грозным российским оружием»

«Ужас океанских глубин: подводные боевые роботы России»

«Спасайся, на нас идет адский огонь русских: как выросла огневая мощь нового «Солнцепека» [2]

Таким образом, подборка публикаций, размещенных за год на «Яндекс.Дзене», фактически сосредоточена вокруг тематики новейших разработок в области вооружения и борьбы с потенциальным противником с помощью этого оружия. Интересна также концентрация оценочных прилагательных и эмоционально-экспрессивной лексики: обращают на себя внимание эпитеты «адский», «фантастический», «смертельный», «всемогущий», «великолепный», «убойный», «атакующий», «убийственный», «молниеносный», а также слова «ужас», «смерть» («Смерть для вражеских субмарин») и пр. Формируемый этими ключевыми понятиями «символический зонтик» предполагает, что потенциальный читатель ощущает себя «в кольце врагов»: в совокупности текстов, помещенных на «Яндекс.Дзене», можно выделить две смысловых вершины: уникальность российского оружия и стремление с его помощью победить внешних врагов.

Публикации на «Дзене» сопровождаются фотографиями, которые также призваны взаимодействовать с потенциальной аудиторией. В соответствии с обозначенными выше тематическими характеристиками текстов фотографии также подчеркивают силу и превосходство российского оружия: в центре кадра, как правило, ракета, вертолет, танк и пр.

Интересным также представляется обращение к общей апперцепционной базе читателя, также формирующее его картину мира и взаимодействующее с фоновыми знаниями. Это осуществляется за счет использования прецедентных феноменов, среди которых:

фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина» (ср. «Гиперболоид адмирала Горшкова»),

идиома «хромая утка» («Авианосец «Форд» оказался «хромой уткой»),

пословица «один в поле не воин» («Фрегат «Адмирал Григорович»: и один в море воин»),

детская считалка («Буду резать, буду бить: стреляющий нож убивает на дальности в 25 метров»),

фильм «Звездные войны» («Звездные войны 2.0: Пентагон собирается перенести гонку вооружений в космос»),

аллюзия к расхожему выражению «танки грязи не боятся» («Ярсы» снега не боятся!) и распространенному эвфемизму («Армия России может любого врага послать на три буквы – РЭБ»).

В целом, представленный набор прецедентных феноменов охватывает все сферы воздействия на потенциальную аудиторию в соответствии со шкалой эволюции видов словесности [4, 383]: представлены фольклорные выражения, фразы из художественной литературы и популярной культуры, причем явное превалирование фольклорных и культмассовых выражений говорит о представлении о потенциальном читателе со стороны авторов публикаций. Вероятнее всего, этот гипотетический читатель более четко реагирует на знаки уровней словесности наиболее широкого охвата.

Малоуспешное продвижение канала еженедельника «Звезда» на платформе «Яндекс.Дзен» обусловлено комплексом факторов, среди которых стилистические и филологические причины играют не самую важную роль. Однако проанализированный контент статей, использованные в них способы привлечения внимания и совокупность приемов взаимодействия с потенциальным читателем позволяет сделать вывод, что подбор публикаций и их стилистика не вполне коррелируют с ожиданиями аудитории. Для грамотного развития и продвижения канала на «Яндекс.Дзен» необходим поворот к «цифровой» стилистике, разнообразие тематики и более грамотное позиционирование текста с помощью фотографий, лидов и заголовков.

Список литературы

1. Борщева Н.Н., Постникова О.А. Современная военная журналистика: тенденции развития и профессиональные стандарты // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук, 2016, № 2, т. 10. С.23-25.
2. Еженедельник «Звезда» в «Яндекс.Дзен» // Режим доступа zen.yandex.ru/zvezdawebweekly
3. Ключев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: ПРИОР, 2016.
4. Шуйская Ю.В. Структура текста в интернет-формате (на примере интернет-версии журналов «9 месяцев» и «Мама и малыш») // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». – Пенза, 2014. – С. 381 – 385.
5. «Яндекс.Дзен» стал платформой для публикации контента // Электронный ресурс adindex.ru/news/media/2017/05/30/160030.phtml

10.01.10

Сако Бекай, А.К. Малаховский

Российский Университет дружбы народов,
филологический факультет,
кафедра теории и истории журналистики

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА ПРЕССУ МАЛИ: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ?

В статье рассматривается вопрос влияния западных стран на прессу Республики Мали. Освещены аспекты указанного влияния и сделаны выводы о чертах демократизации и информационного неокOLONиализма.

Ключевые слова: *Африка, СМИ Мали, пресса Мали, демократизация, неокOLONиализм.*

Провозглашение независимости Республики Мали в середине XX века открыло новую страницу в жизни местного населения и развитии средств массовой информации в регионе. Функционирование прессы, особенности ее формирования тесно связаны с особенностями исторического развития страны, борьбы народов Мали с колониальным режимом, политическим, экономическим и культурным прогрессом. Обретение независимости, годы диктатуры и переворотов привели страну к 1991 году, ставшему по мнению многих исследователей вехой на пути к демократизации общества. Реформирование политической, экономической, социальной жизни общества невозможно вне реорганизации системы СМИ, в частности — прессы. Общие для западной части Африки проблемы постколониального периода коснулись малийской прессы, общий кризис, связанный в том числе с негативными факторами политического и экономического характера, в тесном переплетении с зарождением демократии как таковой привели к определенной дестабилизации развития СМИ. Уровень грамотности, критически низкий в 90-е годы вырос за последующие двадцать пять лет до 33% в среднем, сохраняя сильный гендерный разрыв [2]. Однако от приоритетного развития радио как самого удобного канала информационного сообщения с малограмотным населением правительство постепенно двигается в сторону укрепления позиций печатных и электронных СМИ, вливаясь в русло изменений, характерных также и для стран Западной Африки в целом.

Необходимо отметить, что общее колониальное прошлое, определяющее настоящее и будущее стран Западной Африки создает прецеденты несомненного влияния этих стран на развитие, в частности, Мали и ее прессы. Актуальность вопроса заключается в изучении характеристик и особенностей этого влияния, проистекающих в том числе из исследования развития прессы в течение десяти лет после переворота 1990-х гг. в русле не только преобразований, произошедших непосредственно в границах Мали, но и в отношении влияния на информационное пространство страны международных сил. СМИ как важнейшее средство организации людских масс и, безусловно, один из ключевых элементов системы международных отношений могут вести страну в сторону развития при определенных условиях. Однако опыт множества стран подтверждает, что нередко пресса становится инструментом подчинения и манипуляций сознанием граждан. В первую очередь в статье рассматривается исторический контекст функционирования системы СМИ и прессы Мали в частности, затем формулируются аспекты зависимости страны от международного сообщества (в аспектах как поддержки, так и информационной зависимости и влияния), рассматриваются ключевые точки процессов демократизации и развития демократии в контексте событий Мали в последние десятилетия, а также разбирается понимание неокOLONиализма в контексте влияния Запада на прессу Мали.

Вырвавшись из колониального прошлого и добившись независимости в 1960 г., в Мали долгое время, вплоть до отстранения от власти М. Траоре в 1991 году, существовала единственная официальная газета, «L'Essor». После свержения М. Траоре количество официально зарегистрированных печатных изданий увеличилось, демонстрируя готовность общества к плюрализму: множество изданий существовало подпольно с 1970-80-х гг., легализовавшись только в 1990-е гг., что привело к сосуществованию в медиапространстве на 1992 год около шестидесяти изданий печатной прессы [1], и за 20 лет к 2012 году (до мятежа туарегов) оно возросло более чем в четыре раза: количество регулярно выходящих газет на 2012 год практически сравнялось с общим количеством печатной прессы в 1992 году (50 наименований против 60). Этому способствовало множество факторов, в том числе упорная работа правительства по улучшению жизни граждан, последовательное претворение в жизнь международных программ гуманитарного характера, реформирования образования. Разумеется, сказать, что проблемы в сфере образования решены нельзя, однако количество грамотного населения неуклонно растет, несмотря на то, что события 2012 года серьезно затормозили процесс роста (по данным ЮНЕСКО) [2].

При этом, если сфокусироваться на развитии печатной прессы в промежутки между 1992 и 2002 годом, можно отметить, что развитие ее было неравномерным и очевидны признаки сдерживания: ограничение деятельности журналистов, давление экономического и политического характера. Новое руководство страны видело задачу в совершенствовании законодательства, которое создало бы базу нормативно-правовых актов, позволяющих журналистам профессионально развиваться и действовать легально, находясь под защитой законодательства. Новая законодательная база создала условия, в которых к 2012 году медиапространство Республики Мали открыто называли наиболее либеральным среди всех стран Западной Африки [5].

Влияние западных стран на функционирование СМИ вплоть до 2012 года можно назвать очевидным в аспекте общего языкового поля: единственная общенациональная газета в первую очередь издается на французском языке (разумеется, наличествуют также публикации на бамбара, сонинке, фулани, однако французский язык стал в некотором роде «объединяющим»), и она не снижает свои тиражи, поскольку однозначно поддерживается правительством. Разумеется, факт франкоязычности нельзя считать маркером иностранного влияния, но в эпоху интернета и электронной прессы чрезвычайно опасно полагать, что пресса страны находится в некотором вакууме; она включается в медиапространство многоязычия и плюрализма, источником которого являются все носители языка — не только резиденты определенной страны. Однако колониальное прошлое препятствует созданию национальной идентичности, а также возникновению единого информационного пространства, которое сглаживало бы межнациональную рознь, к сожалению, являющуюся фактором дестабилизации обстановки в регионе и в полной мере отражающуюся на страницах прессы Мали [1].

Восстание туарегов, военный переворот 2012 года, действия исламских формирований на севере страны — все это в совокупности привело к фактической изоляции севера Мали, разорвав медиапространство республики, создав информационный вакуум для одних, обстановку напряженного хаоса для других и поле эскалации влияния для западной прессы и международного сообщества. Вмешательство международных сил, в том числе Франции, повлекло за собой новый виток обсуждения поводов и разумных причин для интервенции в целом и оправданности проведения операции «Сервал» в частности, но за активацией обсуждений этой темы кроется и более глубинные процессы. В частности, это касается процессов глобализации, с которыми часто в одну связку ставится понятие неокOLONиализма.

В первую очередь по происхождению этот термин связан с экономической зависимостью, хотя не ограничивается ею и, по сути, охватывает собой множество аспектов общественных отношений, касающихся суверенитета. Одна из самых старых трактовок неокOLONиализма, содержится в БСЭ: неокOLONиализм представляет собой систему отношений, неравноправных по характеру (как политических, так и экономических), навязываемых

некими государствами странам Африки, Азии, Латинской Америки и направленная «на сохранение империалистической эксплуатации и зависимости народов этих стран» [6]. В данный момент неокOLONиализм как понятие встречается в исследовательской литературе реже, чем в XX веке, однако все чаще в контексте схожих проблем появляются понятия глобализации, поскольку как таковая проблема зависимости развивающихся стран от международной помощи в целом и капитала развитых стран в частности (в том числе бывших метрополий) по-прежнему более чем остра [8]. А.А. Горелов определяет современную трактовку неокOLONиализма несколько иначе, как «явление, сменившее колониализм, известный нам по XX веку, нацеленное в первую очередь на усугубление зависимости стран, не входящих в метрополию и ликвидацию их суверенитета как явления, создание «колоний нового типа» [4].

Наиболее существенный фактор, совпадающий в обоих определениях — факт зависимости одного (одних) государств от другого (других) сложно отрицать как константу современной политико-экономической ситуации в мире. И тем более, учитывая события последних семи лет и активность иностранных государств на территории Мали, их влияние на СМИ региона, сложно отрицать наличие как минимум элементов неокOLONиализма в его современном понимании в сложившейся системе взаимоотношений республики с бывшей метрополией. Впрочем, отдельной чертой неокOLONиализма является его неограниченность рамками одного региона, его глобальность. Чтобы проследить истоки неокOLONиализма, предлагаем кратко обратиться к истокам формирования СМИ в Мали. Национальная пресса играет решающую роль, создавая фундамент любой молодой республики, это касается и «соседей» Мали, однако и на территории Мали СМИ стали определенной опорой для правительства и народа, задающей вектор развития, помогающей в обозначении, обсуждении и решении вопросов общества, экономики, культуры. Обретение независимости политической не означало сепарации экономической, и попытки подобной сепарации в 60-е годы XX века потерпели неудачи. Фактически это оставило Мали в общем информационном поле с бывшей метрополией, так как зависимость экономическая не может ограничиваться лишь экономическим сектором, как и общий для обеих пространств из-за колониальной зависимости французский язык. Однако решение вопросов безграмотности, развития экономики молодой республики, создание национальной общности если не на основе единого этноса (что невозможно в сложившихся условиях), то на основе общей истории и общих целей, требовало надежной системы СМИ в том числе на национальных языках, ориентированных на жителей самых отдаленных уголков страны, а также создание устойчивой обратной связи.

Как в XX веке, так и сейчас, развертывание средств связи по стране и по континенту требовало более, чем существенных финансовых вложений, помощи профессионального характера и технических поставок, наладки образовательных, учебных программ и финансирования их воплощения в жизнь, что поставило страны Африки (и, в частности, Мали) в зависимость от международных организаций — таких как ООН, ЮНЕСКО и другие. Проведение конференций, создание обучающих центров, поставки техники и развертывание новых мощностей телекоммуникацией серьезно развивает систему СМИ по всему континенту, способствует созданию собственных информационных агентств. И это один из факторов сохранения суверенности государства в области информационной безопасности и независимости прессы: долгое время Мали страдала от нехватки журналистов и корреспондентов на местах, и фактически оказывалось в зависимости и от информационных агентств западных стран, что недвусмысленно демонстрирует ситуацию, когда граждане смотрят на события в собственной стране «чужими» глазами. Панафриканские организации, объединяющие страны в рамках Африканского союза радио и телевидения (созданного еще в 1962 г.), Всеафриканского союза журналистов (1963 г.), Панафриканского информационного агентства (1977 г.) [8] в свое время заложило базу для объединения сил государств, и грамотно используя ресурсы международной помощи, они имеют шанс на сохранение и развитие национальной журналистики в той мере независимой от

международного сообщества, в коей это необходимо для защиты суверенитета страны.

Политика колониализма не могла пройти бесследно для стран Африки, в том числе поскольку подразумевала неприятие самой идеи наличия у населения колоний национального самосознания, и противоречивость этих установок вкупе с давлением извне, как со стороны бывшей метрополии и ее союзников, так и со стороны ближайших соседей, создало предпосылки к формированию этнических конфликтов, вылившихся в серьезное противостояние в 2012 году и захвату террористическими группировками части страны.

Р. Эйнсли сравнивает наличие развитой системы СМИ с нервной системой, без которой государство буквально неспособно подавать сигналы или сообщать мозгу о нуждах организма [9], Уилбур Шрамм отмечал, что СМИ в силах хотя бы частично компенсировать нехватку образовательных ресурсов, способствуя, косвенно, формированию гражданского общества. Разумеется, ни СМИ (в том числе прессу), ни инфраструктуру нельзя рассматривать вне контекста обстоятельств. Необходимость развития дорожной инфраструктуры так же тесно связана с необходимостью развивать образование и ликвидацией неграмотности, как и функционирование прессы, создание и развитие собственных информационных агентств, которые продолжают освещать проблемы страны изнутри. Предпосылки к серьезному обсуждению и восприятию проблем политического, экономического, социального толка уже заложены в традициях малийской прессы [3].

При этом не стоит, на наш взгляд, недооценивать свободу печати как таковую, и ее способность контролировать происходящее в правительстве или функционировании местных политических партий. Заложенные в 1990-е годы и поддержанные двумя десятилетиями традиции плюрализма и активного обсуждения происходящего подкрепляются появлением хорошо обученных профессиональных специалистов среди местных жителей, которая в массе способна давать адекватную обратную связь общественного мнения. И это несомненная черта демократии как таковой, подразумевающей волеизъявление народа.

Можем ли мы говорить о демократизации прессы Мали, и тем более решающей роли Запада в этом процессе, если таковая существует? Как утверждал К. Ясперс [7], формальная демократия (и многие авторы сходятся во мнении, что именно так можно назвать сложившуюся в большинстве республик Африки систему) в виде права на голосование — свободное, тайное, равное, не эквивалентно гарантии свободы. Печальные события последних десяти лет показывают, что стране есть, куда стремиться в установлении системы, где власть действительно будет периодически обновляться, легитимно и в результате волеизъявления граждан, свободного по своей сути — но не в результате военных переворотов. Однако, если говорить о развитии прессы, развитии журналистского сообщества и его взаимодействии с международным сообществом, в прессе Мали можно отметить возвращение плюрализма мнений (после событий 2012 года), выражающихся по-разному и в разном тоне, активность формирующегося гражданского общества, волонтерских движений (как местных, так и западных), создающих медиaprостранство, в котором возможен равный диалог культур и мнений.

Таким образом можно заключить, что в определенной мере влияние Запада на прессу Мали может быть охарактеризовано, как имеющее черты неоколониализма, связанного, в частности, и с колониальным прошлым страны, и с общим информационным полем, и с проблемами, существующими в системе СМИ. При этом, несомненно, необходимо отметить наличие процессов демократизации, идущих изнутри и поддерживаемых в том числе силами международного сообщества, западных стран в том числе.

Список литературы

1. Keita M.K. Réflexion sur la presse écrite. *Politique Africaine* 47(Octobre), 1992, P. 79–85
2. Mali. EducationandLiteracy // UNESCO [Электронный ресурс]. — URL: <http://uis.unesco.org/en/country/ml?theme=education-and-literacy> (Дата обращения: 02.06.2019).
3. Бекай С., Малаховский А.К. Особенности функционирования прессы Мали третьей республики // Медиапространство многополярного мира. Сборник научных статей. Москва: РУДН, 2017. 599 с.
4. Горелов А.А. Глобальный неокOLONиализм и проблема суверенитета / А. А. Горелов, И. А. Бронников // Власть. 2015. № 2. С. 19-25.
5. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил.
6. Солодовников В.Г. НеокOLONиализм [Электронный ресурс] / В. Г. Солодовников // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1969-1978. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Neokolonializm-40841.html (Дата обращения: 02.06.2019).
7. Философия: Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
8. Шульга А.А. НеокOLONиализм в Африке и глобализация: что общего? [Электронный ресурс] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokolonializm-v-afrike-i-globalizatsiya-chto-obshego> (Дата обращения: 02.06.2019).
9. Эйнсли Р. Пресса в Африке [Текст] / РозалиндЭйнсли ; [Пер. с англ. и предисл. И. Ястребовой] ; [Авт. послесл. А. Полищук] ; АН СССР. Ин-т Африки. - Москва : Наука, 1971. - 304 с.

10.01.10

Сако Бекай, А.К. Малаховский

Российский Университет дружбы народов,
филологический факультет,
кафедра теории и истории журналистики

СМИ МАЛИ В АФРИКАНСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается место СМИ Мали в африканском информационном дискурсе, освещаются аспекты информационного дискурса стран континента в целом и его отличительных черт относительно каждой страны, его состояние и перспективы. Освещены аспекты указанного влияния и сделаны выводы о чертах демократизации и информационного неокOLONиализма.

Ключевые слова: *Африка, СМИ Мали, пресса Мали, африканский информационный дискурс.*

На данный момент термин «дискурс» употребляется в контексте изучения целого комплекса дисциплин гуманитарного характера от философии до лингвистики, воплощая в себе «высшую реальность языка» [6, с.641]. Исходя из понятия «текст», большинство исследователей склоняется к таким чертам дискурса как наличие институциональных рамок, а также социальной, интеллектуальной, исторической направленности [7, с.551], динамики и процессуальности, которых лишено понятие «текст» как таковое. В рамках данной статьи под понятием дискурса понимается в большей степени сформулированная М. Фуко основа, согласно которой дискурс — общекультурное понятие, которое нельзя сводить лишь к языку и речи, но можно описать как некое коммуникативное явление в совокупности факторов, которые сопровождают непосредственный процесс коммуницирования и его участников, социальный контекст, особенности передачи и восприятия информации и пр. [8, с.50].

Состояние коммуникативно-информационной сферы современного общества можно охарактеризовать как стабильно развивающееся, в том числе благодаря совокупному использованию всех доступных средств массовой информации — как в странах Африки, так и в большей части стран по всему миру. Благодаря внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) скорость реагирования СМИ увеличивается в разы, как возрастает уровень их мобильности, и это не может не оказывать влияния на процессы, связанные с созданием информации и ее распространением. В связи с этим меняется и терминологическая основа, характеризующая изучение проблем текста, языка, дискурса и СМИ в их взаимосвязи. В определении медиадискурса возможно его понимание как типа речевой и мыслительной деятельности, который характерен только для информационного поля СМИ (и согласно этому подходу можно выделить как медиадискурс, так и прочие типы дискурса), а также как любой тип дискурса, который может быть реализован в пространстве массовой коммуникации, производимый СМИ [3, с.35-40]. В рамках данной работы (с опорой на мнения исследователей: Добросклонской Т.Г., Желтухиной М.Р., Кочкина М.Ю. и др.) понятия «информационный дискурс СМИ», «медиадискурс», «масс-медиаальный дискурс», «массово-информационный дискурс» считаются синонимичными и воплощают собой некое «сообщение» в совокупности всеми прилагающимися компонентами коммуникации [5, с.137].

Информационный дискурс стран Африки, как информационный дискурс любой страны непосредственно связан с передачей информации как таковой. Разумеется, уже на этапе описания особенностей создания информации как таковой и возможностей ее распространения у каждой страны и каждого региона можно выделить свои особенности. У стран африканского континента это исторический фактор сложностей, связанных как с

созданием инфопродукта, так и с его получением, распространением, касаемо как внутренней жизни государств, так и внешней, международной, берущий начало в колониальном владычестве на континенте и первых десятилетиях независимости. Перемены, закреплённые законодательно, обеспечившие странам законодательно закреплённую самостоятельность в глазах международного сообщества, не могли воплотиться в жизнь с момента подписания всех относящихся к вопросу правовых актов. Сложившаяся система – социальная, медийная, продолжала существовать в рамках социальной инфраструктуры, созданной с ориентацией на бывшие метрополии, и особенно сильно это влияло на функционирование СМИ: несмотря на прошедшие десятилетия, отголоски влияния колониального наследия стран Африки заметны в развитии этих стран до сих пор, не в последнюю очередь по причине их участия в информационном взаимодействии как потребителя, либо как объекта, рассматриваемого и изучаемого со стороны, и исключительно редко – как полноправного субъекта коммуникации в течение большей части XX века. Стабилизация информационной инфраструктуры и ее реконструкция, а в некоторых случаях реформирование и создание фактических с нуля — одна из глобальных задач практических всех стран континента, включая Мали, и для ее решения уже к концу XX века страны сделали безусловно много, однако сложно сказать, что ее можно считать решённой. Информационная глобализация как черта XXI века принесла с собой усугубление неравномерности информационных потоков, обмена коммуникационными материалами и культурными продуктами между странами на разных ступенях развития, при этом некогда склонявшаяся к торговому обмену, теперь это часть процесса, который создает аспекты влияния одними странами на другие, создавая необходимую первым картину мира, продвигая идеологические постулаты, фактически, переходя на доминирование на новом уровне. Есть исследователи, которые поддерживают употребление в отношении этих процессов термина «неоколониализм», есть и более осторожные в своих оценках специалисты, однако сохранение серьезного влияния стран Запада на африканский информационный дискурс несомненно, вне зависимости от того, какими субъективными характеристиками мы его наделяем. В определенной мере можно говорить о системе баланса (который, однако, не стабилизирован, так как эта система более характеризуется как процесс, нежели как состояние), в которой экспансия глобальных СМИ, развитие технологий и усиление влияния зарубежных информационных источников на функционирование систем СМИ Африки в определенной мере угрожают сохранению суверенитета стран континента, однако развитие современных цифровых технологий, мобильной связи и интернета, социальных медиа, их популяризация, наращивание уровня образования и осознанности общества, его способности к анализу ситуации могут уравновешивать друг друга.

Среди стабильных проблем большинства стран африканского континента, оказывающих значительное влияние на формирование и функционирование информационного дискурса — уровень бедности и образования среди населения, остающийся в отдельных странах критически низким и достаточно невысоким в большинстве остальных. Неудивительна синхронизация процессов мировой политики и развития политической ситуации стран Африки: для множества стран, включая Мали, 90-е годы стали переломными, создав фундамент формирования системы, в которой константой останутся принципы свободы слова и печати.

А. Ньянгенон в своих исследованиях делает выводы на основе изучения прессы Бенина, однако их в широком смысле можно экстраполировать на многие страны Африки, включая Мали: так, политические преобразования первой половины 90-х годов безусловно создали базу для свободного функционирования СМИ, создав ступень к новому этапу их развития, связанному с преобразованиями как экономического, так и политического толка, что в свою очередь поставило СМИ в новые условия, к которым акторы были вынуждены приспосабливаться в силу своих возможностей — от государственных СМИ, не осознавших на практике возможностей принятия решений, до бывших подпольных образований, внутри которых высоким оставался уровень недоверия к государству и прессе как возможному

самостоятельному институту, что в свою очередь вело к недостатку проявления инициативы на глобальном уровне, или же ангажированных, далеких от стремления к объективности деятелей.

Преобразования экономического и политического характера неизбежно влекут за собой перестройку прессы структурного характера, а также влекут за собой возникновение вопросов уравнивания системы прав и свобод, степени вовлеченности населения в процесс общественных дискуссий, его готовности к ним и необходимых факторов, что тесно связано с реформированием законодательной системы: эти перемены характерны для абсолютного большинства республик Африки в конце XX века [2, С.164]. История прессы на африканском континенте в постколониальный период — как в конце XX века, так и в XXI веке наглядно демонстрирует, что даже законодательное закрепление свободы слова еще не является абсолютной гарантией наличия свободы в области распространения мыслей, особенно при существовании ограничений политического характера. Степень соблюдения законодательства не по букве, но по его смыслу, заложенного при подписании соответствующих распоряжений зависит от степени приверженности им отдельных людей, составляющих в совокупности как исполнительную, так и законодательную ветви власти. Однако чрезвычайно сложно при наличии даже самых благих намерений касаясь реформирования системы в течение короткого времени изменить взгляды общества и его представителей на цели существования СМИ, особенно исходя из практики десятилетий, когда она служила исключительно интересам руководства страны. Отсутствие традиций демократической прессы в определенной мере компенсировалось энтузиазмом представителей СМИ, журналистов, издателей, и создало фундамент для развития прессы в будущем и соответственно формирования культуры общения в жизни стран [9, С.9-11].

В глазах многих людей Африка зачастую выглядит единым однородным континентом — как физически, так и в культурном и социальном плане, однако это не так. Мнения исследователей разнятся: некоторые противопоставляют Африку к югу от Сахары и Северную Африку как два абсолютно разных мира, «белый» и «черный», однако это достаточно радикальная и субъективная точка зрения, особенно с учетом дифференциации населения. Кроме того, взаимопроникновение культур у стран одного континента неизбежно, что приводит нас к мысли о скорее значительной разнице в историческом развитии культурном многообразии, нежели о резком противостоянии культур [1, с.54]. Обретение республиками независимости от колониального господства — зачастую формального в большей мере, нежели фактического, так или иначе повлекло за собой рост культурного возрождения как части национального строительства. Множественность этносов, языковых групп и наречий, обогащая культуру, усложняет консолидацию стран континента и тормозит развитие СМИ: эта проблема характерна как и для информационного дискурса Африки в целом, так и для Мали и других республик в частности.

В сложившихся условиях на всем континенте в любой стране, перенесшей период колониальной зависимости язык бывших колонизаторов фактически превращается в единственный общедоступный способ межкультурной коммуникации. Критически высокий уровень неграмотности (который корректируется как усилиями стран, так и при содействии международных организаций, но не так быстро, как этого бы хотелось) мешает людям не только эффективно пользоваться родным языком, но и лишает возможности изучать и использовать остальные. Как естественное и основное средство выражения мысли язык остается важной частью коммуникационного процесса и центральной частью дискурса, и для максимального вовлечения разных слоев населения необходимо повышение культурного уровня граждан стран Африки, как при помощи реформ образования и реализации соответствующих программ, так и при помощи развития СМИ.

Особенно активные изменения, происходившие в 90-е годы XX века в странах Африки повсеместно, создали достаточно сильный толчок для развития стран континента; однако смена строя во многих странах, включая Мали, создала пространства для формирования информационного дискурса уже в новых, только сложившихся условиях — когда изменения

в законодательную базу не успевают вносить согласно меняющейся реальности, меняются представления людей о мире, в котором они живут, о государственном устройстве своих стран, о месте и роли государства в их жизни. Появление различного рода газет и журналов как площадок как платформ обсуждения этих изменений и их осмысления безусловно важно, оно показывает активность людей в работе с информацией, не всегда подкрепленную опытом и нужными знаниями, но полную желания развиваться и развивать страну.

Однако же это сложно осуществить, несмотря на демократизацию информационных процессов, в условиях, когда сам процесс демократизации подвергается риску из-за политической нестабильности, изменений в структуре государственной власти или мятежей, межэтнических конфликтов или бунтов военных. По этим и многим другим причинам реформы в области образования, жизненно необходимые для формирования общества, нацеленного на формирование и потребление информации в текстовой форме, проводятся довольно медленно, а иногда результаты их откатываются из-за происходящих на континенте событий на несколько лет назад.

Дискурс не может не включать все компоненты информационного обмена – не только интеллектуальную составляющую идей, но и их эмоциональную окраску, переданную достаточно однозначно, в комплексе с семантикой, так же однозначно воспринимающейся слушателем, однако далеко не всегда как в Мали, так и в других странах, общеупотребительная лексика одинакова для разных групп граждан – вне зависимости от признака, по которому можно выделить группу (этническая, территориальная принадлежность, уровень благосостояния, образования, — оказывают влияние на ситуацию в совокупности). В значительном числе стран Африки лексика, к примеру, политического характера, в основном понятна лишь кругам интеллигенции, — и это значимый фактор вовлечения остального населения в процесс формирования настоящего и будущего страны, поскольку, не имея возможности оперировать терминами и понятиями, описывающими ситуацию в стране, свои намерения, ожидания и транслировать их люди лишаются возможности непосредственно участвовать в управлении страной, пусть и косвенно. Реалии социокультурного, экономического, политического характера очень часто не имеют названий на языках коренных народов Африки, и это неминуемо формирует информационный дискурс с фокусом на языке бывших колонизаторов. Не имея возможности сказать на собственном языке о многопартийности, как гражданин может сформулировать свою мысль иначе? По результатам исследований и семантического анализа лексики, фигурирующей в СМИ стран Африки в целом и Мали в частности, можно сказать, что пул словарного запаса местных языков в значительной мере отстает от меняющейся реальности: ситуацию в некоторой мере меняет развитие интернет-технологий, однако и они не помогают адаптировать местные языки к происходящим изменениям достаточно быстро. Кроме того, отсутствие подобных нужных терминов в языках коренных народов в итоге может приводит и к искажению подачи информации разными каналами сообщений, что фактически ставит перед населением и государствами задачу либо адаптировать местные языки к текущей ситуации, либо делать ставку на европейские языки как объединяющий фактор (что, в свою очередь, несмотря на кажущуюся простоту, не решает проблем национального самоопределения и сохранения культурного наследия регионов, консолидации этнических групп и преодоления разногласий в нахождении объединяющих факторов) [4, С.67-73]. При этом тексты на иностранном языке – прижившимся в какой-то мере, часто воспринимаются как нечто чужеродное, заведомо предвзятое по форме и смыслу, а принадлежность многих народов Африки к устной традиции мешает воспринимать текст так, как это привычно для человека, выросшего в европейской культуре: уже сформировано иное социально-психологическое и культурное отношение к прессе, что в свою очередь формирует дискурс отношением к печатному слову.

Проблемная точка Мали последних десятилетий — сложности с соблюдением прав и свобод, гарантируемых конституцией, в ситуации политических кризисов и нестабильности, межэтнических конфликтов, характерна для многих других стран Африки и это неминуемо

сказывается также на характеристиках информационного дискурса, снижении критичности в восприятии информации, и, наоборот, возрастания возмущений. Слабая инфраструктура, зависимость от международной помощи и трудности в обеспечении минимальных базовых нужд создают ситуацию, в которой информирование населения сопряжено с множеством трудностей, а формирование информационного дискурса сильно влияют как технические трудности, так и социокультурные проблемы, экономическая нестабильность и лингвистические трудности.

Список литературы

1. *Khair El-Din Haseeb et al.* The Future of the Arab Nation: Challenges and Options, 1 edition. N.Y.:Routledge,1991), 520 P.
2. *Ochola F.W.* Aspects of Mass Communicatioin and Journalism Research in Africa. – Nairobi: Africa Book Service, 1983, 168 P.
3. *Авидзба А.В.* Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Владикавказ: Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №1. С.35-40.
4. *Беавоги Б.* Средства массовой информации африканских стран: от несвободы к свободе и обратно («Закон маятника») // Проблемы Науки. 2012. №4 (14). С.67-73.
5. *Добросклонская Т. Г.* Медiateкст как единица дискурса средств массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. (19-21 июня 2009 г.). М.; Ярославль: Ремдер, 2009. с. 137 – 143.
6. *Попова Е.С.* Текст и дискурс: дифференциация понятий // Молодой ученый. 2014. № 6. с. 641- 643.
7. *Серио П.* Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. с. 549 - 562.
8. *ФукоМ.* Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. - 208 С.
9. *Шилов В.Н.* Демократизация в зеркале африканской прессы //Журналистика. История и современность. М.: РУДН, 1993. С.9-11.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

О.А. Глушенко д-р филол. наук

Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
факультет социальных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербург, oag.kam@mail.ru

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАНИНА И
ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛА «НАШ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»)**

Представлен комплексный семиотический анализ коммуникации гражданина и государства в цифровой среде по ряду параметров: участники коммуникации, внешние условия коммуникации, требования к коду, коммуникативные действия, текст. Определены направления совершенствования текста в таком формате коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, семантика, семиотика, текст.

В реалиях наших дней коммуникация гражданина и государства в цифровой среде – это набирающий силу процесс, необратимый и динамичный, создающий «очевидные предпосылки для постепенного стирания всех и всяческих границ в коммуникации ... между кодами и языками, официальным и неофициальным (институциональным и персональным), письменным и устным, монологическим и диалогическим и т.д.» [1, 8]. Современный специалист по коммуникациям должен не только создавать и редактировать контент, но и анализировать информационные потребности посетителей сайта, управлять процессами модерации и продвижения сайта. Для реализации таких обобщенных трудовых функций необходимо овладеть навыками семиотического анализа коммуникации в цифровой среде.

Мы предлагаем вариант семиотического анализа коммуникации на государственном сайте города Санкт-Петербурга «Наш Санкт-Петербург»[2]. Этот сайт создан по инициативе губернатора в 2014 г., действует в обновленной версии с января 2015 г. Деятельность сайта отвечает требованиям о повышении открытости и доступности органов государственной власти Санкт-Петербурга. Курирует проект городской комитет по информатизации и связи. Портал работает для оперативного взаимодействия жителей города с представителями органов власти Санкт-Петербурга. Деятельность портала соответствует установкам национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2018 – 2024), разработанной во исполнение указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

1. Рассмотрим характеристики коммуникантов в этом цифровом пространстве. Представлены три стороны: (1) граждане, (2) подразделения исполнительной власти и организации города и (3) модераторы сайта. В именовании граждан (авторизованные участники) в нормативных документах сайта выделяется основная роль в коммуникации (*пользователь, наблюдатель, автор*) или отражается социальный статус (*гражданин*). Для поддержания психологической мотивации инициативной аудитории применяется система ранжирования: иерархические статусы (*новичок, активист, профессионал, эксперт, народный контролер*) присваиваются активным пользователям автоматически по таким критериям, как частотность актов успешной коммуникации и интерактивность (оценка качества обработки сообщения). В семантике обозначений статусов активированы важные именно для дистанционной коммуникации мотивировочные признаки: «степень

профессионализма» (*новичок, профессионал, эксперт*), «статусность» (*народный контролер, эксперт*) и «активность» (*активист*). Вторая группа коммуникантов – это структурные подразделения и представители органов государственной власти, муниципального управления и организаций города: *ИОГВ (исполнительный орган государственной власти Санкт-Петербурга), ОМСУ (орган местного самоуправления внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга), исполнитель, контролер, контролирующий орган, контрольно-надзорный орган, координатор, организация*. В семантике наименований отражена, с одной стороны, иерархия административная (*ИОГВ и ОМСУ*), с другой – функциональное противопоставление структур и юридических лиц (*исполнитель и организация – координатор, контролер, контролирующий орган, контрольно-надзорный орган*). Количественно доминируют коммуниканты с надзорно-контрольными функциями, что формирует у целевой аудитории (граждан) впечатление об эффективности распределения ответственности в работе. Третья сторона в коммуникации поименована по функциональному признаку: *оператор, модератор*. В то же время реальный функционал этого коммуниканта-посредника весьма значителен, поскольку именно он работает с информационными потоками, интерпретирует и редактирует текст и направляет «ответчику» (второй стороне коммуникации). Для связи граждан с модератором есть раздел обратной связи.

Вывод 1: целевая аудитория распределена по различным сегментам, цифровая среда предоставляет широкие возможности гражданину для коммуникации с органами государственной власти, муниципальными структурами и организациями города при посредничестве модератора.

2. Анализ внешних параметров коммуникации показывает, что в цифровой среде портала у всех существует собственное виртуальное пространство – личный кабинет (ЛК): *ЛК исполнителя, ЛК координатора, ЛК контролера, ЛК контролирующего органа, ЛК модератора и ЛК пользователя*. Выделение нескольких ЛК для второй стороны коммуникации обусловлено выполнением различных функций в процессе решения заявленной гражданином проблемы: в одном ЛК формируется запрос и ответ, в другом – отражается перераспределение ответственных исполнителей и т.п. Разветвленная сеть ЛК обеспечивает процессы когнитивной обработки информации, в определенной степени решает задачи контроля за внутренней коммуникацией. Продолжительность коммуникации установлена только для пользователя и модератора.

Вывод 2: внешние позиции коммуникации оптимально отражают порядок взаимодействия участников коммуникации.

3. Установлены требования к кодам коммуникации – это вербальный код (русский литературный язык в кириллической графике) и невербальный визуальный код (копии документов и фотографии проблемного объекта). Лаконично охарактеризованы количественные и качественные параметры для изображения, и подробно описаны требования к использованию делового языка коммуникации (отсутствие нарушающих смысл опечаток, запрет на коммерческую информацию, пропаганду ненависти, речевую агрессию и т.п.).

Вывод 3: требования к коду вполне понятны и доступны.

4. Коммуникативные отношения участников двусторонние и многоактные. Полный репертуар действий у гражданина: запрос, передача и обработка информации (*получить дополнительную информацию, ознакомиться; направить сообщение, проинформировать городские службы; оценить полученный ответ*). Ответные действия со стороны власти обозначаются страдательным глаголом: *сообщения ... в обязательном порядке рассматриваются городскими службами в строго установленные сроки*[2]. С одной стороны, это отражает объективность деловой речи, с другой – при восприятии конструкции пассива реальный деятель (в тв.падеже) отступает на второй план.

Вывод 4: коммуникативные отношения и действия полностью отвечают формату взаимодействия участников в цифровой среде.

5. Аспект текста является самым важным, но наименее проработанным в этой цифровой коммуникации. На портале используются преимущественно информационные тексты (*сообщение, повторное сообщение, ответ, промежуточный ответ, отзыв*), которые классифицируются по роли участника коммуникации и содержанию. Для порождения текстов разработчики сайта систематизировали объекты описания по тематическому принципу: проблемы ЖКХ и благоустройства (представлено 16 разделов с внутренней иерархией по типовым объектам возникновения проблем: *двор, дом, мост, общественный транспорт, улица* и др.) или недостаток информации (по 8 позициям: *адресные программы дома, информация об обслуживающей организации, информация об отключениях* и др.). Сейчас классификатор проблем включает в себя 190 категорий, последний раз его расширение было в 2017 г. Сообщение создается исключительно в привязке к классификатору проблем, формулировка которых содержит указание либо на объект в ненадлежащем состоянии (провода в таком-то состоянии и т.п.), либо на нежелательный объект-новообразование (надписи, мусор и т.п.), либо на аномальное событие-сценарий (повреждение чего-либо, угроза падения и т.п.), либо на желаемый объект (предложения по установке урны у остановочного павильона и т.п.). Индивидуализация проблемы обеспечивается за счет комментария: *в сообщении должны содержаться комментарии пользователя, а также должны быть прикреплены фотоматериалы и (или) копии документов, подтверждающих наличие проблемы*[2]. При наличии такого детально проработанного тематического членения рубрик, с нашей точки зрения, для предупреждения коммуникативных сбоев и неудач в ситуации дистантной коммуникации не хватает примера текста и пошагового разбора типового обращения. Кроме того, вербализованная информация сопровождается визуальным знаком, что усложняет процессы когниции, поэтому необходим анализ ошибок в подаче фотоматериалов к сообщению. Неправильные сообщения отклоняются модератором, при этом не всегда дана отсылка к положению правил модерации сообщений. Поскольку модератор имеет право изменить категорию проблемы, не отклоняя сообщения (например, отредактировано сообщение о локализации мусора: «мусор на газонах вдоль проезжей части» изменено на «мусор на внутридворовой территории»), не исключена субъективность интерпретации (категория проблемы меняется по существу или для отчетности/статистики/смены исполнителя?).

Вывод 5: доработка аспекта текстообразования способна не только увеличить долю успешных актов коммуникации и исключить субъективность, но и стимулировать гражданскую активность жителей.

Совершенствование цифровой коммуникации гражданина с государством способствует формированию и продвижению объективной оценки деятельности подразделений органов государственной власти.

Список литературы

1. Интернет-коммуникация как новая речевая формация [Электронный ресурс]: кол. монография /науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 328 с.
2. Сайт «Наш Санкт-Петербург» [Электронный ресурс] URL: <http://gorod.kis.gov.spb.ru/regulations/> (дата обращения: 30.06.2019).

10.02.01

А.А. Кудрявцева канд. филол. наук

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Институт русского языка и словесности,
кафедра русского языка и методики его преподавания,
Волгоград, a_kudriavtseva@mail.ru

**МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС
КАК БАЗА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ)**

Автор рассматривает переход имен собственных в имена нарицательные на основе сочетания метонимического и метафорического переноса. Учитывается синонимический аспект. Также выявлено, что большинство подобных единиц функционирует в публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: *апеллятивизация, метафора, метонимия.*

В русском языке наблюдается явление апеллятивизации, то есть перехода имен собственных (онимов) в разряд имён нарицательных (апеллятивов). Данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [2; 227]. В результате образуются апеллятивизированные единицы, которые мы называем прономинантами; при этом в качестве лексической основы стилистического приема прономинации способен выступать не любой оним, а только прецедентное имя [3; 224]. Нами выявлено несколько способов образования прономинантов: на основе метафоры (в том числе олицетворения), на основе генерализации значения, а также на основе сочетания метонимического и метафорического переноса. В последней названной группе образование прономинантов происходило в два этапа: сначала оним подвергся метонимизации, а затем – метафоризации.

Метонимия (от греч. *metonymia* – переименование) – одно из средств вторичной номинации, которое, наряду с метафорой, называют одним из основных тропов. В современной лингвистике метонимия традиционно определяется как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [1; 300]. Коренным отличием метонимии от метафоры является то, что «метафора перефразируется в сравнение при помощи подсобных слов «как бы», «вроде», «подобно» и т.д.; с метонимией этого сделать нельзя» [2; 159]. Стилистические функции метафоры и метонимии изучены, однако стилистический аспект метафоризации на метонимической основе до сих пор оказывался вне поля зрения ученых; данный факт определяет новизну исследования. Цель исследования — проанализировать особенности перехода онимов в апеллятивы на основе сочетания метонимического и метафорического переносов.

В языке существуют регулярные типы переносов названия по смежности. Это так называемые формулы метонимического переноса, на существование которых впервые указал [4; 117-124].

Как уже было сказано выше, прономинанты, рассматриваемые в данной статье, образовались в два этапа.

На первом этапе произошел метонимический перенос. При этом реализовалась следующая формула метонимического переноса: «место, где произошло какое-либо событие > событие, произошедшее в этом месте». Проиллюстрируем формулу примерами.

Чернобыль1 – ‘город, в котором произошла ядерная катастрофа’ (например: *Чернобыль был городом атомщиков*) > Чернобыль2 – ‘ядерная катастрофа, произошедшая в Чернобыле’ (например: *Последствия Чернобыля в полной мере ощущают наши внуки и правнуки*).

Хиросима1 – ‘город, подвергшийся атомной бомбардировке’ (например: *В Хиросиме установлен памятник жертвам бомбардировки*) > Хиросима2 – ‘атомная бомбардировка, которой подверглась Хиросима’ (например: *От последствий Хиросимы продолжают умирать люди*).

Бородино1 – ‘место, где произошло решающее сражение Отечественной войны 1812 года’ (например: *В Бородино стекались войска*) > Бородино2 – ‘сражение, произошедшее в этом месте’ (например: *Недаром помнит вся Россия про день Бородина!* М.Ю.Лермонтов. Бородино).

На втором этапе произошел метафорический перенос на основе предшествующей метонимии. Образовавшиеся при этом прономинанты вступили в синонимические отношения с различными словами.

Прономинанты *Чернобыль* и *Хиросима* используются в современной публицистике в качества стилистических синонимов слова *катастрофа*. Отметим, что более частотным является прономинант *Чернобыль*. Видимо, произошедшая в 1986 году на территории СССР Чернобыльская катастрофа в сознании носителей русского языка представляется более близкой и значимой для страны по сравнению с бомбардировкой японского города Хиросимы, произошедшей в 1945 году. Приведем примеры употребления данных единиц.

Как показывают наши наблюдения, подавляющее большинство из них функционирует в публицистической речи: *Продолжая хранить химическое оружие, мы рискуем устроить в России химический Чернобыль* (Аргументы и факты, 1997, №23; ср.: *мы рискуем устроить в России химическую катастрофу*). Примечательно, что прономинант Чернобыль используют чаще всего, когда говорят о духовной катастрофе. Возможно, данный факт можно объяснить тем, что выражение *духовный Чернобыль* употребил с своей речи авторитетный общественный деятель патриарх Алексей II, и его слова были процитированы в популярной телепрограмме известного журналиста Леонида Парфенова «Намедни. Наша эра»: *Свою позицию Алексей II обозначает твердо и даже сурово: «Атеизм — это духовный Чернобыль. Государство со своей идеологией слишком вольготно разместило в жизни человека. Ему придется потесниться»* (<https://namednibook.ru/aleksiy-ii.html> ср.: *атеизм — это духовная катастрофа*). Примеры использования данного прономинанта достаточно многочисленны: *Нации грозит духовный Чернобыль* (Комсомольская правда, 17.12.98; ср.: *нации грозит духовная катастрофа*); *Абсолютно господствующая у нас леворадикальная пресса типа журнала «Огонек» за короткий срок «гласности» и «плюрализма» устроила для массового сознания поистине духовный Чернобыль* (А. И. Осипов. Россия сегодня и славянофилы // Русский Дом, № 4, 1999; ср.: *пресса [...] устроила для массового сознания поистине духовную катастрофу*). Примечательно, что нередко слово Чернобыль в переносном значении используют люди, имевшие отношение к ликвидации аварии на ЧАЭС. Так, художник Леонид Гришук говорит: *«Меня очень волнует проблема Чернобыля духовного — вся эта наша вечная спешка, отсутствие смыслов, внутренняя пустота и холод, как на дне разрушенного реактора. Говорю об этом со зрителем в своих работах»* (Вечерний Минск, 26.04.2018; семантика выявляется из контекста).

В отличие от прономината *Чернобыль*, прономинант *Хиросима* несколько чаще используется, когда речь идет о техногенных катастрофах. Например: *Сбой в мировой компьютерной системе может обернуться для человечества электронной Хиросимой* (Комсомольская правда, 17.12.98; ср.: *может обернуться для человечества электронной катастрофой*); *Экологи продолжают бить тревогу: целлюлозно-бумажный комбинат уже много лет грозит Байкалу экологической Хиросимой* (Труд, 16.12.96; ср.: *грозит Байкалу экологической катастрофой*).

Иногда прономинаты *Чернобыль* и *Хиросима* встречаются в одном публицистическом тексте. Например, публицист Егор Холмогоров пишет: *В 1988 году академик Дмитрий Лихачев назвал пожар в Библиотеке Академии наук «культурным Чернобылем». Если применить тот же образ, то сознательное уничтожение пятнадцатилетним сатанистом Успенской церкви Кондопоги — наша духовная Хиросима* (портал Rusnext.ru, https://rusnext.ru/recent_opinions/1534415728 6.08.2018; ср.: *Дмитрий Лихачев назвал пожар в Библиотеке Академии наук культурной катастрофой; сознательное уничтожение пятнадцатилетним сатанистом Успенской церкви Кондопоги — наша духовная катастрофа*)

Подавляющее большинство рассматриваемых единиц зафиксированы в публицистике, однако в последние годы единичные примеры встречаются в художественной речи, а именно в поэзии. Примечательно, что прономинанты вынесены и в заглавие, что, видимо, подчеркивает значимость данных понятий для авторов. В стихотворении «Духовная Хиросима» Л. Титаренко пишет: *Когда насилие над личностью чинимо, / Для Духа это - словно Хиросима* (портал Стихи.ру, <https://www.stihi.ru/2013/09/02/2334> 25.06.2013), а в стихотворении П. Явецкого «Духовный Чернобыль» говорится: *О, как звучало гордо: Человек! / Споткнуться умудрились и на ровном: / Переступили в двадцать первый век - / Обожжены Чернобылем духовным...* (<https://www.proza.ru/2016/09/27/210> , 2016).

Произведенный анализ позволяет говорить об отсутствии семантических различий между прономинантами *Чернобыль* и *Хиросима* и словом *катастрофа*. Рассматриваемые прономинанты являются по отношению к нему стилистическими синонимами, так как встречаются преимущественно в публицистической речи. Относительно друг друга анализируемые прономинанты выступают, судя по всему, как абсолютные синонимы, хотя небольшое число отмеченных нами примеров не позволяет говорить о данном факте с полной уверенностью.

В предложении *Станет ли Брчко местом очередного Бородино?* (Комсомольская правда, 18.12.96) наблюдается синонимическое сближение прономинанта *Бородино* и слова *сражение* (ср.: *Станет ли Брчко местом очередного сражения*), однако об образовании синонимической пары в данном случае говорить не приходится.

Приведенные выше примеры показали, что в результате прономинации на основе сочетания метонимического и метафорического сдвига образовалось небольшое число прономинантов. Все они произошли от прецедентных топонимов — названий мест, где произошло какое-либо выдающееся событие, имевшее значение для большого числа людей.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метонимия //Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С.300-301.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 376 с.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. — 376 с.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — 500 с.

10.02.01

**О.С. Тарасенко канд. филол. наук, Л.Р. Бакирова канд. филол. наук,
Л.У. Бикмаева канд. филол. наук**

Уфимский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, ya.tos-ya@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ РЕДАКТИРОВАНИЮ ТЕКСТОВ СЛУЖЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ

В статье рассказывается об обучении студентов редактированию текстов служебных документов в юридических вузах. Дается понятие редактирование, приводятся этапы и принципы данного процесса, техника правки документа. Предложен вариант интерактивной игры «Мозговой штурм» с заданиями для закрепления обучающимися изученного материала.

Ключевые слова: *редактирование, этапы редактирования, техника правки документа, принципы редактирования, интерактивная игра.*

Студенты, как будущие юристы, должны знать языковые нормы современного русского литературного языка, уметь использовать юридическую лексику в деловых и процессуальных документах, в речи грамотно использовать профессиональную лексику, знать порядок составления и оформления текстов по специальности, владеть нормами официально-делового стиля речи. Кроме того, должны уметь редактировать готовые тексты документов.

В одной из своих статей С. Р. Асянова отмечает, что «повышение эффективности работы следователя связано с совершенствованием планирования расследования преступлений. Большое значение в этом процессе принадлежит целеполаганию. А общей целью всей поисковопознавательной деятельности при расследовании является – установление истины по делу» [1, с. 283]. Кроме того, исследователь подчеркивает, что «составление письменного плана следственных действий в целом по делу и подготовка иной документации является конечным результатом процесса планирования» [1, с. 287]. Отметим, что чем точнее, правильнее, логичнее будет изложена информация, тем легче будет работать с данными в тексте и тем больше вероятность приближения цели расследования – отыскать истину.

Перед преподавателем вуза стоят важные задачи: дать понятие о редактировании; познакомить обучающихся с видами правки текста (вычиткой, сокращением, обработкой, переделкой); научить находить ошибки в текстах служебных документов и правильно устранять их.

При подготовке к занятиям по редактированию текстов служебных документов преподавателю рекомендуется составлять развёрнутый план-сценарий, который содержит подробный план всего занятия в сочетании с компьютерными слайдами из мультимедийной презентации. Наличие слайдов не только на экране, но и в плане-сценарии даёт возможность преподавателю быть «непривязанным» к компьютеру, спокойнее передвигаться в пределах учебной аудитории, сохранять уверенность в правильном ходе занятия, так как это удобный контроль сочетания слайдов с обсуждаемым учебным материалом.

Перед занятием необходимо дать студентам задание на самоподготовку, включающее изучение терминов, которые будут актуальны на предстоящем уроке: языковая, лексические, морфологические, синтаксические нормы. Начать занятие логично с повторения лингвистических понятий. Если возникнут трудности в дефинициях, поскольку указанные термины не входят в школьный курс, необходимо будет дать под запись обучающимся данные определения.

В ходе занятия необходимо дать дефиницию рассматриваемого явления: указать, что «редактирование – это сложный аналитический процесс, который включает в себя проверку достоверности представленных в нем сведений и достаточности фактического материала, улучшение стиля документа и проверку грамотности изложения» [3, с. 91–92]. Подчеркнуть, что тексты документов редактируют составители. Каждый человек, который работает с документами, должен уметь составлять, оформлять и проверять документы. Кроме того, указать на то, чтобы хорошо редактировать документы, необходимо: хорошо знать свою область деятельности (например, будущий полицейский должен хорошо знать законы); уметь использовать словари; владеть официально-деловым стилем речи; владеть методикой редактирования текста.

Обязательно необходимо сказать, что существуют определенные этапы редактирования: *первый этап* – первоначальное ознакомление с содержанием текста документа; *второй этап* – анализ фактической стороны содержащейся информации (проверить, опирался ли составитель документа на государственные стандарты по оформлению документов; достоверны ли цифровой и фактический материал текста документа; все ли данные об организации и руководителе указаны); *третий этап* – собственно редактирование с исправлением всех видов языковых ошибок (после исправления ошибок нужно сопоставить исправленный текст со старым; сопоставить исправленное предложение с предложением до него и после него).

Далее перейти к вопросу о технике правки служебного документа. Обязательно указать, что техника правка может не затрагивать содержания текста (стилистическая выверка) и затрагивать (смысловая). В первом случае редактор устраняет грамматические ошибки, корректирует стиль изложения документа. Во втором – наряду с этим – анализирует содержательную сторону вопроса, выверяет фактическую достоверность материала. Подчеркнуть, что традиционно выделяется четыре вида правки: вычитка, сокращение, обработка, переделка.

После знакомства с видами правки, преподавателю необходимо спросить, как должен выглядеть выправленный документ. Вместе со студентами необходимо прийти к следующему умозаключению: выправленный документ не должен содержать фактических ошибок и опечаток; быть без орфографических и пунктуационных ошибок; иметь оптимальный объем; строиться согласно законам логики; соответствовать стилистическим нормам русского литературного языка и специальным требованиям официально-делового стиля.

Важно также остановиться на принципах редакторской правки, как то: содержание документа требуется сохранить; при необходимости суметь доказать, что изменения были нужны; устранять недостатки сразу, имея в виду, что одно изменение может повлечь за собой другое.

Закрепить материал по теме редактирование текстов служебных документов можно в ходе интерактивной игры, например, такой как «Мозговой штурм». Кроме того, как справедливо подчеркивает Л.Р. Бакирова в одной из своих статей, говоря об обучающихся, что «использование интерактивных методов в системе обучения является важным условием для развития творческих и интеллектуальных способностей» [2, с. 27].

«Мозговой штурм» можно организовать в форме конкурса между командами, в состав которых войдут по 5–6 человек. Игроки заранее знакомятся с правилами игры. Побеждает та команда, которая наберёт в конце игры большее количество баллов. За каждое правильно выполненное задание команда получает 1 балл. Каждая команда получает табличку со словами «Ответ готов», которую они используют для оповещения готовности ответить на вопрос. Далее приводятся образцы заданий.

Задание 1. Преподаватель выводит на экран слайды, на которых располагаются неотредактированные тексты. Студентам необходимо выявить ошибку. Далее следует указать, какой вид правки необходим. Преподаватель зачитывает задание и даёт время для обсуждения. Для игры предлагаются несколько отрывков из юридических текстов.

Рекомендуется брать тексты из разных документов: организационно-распорядительных, уголовно-процессуальных и других. Например, можно взять подобные тексты: «Доводы заявителя о том, что УФРС по ЧР может и без наличия оснований исключить (аннулировать) записи из Государственного реестра о регистрации прав заявителя на принадлежащие ПКФ “ИММ” объекты недвижимого имущества, суд считает необоснованными и не подкрепленными какими-либо доказательствами, поскольку в соответствии с Федеральным законом №11-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” государственная регистрация является единственным подтверждением прав и может быть оспорена только в судебном порядке» [5].

Задание 2. Следующий этап игры предполагает анализ предложений, нуждающихся в правке-обработке. Обучающимся необходимо заполнить таблицу, распределив указанные примеры по типам лексической ошибки (неправильное использование слов-терминов, паронимия и т.д.). Преподаватель дает каждой команде распечатанную таблицу для заполнения, затем на экран выводит слайд с заданиями подобного рода: «Гражданка Н.Н. Иванова обратилась в ЗАГС с заявлением о *разводе* брака» [4].

Задание 3. Студентам предложено неотредактированное постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. Необходимо просмотреть текст документа и определить, какие виды правки необходимо произвести: вычитка, сокращение, обработка, переделка. Выделить ошибки, предложить свой вариант исправления. Фрагмент текста для работы: «Проведенной проверкой установлено, что 09.06.2018 г. около 02.00 часов А.А. Гончар находясь на прилегающей территории к кафе ООО «Валентина» и имея умысел на незаконное проникновение в помещение указанного кафе, с целью хищения алкогольной продукции «пиво», при помощи физической силы рук взломал и повредил запорное устройство первой пластиковой входной двери в кафе ООО «Валентина»...»

Ведет игру и осуществляет судейство преподаватель. В конце игры преподаватель подводит итоги и объявляет команду-победителя.

Для контроля усвоения в конце занятия можно провести тест по теме редактирование текстов служебных документов.

Список литературы

1. *Асянова С.Р.* Особенности планирования расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных водителями в состоянии опьянения / С.Р. Асянова, Э.В. Гареева // Вопросы российского и международного права. 2018. Том: 8. Номер: 3А. С. 283–289.
2. *Бакирова Л.Р.* Об использовании интерактивных форм и методов проведения занятий по русскому языку как иностранному в Уфимском юридическом институте МВД России // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного: материалы III Международной научно-практической конференции; г. Уфа, 11 мая 2017 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. С. 22–27.
3. *Иванова А.Ю.* Русский язык в деловой документации : учебник и практикум для вузов / А. Ю. Иванова. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 157 с.
4. *Скоринова Т.П.* Практикум по русскому языку и культуре речи [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Т. П. Скоринова. Москва: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. 99 с. // URL: http://uarukaf.dfst.donntu.org/wp-content/uploads/2015/10/Praktikum_po_russkomu_yazyku_i_kulture_rechi_uchebnoe_posobie_.pdf (дата обращения: 29.08.2019).
5. Язык и стиль изложения судебных актов: Научно-методические рекомендации [Электронный ресурс] / авторы-составители: А. В. Мильков, С. А. Параскевова, Э. Г. Айрапетова, Ю. В. Ковалёва. Ессентуки, 2009. 55 с. // URL: <http://16aas.arbitr.ru/files/pdf/nauch-metoditch.pdf> (дата обращения: 29.08.2019).

10.02.01

Я.С. Ульбиева

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
филологический факультет,
кафедра чеченской филологии,
Грозный, uys@mail.ru

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК МАЛОИЗУЧЕННЫЙ ФЕНОМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе проведен краткий обзор истории изучения и возникновения слов категории состояния в русском языке, предпосылок выделения их в самостоятельную часть речи, а также формирования различных взглядов на этот вопрос у ведущих отечественных языковедов. Автор также указывает основанием для выделения СКС их значительную семасиологическую роль в произведениях ведущих российских поэтов и писателей.

Ключевые слова: слова категории состояния, СКС, грамматическая категория, безличные предикативы, краткие наречия, безличные глаголы, части речи, семасиология.

В настоящее время в лингвистике актуализирован вопрос, связанный с целесообразностью выделения слов категории состояния в отдельную группу, поскольку, во-первых, эта задача до сих пор не решена, а во-вторых, процесс составления учебно-методической литературы и словарей требует однозначности и категоричности. Соответственно, в первую очередь, предметом нашего исследования стал анализ формирования взглядов выдающихся отечественных языковедов на проблему слов категории состояния и дальнейшие перспективы выделения их в самостоятельную грамматическую категорию.

Русский язык имеет древнейшую структуру и изучается величайшими умами русского языкознания так давно, что, казалось бы, уже едва ли представляется возможным найти область, которая не обследована досконально. Тем не менее встречаются в русском языке слова, которые по сегодняшний день вызывают массу споров и противоречий относительно их места в системе частей речи.

К таковым относятся слова категории состояния. Всего каких-то сто лет назад ведущие отечественные филологи приступили к комплексному исследованию этого вопроса. Поводом к такому интересу стало нарастающее выявление в русском языке слов со схожими новыми признаками разграничения частей речи. В их числе соотношение с объектами актуальной действительности, логическое и смысловое соответствие частям речи, к которым долгое время относили глагол и существительное, соответственно, действие и предмет, изменения, возникающие в сочетании с другими частями речи, особый характер словообразования и др. Игнорировать относительную самостоятельность и отсутствие явных морфологических признаков у этих слов оказалось весьма сложным.

Тем не менее отдельные издания не спешили менять установленный порядок освещения данной проблемы, к примеру «Академическая грамматика русского языка» в 1980 году придерживалась старой формы выделения частей речи. Впервые этот вопрос затронул А. Х. Востоков в «Русской грамматике», заинтересовавшись некоторыми чертами глаголов у кратких прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени. В числе этих слов языковед выделил слова *можно, лъзя, лень, жаль* [2, с. 205]. Он, конечно, на тот момент еще не вынес их в категорию состояния, но уже изъясил из разряда существительных, прилагательных и наречий. По мнению А. Б. Шапиро о выделении отдельной категории состояния не приходилось говорить, ведь для выделения новой категории слов нужна полная определенность и соответствие всем принципам учения о частях речи. Выделение слов категории состояния по единому принципу могло происходить лишь на основании значения

их основ, а это никак не грамматический признак и имеет больше отношения к семасиологии: «Можно рассматривать части речи в русском языке (как и в любом из существующих языков) как лексические классы слов. Для русского языка это означало бы классификацию слов по значениям их основ. Такая классификация относилась бы к семасиологии, но никак не была бы грамматической классификацией» [5, с. 42].

А. Б. Шапиро подчеркивал слова А. А. Шахматова «...части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи. Но морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи» [6, с. 55], тем самым указывая на то, что по мнению лингвиста, в русском языке имеются слова, которые морфологически не обнаруживают связи с грамматической категорией, свойственной рассматриваемой части речи.

Статус одного из первопроходцев в изучении слов категории состояния, пожалуй, можно отдать Л. В. Щербе, который акцентировал свое внимание на этой группе слов в 1928 году в работе «О частях речи в русском языке» [7, с. 74]. По его мнению, основными доводами в пользу выделения отдельной категории слов выступает их неизменяемость и использование со связкой: «Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой - с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым - от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке» [Там же, с. 76].

Очень часто краткие формы прилагательных выступают в роли омонимов со словами категории состояния. Однако в контексте они выполняют совершенно разные функции и имеют разные лексические и грамматические значения. Например: «Его *рвет*» - означает болезненное состояние человека, в то время как сочетание «Она *рвет* все документы» - недвусмысленно указывает на явное действие. Можно также взять в пример безличные предикативы на -о и сравнить их с краткими формами прилагательных с такой же основой, и мы будем наблюдать такое же лексико-семантическое расхождение. «Мне *стало так тепло на душе*» означает состояние радости и явного душевного удовольствия, тогда как «В *комнате тепло*» отражает благоприятный температурный режим.

Говоря в данном ключе о существительных, можно наблюдать в ряде случаев потерю именительного падежа и последующее сближение с безличными предикативами, многие из которых чаще всего можно отнести к категории слов состояния. Например: «*Так поступать грех*» и «*Грешно так поступать*». Слова категории состояния отражают не действие, а состояние лица, и характеризуются безличным: *стыдно, досадно, голодно*. Либо отражают состояние, навязанное субъекту: *я рад, ты должен*.

Нельзя не сказать о колоссальном влиянии глаголов на формирование слов категории состояния. Последние, хоть и не все, но в большинстве своем находят полный параллелизм в группах безличных глаголов. Это слова, обозначающие внутреннее психологическое состояние человека (*весело, грустно, стыдно и др.*), субъективное восприятие внешних раздражителей говорящим (*голодно, щекотно, зябко*), а также слова, описывающие состояние окружающей природы, среды: (*на улице людно*).

Говоря о существующей омонимичности СКС с безличными глаголами, краткими прилагательными и наречиями, стоит отметить, что среди слов категории состояния есть такие, которые невозможно соотнести ни с одной упомянутой частью речи, что, очевидно, решает в пользу выделения этой отдельной грамматической категории. Недвусмысленно об этом заявляет А. М. Пешковский [3, с. 112]: «Некоторые из них бесформенны и не относятся и по значению ни к какой части речи (*нельзя, жаль*), а некоторые, примыкающие внешне по своему окончанию - о по своей основе к наречиям и кратким прилагательным среднего рода (*можно, должно, больно*), не совпадают по значению ни с теми, ни с другими».

Несмотря на наличие среди языковедов сторонников и противников идеи выделения их в отдельную группу, СКС имеют большое значение не только в синтаксической и грамматической составляющей языка, но и несут в себе особую миссию усиления качественной семантики, имеют сильнейшее свойство передачи экспрессии и красоты в контексте.[4, с. 98-100].

Всесторонне изучал и подчеркивал особенность роли слов категории состояния в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н.В. Гоголя и др. выдающийся языковед В. В. Виноградов[1, с. 329]: «Приятно думать у лежанки!» (А. С. Пушкин).

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что вопрос СКС все еще носит актуальный характер. Недаром ученые языковеды возвращаются к этому вопросу снова и снова на протяжении десятков лет. Однозначно, что помимо грамотного и определенного характера формирования грамматик и словарей есть у безличных предикативов в русском языке очень важное дополнительное свойство.

Очевидно, что важна также их семасиологическая роль в предложении. Выдающиеся поэты и писатели русской классики недаром использовали слова категории состояния, пытаясь максимально ярко и красочно описать опыт героя, его мироощущение и психологическое переживание, найти кратчайшую грамматическую единицу, способную отразить состояние природы и окружающей среды. Эту функцию берут на себя слова категории состояния, которые, в свою очередь, не могут существовать лишь семасиологически, обособленно от каких-либо грамматических категорий. Наличие слов в русском языке, отражающих в той или иной степени состояние невозможно игнорировать, равно как нельзя не замечать зависимости их категории от положения в контексте или структуре грамматической конструкции.

Список литературы

1. Виноградов В.В., *Стиль Пушкина*. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1941. – 620 с.
2. Востоков А.Х., «Русская грамматика. По начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная» – СПб.: в типографии И. Глазунова, 1831 - 395 с.
3. Пешковский А.М., *Русский синтаксис в научном освещении*. – 6-е изд. - М.: Языки славянской культуры, 1938. – 239 с.
4. Савостина Д.А., «Категория субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 198 с.
5. Шапиро А.Б., *Есть ли в русском языке категории состояния как части речи? // «Вопросы языкознания» /*. – №2. – М.: изд. Академии Наук СССР, 1955. –153 с.
6. Шахматов А.А., *Синтаксис русского языка*. –3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 620 с.
7. Щерба А.В., «О частях речи в русском языке». – М.: Высшая школа, 1980. – 476 с.

10.02.01

Э.В. Фомин канд. филол. наук

Чувашский государственный институт культуры и искусств,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Чебоксары, yeresen@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В Г. ЧЕБОКСАРЫ

Статья посвящена изучению функционирования языков в столице Чувашской Республики. Автором описывается исходная позиция, обуславливающая сосуществование языков в г. Чебоксары. Языковая ситуация в городе полилингвистична, русскоцентрична. Здесь сложился чебоксарский региолект русского языка, выступающий элементом самобытности республики, а также служащий сохранению чувашского материала в региональном варианте русского языка.

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, чебоксарский региолект, языковые контакты.

Так сложилось, что современной чувашской социолингвистикой преимущественно изучаются конкретные проблемы функционирования основных языков региона, чаще чувашского, хотя он и является государственным, но его использование во многом испытывает трудности. Как правило, языковая ситуация в г. Чебоксары не выделяется в самостоятельную проблему и описывается в рамках общереспубликанского контекста. Между тем лингвистические параметры речевого поведения жителей столицы Чувашии заслуживают особого внимания, поскольку концентрируют в себе выразительные качества не только в привычном социологическом плане, но и в ортологическом. К настоящему времени под чувашским влиянием сложился региональный лингвистический феномен – чебоксарский вариант русского языка» [2]. Кроме того, лингвистические предпочтения жителей Чебоксар служат образцом для всего населения республики.

Описание языковой ситуации в данной работе происходит согласно стандартной схеме, принятой в подобных изысканиях: автором анализируются количественные (1), качественные (2) и аксиологические составляющие (3) языковой ситуации в г. Чебоксары.

(1) Количественные параметры языковой ситуации. Основными народами, проживающими в г. Чебоксары, являются чуваша и русские. Их доля составляет 96,2 процентов жителей столицы Чувашии. Другие народы в Чебоксарах представлены небольшим числом (табл.1).

Таблица 1 – Национальный состав г. Чебоксары и Чувашской Республики, 2010

Национальность	Чебоксары		Чувашская Республика	
	абс.	доля, в %	абс.	доля, в %
Чуваши	272652	62,6	814750	67,7
Русские	146462	33,6	323274	26,7
Татары	4775	1,1	34214	2,8
Мордва	1639	0,4	13014	1,0
Другие	9823	2,4	18298	1,5

Таким образом, языковая ситуация в городе складывается под воздействием специфичных процессов, возникающих в результате контактирования чувашей и русских. С одной стороны, Чебоксары растут за счет урбанизации чувашского населения республики и диаспоры, с другой – оно сразу же подвергается осязаемым ассимилятивным процессам. Обычно уже второе поколение чувашей в условиях города не владеет чувашским языком.

Исторически Чебоксары представляют собой русский город. В дооктябрьские времена здесь проживало чуть менее шести тысяч человек, из которых девять процентов составляли чуваша. К настоящему времени Чебоксары превратились в крупный город с полумиллионным населением. Доля чувашей составляет 63 процента.

Большинство жителей Чебоксар родным называют чувашский язык (табл. 2). Субъективно данный факт не находит подтверждения в речевой практике города, говорящего преимущественно по-русски. Возможно, данное признание для многих респондентов обусловлено эмоциональной оценкой этнического, материнского языка, а также проведением прямой связи между национальным самосознанием и языком, а не реальным положением дел.

Таблица 2 – Владение родными языками жителей г. Чебоксары и Чувашской Республики, 2010

Национальность	Чебоксары		Чувашская Республика	
	язык своей национальности, в %	русский, в %	язык своей национальности, в %	русский, в %
Чуваши	56,9	43,1	77,3	22,6
Русские	99,9		99,6	
Татары	60,1	39,4	86,1	13,4
Мордва	33,4	64,9	60,1	38,6

По сравнению с 1989 г. в восприятии языков произошли существенные изменения. Данные последней переписи (2010) свидетельствуют о сокращении чебоксарцев, считающих родным чувашский язык более чем на десять процентов (ср. показатели табл. 2 и 3).

Таблица 3 – Владение родными языками жителей г. Чебоксары и Чувашской Республики, 1989

Национальность	Чебоксары		Чувашская Республика	
	язык своей национальности, в %	русский, в %	язык своей национальности, в %	русский, в %
Чуваши	68,1	31,8	85,0	14,9
Русские	99,9		99,8	
Татары	72,0	27,5	90,3	9,4
Мордва	46,3	53,1	71,8	27,9

Наблюдающийся в среде чувашей г. Чебоксары массовый языковой сдвиг вызывает опасения за будущее титульного языка республики.

(2) Качественные параметры языковой ситуации. Русский язык как государственный на территории Российской Федерации и Чувашской Республики в Чебоксарах безоговорочно доминирует в общественной сфере. Он в полной мере задействован в административном управлении, межэтнической коммуникации, общественно-политической деятельности, образовании, именовании географических единиц, области производства, науки, средств массовой информации. Использование чувашского языка в названных областях скорее вызовет удивление: «Сегодня на очередной 13-й сессии Государственного Совета Чувашской Республики депутат Григорий Данилов выступил на чувашском языке. По просьбе народного избранника незнающим государственного языка ЧР обеспечили перевод на русский язык. Им оперативно раздали аппараты для синхронного перевода» [4].

Образовательная система в Чебоксарах ориентирована на использование русского языка. В позднесоветский период в Чебоксарах имела одна школа, в которой практиковался чувашский язык как предмет. Предполагалось, что она необходима для детей, недавно переехавших из села в город. В 1980 гг. в столице Чувашии началась широкая практика преподавания чувашского языка в начальной школе в целях противостоять ассимилятивным процессам. В 1990 г. чувашский язык становится обязательным предметом во всех образовательных учреждениях. Однако в последнее время происходит отказ от сложившихся традиций многоязычного образования.

В городе так или иначе существует официальный чувашский аудиальный и визуальный фон. Правда, он не последователен и не постоянен. Например, в городском транспорте объявления обычно передаются на русском и чувашском языках. При этом попытки делать объявления на вокзалах на чувашском и русском языках очень быстро заканчиваются

отказом от чувашских объявлений. Топографические обозначения, дорожные указатели, названия улиц, вывески организаций в Чебоксарах, как правило, выдерживаются на чувашском и русском языках.

В условиях Чебоксар чувашский язык более востребован в семейно-бытовой сфере как средство общения между родственниками, родителей между собой. Однако коммуникация чувашских родителей с детьми уже полностью осуществляется на русском языке: «По мнению части населения, чувашский язык мешает владению русским и поэтому нельзя использовать его в общении с детьми...» [1. С. 46]. Чувашский язык нередко используется родителями при детях в конспираторной функции.

По большому счету чувашский язык – язык общения знакомых. Но когда его предполагается использовать в общении с людьми, еще не знакомыми, могут возникнуть конфликты. Типичная ситуация отражается в реплике продавщицы одного из магазинов Чебоксар: «Почему вы с ней (с другой продавщицей, чувашкой городского происхождения. – Э. Ф.) говорите по-русски, а со мной по-чувашски?!».

В духовной сфере преобладает русский язык, но присутствие чувашского языка пока еще следует признать существенным. Так, богослужение осуществляется на церковно-славянском и чувашском языках. В случае ведения службы на церковно-славянском практикуется обязательное чтение молитвы «Отче наш» на чувашском языке. Чувашский язык публично чаще используется в концертно-фестивальной деятельности в символической функции.

Динамику востребованности языков, тенденций развития языковой ситуации в республике в целом отчетливо можно проследить на материале театров Чебоксар: театр юного зрителя за короткий период полностью перешел на русский репертуар, и теперь чувашские постановки в ТЮЗе крайне редки; спектакли на чувашском языке в театре кукол, театре оперы и балета появляются в исключительных случаях; Чувашский драматический театр детские постановки полностью осуществляет на русском языке.

В условиях г. Чебоксары во взаимодействие вступают русский и чувашский языки. В результате их сочетания формируется чебоксарский вариант русского языка. Влияние русских говоров на чебоксарский региолект не прослеживается: население Чебоксар практически полностью состоит из мигрантов советского и новейшего времени.

В концентрированном виде характеристика чебоксарского региолекта дана в следующем заключении, который сделал ребенок, переехавший в Чебоксары из сибирского города, впервые услышавший местную русскую речь в аэропорту столицы республики: «Это и есть чувашский язык? Значит, мы его быстро выучим!» (Егор Р., русский, 10 лет).

В результате долговременных чувашско-русских языковых контактов к настоящему времени сложился чебоксарский региолект – вариант русского языка, отличающийся от литературных норм рядом устойчивых специфичных реализаций языковых единиц.

Речи чебоксарцев присущи следующие особенности: на фонетическом уровне: 1) отсутствие редукции [а], [о], [э] в безударных позициях (ч[а]сы, цв[э]ты) вместо ч[и³]сы, цв[и³]ты); 2) смещенное ударение в некоторых словах (чува́ши – чувáшей – чувáшами, Чува́шья вместо чувашí – чувашéй – чувашáми, Чува́шья); 3) раздельное произношение предлогов со знаменательными словами (через | час; в | одиночестве [3]); на лексическом уровне: 1) чувашизмы (*акатуй, серте, хуплу, шáрттан*); 2) высокая частотность местных урбанонимов (*Дворец культуры им. Я. Ухсая, ул. Хузангая*); 3) дифференцирование близких родственников по возрасту (*братишка – младший брат, брат – старший*); 4) номинация пшеничного и ржаного хлеба в качестве белого и черного; 5) требование об остановке маршрутных такси словом *оставьте*; 6) предпочтение кушать в синонимическом ряду со словом *есть*; на грамматическом уровне: 1) квалификация слова *чуваши* в качестве несклоняемого; 2) использование форм типа *у меня* в притяжательном значении *мой*; 3) выражение нейтральной просьбы частицей *-ка*; 4) оформление вопроса частицей *что ли*.

Список неповторимых черт чебоксарского региолекта шире описанного [5], и специфичные параметры множатся. Указанные единицы, часто повторяясь в речи, позволяют идентифицировать говорящего в качестве жителя г. Чебоксары.

(3) Аксиологические параметры языковой ситуации. Жителями Чебоксар русский язык оценивается как непреходящая ценность. Его стремятся освоить на высоком уровне. Надо полагать, что такой подход обусловлен интересом чувашского населения к русскому языку как к важному средству приобщения к достижениям мировой цивилизации и общения на постсоветском пространстве. Подобное отношение в России обычно не присуще русским регионам: «В новочебоксарской школе, в которой я работала до переезда на юг, русский язык изучался с большим интересом, здесь все по-другому» (Ольга К., 42 года, учитель русского языка).

По большому счету знание русского языка в чувашском восприятии – слагаемая успешной жизни. Стремление к качественному его освоению сводит лингвистические интересы населения к русскому языку и отказу от изучения местных языков: «Не буду читать чувашские слова – акцент появится» (студентка вуза).

Иное отношение к чувашскому языку демонстрируют чебоксарцы – в их оценке это менее престижный язык: «Он говорит по-чувашски?!» (девочка лет десяти, услышав чувашскую речь ребенка дошкольного возраста, с негативной интонацией, при этом сопровождавшая ее женщина со взрослыми говорила по-чувашски); «Не разговаривай со мной на этом языке!» (девушка молодому человеку, обращающемуся к ней по-чувашски).

Среди горожан допускается лояльное отношение к чувашскому языку: «Основной язык – русский, чувашский – запасной» (Денис У., чуваш, 16 лет); «Поехал на отдых на Черное море, понял, что не хватает чувашского языка и начал использовать в своей речи чувашские слова и фразы» (Сергей П., русский, 29 лет).

Важность знания титульного языка в чувашской среде не исключается, однако ответственность за это перекладывается на других: «Как это чувашский язык исчезнет? Это невозможно» (Зоя С., чувашка, 47 лет – при этом ее дети не обучались чувашскому языку).

В среде обрусевших чувашей формируется слой людей, проявляющих лояльность к чувашскому языку, что нетипично для остальной части республики. Так, на формирование положительного отношения направлены проекты общественной организации «Хавал» и школы иностранных языков «Язык для успеха»: международный летний лагерь чувашского языка, фестиваль языков и др.

В связи с усиливающейся концентрацией чувашского населения в столичном регионе и агломерации ответственность за судьбу титульного языка республики в основном ложится на Чебоксары.

Языковая ситуация в г. Чебоксары многокомпонентная, неродственно двуязычная, демографически и коммуникативно неравновесная, диглоссная. Доминирующий язык – русский. Чувашский язык по отношению к нему находится в статусе функциональной дополнительности и нередко служит выполнению символических задач.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-412-210001 p_a.)

Список литературы

1. Алос-и-Фонт Э. Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике. – Чебоксары, 2015. – С. 35–47.
2. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Экстралингвистические факторы функционирования чебоксарского региолекта // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. – Киров, 2018. – С. 49–52.
3. Ерина Т.Н. Фонетические маркеры чебоксарского региолекта // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары, 2018. – С. 40–41.
4. На сессии Госсовета Чувашии депутат выступил на чувашском языке [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://cheboksari.bezformata.com/listnews/deputat-vistupil-na-chuvashskom-yazike/62058829/>.
5. Фомин Э.В., Ерина Т.Н. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2019. – С. 59–61.

10.02.01

С.А. Шатохина, Т.К. Веренич канд. филол. наук, О.В. Вязовикина, В.С. Срмирян

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра русского языка как иностранного,
Красноярск, halafu@list.ru

**АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН-КУРСА «ТВОИ СИБИРСКИЕ КАНИКУЛЫ»)**

Данная статья посвящена попытке обобщения опыта написания текстов игровых видео при разработке онлайн-курса русского языка как иностранного для испаноязычных слушателей. Создание коммуникативно успешного текста для начинающих представляет собой комплексную задачу, для решения которой необходимо адаптировать текст как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Особое внимание уделяется соблюдению баланса между аутентичностью и доступностью.

Ключевые слова: *русский как иностранный, адаптация текста, разработка языкового онлайн курса.*

Специалисты РКИ, разрабатывающие учебные пособия, курсы и иные обучающие ресурсы для иностранных студентов, неизбежно сталкиваются с проблемой адаптации текста под уровень изучающих русский язык. Данной проблеме посвящены различные работы [1, 3], своих трудах учёные подчёркивают необходимость учитывать множество факторов при создании и отборе текстов для учебных материалов. Кандидат педагогических наук, специалист в области РКИ А.В. Коротышев предлагает «матрицу адаптации», в которой эксплицируются ключевые параметры текста и характер их взаимодействия между собой [3, с.79-85]. В данную матрицу входят такие элементы, как информативность текста, его делимость и связность, неизвестная лексика и объем. Учёные А.В. Брыгина и Г.С. Зорина пишут преимущественно об адаптации художественных текстов [2]. Языковую и коммуникативную компетенции адресата они считают главными факторами учёта при адаптации текста, а в самом тексте указывают на значимость его семантического, лексического и грамматического уровней. Они также предлагают систему заданий к текстам, направленную на усвоение и закрепление новой лексики и грамматики, контроль понимания текста. Правильно созданные задания, по мнению авторов, также являются необходимой частью процесса адаптации материалов [2, с. 79-84]. Некоторые специалисты РКИ в своих работах делают акцент не столько на адаптацию, сколько на выбор языкового материала. Так И.Н. Анисимова и О.А. Петрова пишут о преимуществах использования текстов с краеведческим уклоном [1, с. 223-227]. Разными авторами предлагается включение игровых технологий в обучающие тексты [4, с. 39-46], рекламных материалов [5, с. 186-189] и др.

Настоящее исследование берет за основу электронный учебный курс уровня А1 по русскому языку для иностранцев «Твои сибирские каникулы» (<https://online.sfu-kras.ru/enrol/index.php?id=56>). Разработчики курса – преподаватели кафедры РКИ (Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета). Курс состоит из девяти уроков, в каждом из которых помимо теоретической составляющей и заданий на отработку пройденного материала есть игровое видео, отображающее различные жизненные ситуации. Тексты, лежащие в основе этих видео, стали объектом исследования, задачей является определение особенностей адаптации текста для изучающих русский язык как иностранный на уровне А1.

Уровень языковой компетенции является основополагающим фактором в выборе лексического и грамматического наполнения учебного материала, однако для выполнения поставленной задачи обучения «с нуля» наиболее важными аспектами стали необходимость презентации материала с учетом практически полного отсутствия знания русского языка с одной стороны и наполнение видео контентом, обладающим практической значимостью, с другой. Кроме того авторы стремились в каждый видеофрагмент привнести некую долю юмора и в занимательной манере отобразить особенности быта местных жителей. Наличие аудиовизуального ряда позволяет апеллировать к перцептивной обработке текста, которая предполагает прогнозирование обучаемыми значений лексических единиц. Так, обучающее видео к уроку, иллюстрирующее грамматическую тему «Множественное число» представляет собой бытовую ситуацию, в которой представлены муж и жена, жена пришла на несколько минут раньше, в руках нее пакет с продуктами. В свою очередь муж также принес продукты, и они начинают попеременно вынимать продукты из пакетов, называя их. Жена является сторонницей здорового питания, в то время как муж утверждает, что «фрукты и овощи - это не еда». При написании сценария авторы сознательно исключили использование глаголов, поскольку на данном этапе обучения слушатели курса с ними еще не встречались. Приведенная выше ситуация позволяет соблюсти баланс между натуральностью диалогов в условиях отсутствия у обучаемых знаний о русском глаголе и наполненностью эпизода необходимой базовой лексикой.

При адаптации текстов для игровых видео важным является выбор наиболее адекватных лексических единиц из представленного в русском языке синонимического ряда. Кроме того, необходимо соблюсти баланс между информативностью и избыточностью, поскольку способность воспринимать новые слова ограничена, особенно на начальном этапе обучения. Наряду с лексическим уровнем адаптация проходила также на грамматическом и синтаксическом уровнях. Первое игровое видео представляет собой своеобразный коллаж из приветствий и прощаний, представленных в русском языке. По мере появления новых грамматических аспектов в обучающих видеофрагментах курса видео становятся более наполненными, отображая релевантные грамматические конструкции. В качестве иллюстрации можно привести игровое видео «Моя семья», где вводится в оборот ранее изученная конструкция «у меня есть». В данном видео представлен студент по имени Саша, который в формате видеоблога рассказывает нам о своей семье. приведем тестовый отрывок: «Привет, меня зовут Саша! Я студент. И у меня большая семья. У меня есть мама. Её зовут Татьяна. *[смена кадра на маму]* Здравствуйте! Меня зовут Татьяна Борисовна, я журналист. У меня есть компьютер, текст, газеты и журнал. У меня у меня есть муж. Его зовут Михаил. *[смена кадра на папу]* Добрый день! Меня зовут Михаил Николаевич, я инженер. У меня есть проект, карандаши и документы. *[смена кадра на Сашу]* Мои мама и папа - супер! Ещё у меня есть брат. *[смена кадра на брата]* Привет! Меня зовут Сеня. У меня есть мама, её зовут Татьяна...». При написании сценария игрового видео урока, презентующего данные о предложном падеже в значении места, была реализована идея проиллюстрировать грамматическую тему адаптированным прогнозом погоды, что позволило использовать интернационализмы (торнадо, циклон, плюс, минус) и топонимы, а также ввести в оборот числительные. Следующая грамматическая тема - глаголы первого спряжения, и в игровом видео к ней интегрируются как новые грамматические конструкции, так и уже изученные, поскольку данное видео представляет собой интервью, в ходе которого студенты и работники университета отвечают на вопросы о том где они обычно отдыхают и где мечтают отдохнуть. Таким образом в вопросах представлены глаголы, которые были выбраны в качестве иллюстрации парадигмы спряжения глаголов первого типа, а в ответах студенты использовали предложный падеж в значении места. Кроме того подобный формат позволяет продемонстрировать университетские реалии, что указывает на мультимодальный характер подобных игровых видеофрагментов.

Помимо непосредственно языковой адаптации важную роль играют индивидуально-психологические особенности потенциальных слушателей онлайн-курса. Поскольку курс «Твои сибирские каникулы» создавался для испаноговорящих студентов, практически все игровые видео так или иначе связаны с жизнью студентов. В качестве примера можно привести видео «Мой день», где студентка университета просыпается, собирается в университета, посещает лекции и общается с друзьями либо видео, в котором студентка разговаривает по скайпу с бабушкой во время прогулки по городу и университетскому кампусу, показывая достопримечательности и отвечая на вопросы. Высокая степень понимания лексики достигается путем номинации демонстрируемых объектов.

В заключение можно отметить, что адаптация текстов игровых видео под начальный уровень изучения предполагает использование семантических, грамматических и синтаксических методов адаптации. Наличие аудиовизуального ряда позволяет рассчитывать на перцептивную обработку текста, значительно повышая степень понимания.

Список литературы

1. *Анисимова И.Н., Петрова О.А.* О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. – С. 223-227.
2. *Брыгина А.В., Зорина Г.С.* Художественный текст при обучении РКИ студентов-нефилологов на начальном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, издательство Изд-во РУДН (М.), 2010. № 2, – С. 79-84
3. *Коротышев А.В.* «Матрица адаптации» как комплекс приемов для отбора и адаптации художественного текста в аспекте РКИ // Мир русского слова. – СПб.: 2014. — № 1. – С.79-85
4. *Матохина А.В., Харламова Н.В., Шабалина О.А., Куликов Е.А.* Использование игровых образовательных технологий в системе обучения русского как иностранного языка в современном вузе // Открытое образование. Т. 21. № 3. 2017. – С. 39-47.
5. *Могучева И.Г.* Рекламный текст как компонент содержания обучения РКИ в англоязычной аудитории. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. №29 том 9. – СПб., 2007. – С.187-190.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²Н.Е. Горская канд. психол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²Восточно-Сибирский институт экономики и права,
кафедра иностранных языков,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, Natgo2012@yandex.ru, Fedoryuk@rambler.ru

**РОЛЬ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
В ПРОЯВЛЕНИИ ИМЕНЕМ ПРИЗНАКА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье исследуются порядковые числительные английского языка с семантикой их временной перспективы. Выявлена синтаксическая связь имен предметов с порядковыми числительными, которые характеризуют положение объектов этих имен не только в физическом пространстве, но и в временном. Установлено, что порядковое числительное, употребляемое с функциональным именем, указывает на темпоральное положение объекта относительно его предшественников и последователей. Делается вывод, что именные группы темпоральной семантики обладают наиболее широкими возможностями в выражении временных значений, чем это было известно ранее.

Ключевые слова: временная перспектива, порядковые числительные, темпоральная семантика, физическое и временное пространство.

В последнее время внимание лингвистов привлекают особые свойства различных частей речи английского языка, связанные с семантикой их временной перспективы. Это объясняется тем, что время, являясь универсальным понятием, формируя так называемую «модель мира», которая, в свою очередь, позволяет всему человечеству воспринимать действительность и выстраивать образ мира, существующий в его сознании параллельно с пространством. Трактовка понятия «время» всегда зависела от каждого исторического типа культуры, затрагивая не только философские отвлеченно-теоретические проблемы, но и проблемы физики, естествознания, психологии, всего того, что затрагивает реальное существование человека. Рассматривая понятие «время» как форму существования материи, можно говорить о его непрерывности, универсальности, одномерности, бесконечности, однородности, упорядоченности, т.е. как о некоей модели времени, в которой преобладают количественные характеристики событий. Если рассматривать время, как лингвистическое понятие, то в этом случае, время представляет собой отражение модели реального времени в языке, которая обладает качественными характеристиками временных отношений [6]. Следует отметить, что языковое время является сложной и многогранной проблемой; его развитие неоднородно происходило в различных языковых культурах, в связи с чем, появились разные модели интерпретации времени, а также различные средства для его выражения. Временное значение может выражаться не только глагольными средствами, но и другими способами, такими как: существительные, наречия, названия дат, дополнениями, протекающие во времени и др. [2],[4], [5],[7]. Поскольку язык неразрывно связан с поведением человека, то можно считать, что языковое время тесно связано с внеязыковой деятельностью человека, преобразовывая реальный мир человеческого сознания в проецируемый.

Мы разделяем точку зрения О. Дюкро, Т. Тодорова, которые указывают на сложность точного определения понятия «время» в лингвистике. Это связано с тем, что используемые лингвистические средства, посредством которых в морфологии языка даётся описание времени, не соотносится точно с тем временем, которое определяется как «время плана существования». При доказательстве данного вывода, исследователи подчеркивают существование в языке двух совершенно разных лексем *tense* и *time*, при помощи которых, описываются понятия лингвистического времени и времени переживаемого [10]. Данное различие можно объяснить тем, что временное значение может передаваться не только глагольными средствами, но и другими способами, такими как: наречия, названия дат, дополнения, протекающие во времени и др. [1].

В нашем исследовании мы опирались на теорию В.Г. Гака, суть которой состоит в том, что семантическое согласование можно рассматривать как формальное средство организации высказывания [3]. Изучая различные ситуации, их содержание и выражение, ученый приходит к выводу, что любая ситуация состоит из подлежащих обозначению элементов, которым в содержательном плане соответствуют значения (семантемы), а в плане выражения слова – (лексемы). Свойства, которыми обладают элементы ситуации, имеют различительные черты. Рассматривая имена с точки зрения семантической структуры, В.Г. Гак выделяет индивидуальные семы, называя их потенциальными. Например, рассматривая конструкцию Adj + N – *future job*, ученый делает вывод о наличии семантического согласования, которое проявляется тем, что временная сема имеет место одновременно как в прилагательном, так и в имени. Исходя из факта, что некоторые семы прилагательного и имени могут совпадать, мы в своем исследовании применили теорию семантического согласования В.Г. Гака, что позволило нам предположить также наличие темпоральной семы и у порядковых числительных.

Для исследования порядковых числительных в проявлении именем признака временной перспективы нами были использованы данные Корпуса современного американского английского языка [11]. Исследование порядковых числительных в проявлении именем признака временной перспективы позволило выявить синтаксическую связь имен предметов с порядковыми числительными, которые характеризуют положение объектов этих имен не только в физическом пространстве, но и временном. Было установлено, что порядковое числительное, употребляемое с функциональным именем, указывает на темпоральное положение объекта, относительно его предшественников и последователей. Наличие в предложении темпорального обстоятельства, позволяет достаточно точно это определить. Приведём примеры: *John is only the team's third manager since 2012; A second coup that year by Hausa army officers installed a new military regime; Thomas Jefferson takes office as third president of the United States March 4 ...* [11]. Числовой ряд *third manager third president, second coup* указывает на время, что позволяет избежать двусмысленности и имеет качественный оттенок. Из этого следует, что числительные являются важнейшей когнитивной моделью, позволяющей регулировать и организовывать систему человеческих ценностей и жизнь в целом [8].

Рассматривая числительное *first*, мы говорим о начале чего-либо в определенный период времени, указывая на то, что его позиция фиксирована в числовом ряду ср.: *his first love; the first kiss is magic, the second is intimate, the third is routine; first step; first lesson; my first important work* и т.д. Следует отметить, что числительное *first*, как правило, считают абсолютным. Однако, нельзя говорить о том, что место *first* в числовом ряду является неповторимым и единственным. Это связано с тем, что время делится на отрезки времени и циклы, и, поэтому лексема *first* рассматривается с точки зрения начала в определенной временном цикле или отрезке времени, например: *the first day of the year; the first day of the month; the first snow; the first performance of the season*.

Важно отметить, что натуральный числовой ряд распределяется по определенной шкале приоритетов, объединяющей материальный достаток, духовное богатство, социальное положение и т.п. А.Б. Пеньковский, исследуя числительные, приходит к выводу, что не

всегда большая цифра маркирует наибольшую ценность. Такую оценку исследователь назвал тимеологической (оценка по важности) [9], например: *Theodore Roosevelt is the 26th President of the United State u First Lady of the United State as the wife of President Theodore Roosevelt ...*[11]. В традиционной темпоральной модели оценочная шкала представлена наиболее значимыми словами (предки, первопроходцы, пионеры, затем потомки, подражатели и т.п.). Например: *The first people to discover the New World or Western Hemisphere are believed ...* [11].

Таким образом, нами выявлены имена предметов, которые связаны с порядковыми числительными синтаксически. Порядковые числительные определяют позицию референтов этих имен как в пространстве, так и во времени. Анализ исследуемого материала позволяет нам утверждать, что именные группы темпоральной семантики обладают широкими возможностями в выражении временных значений.

Список литературы

1. Баклашкина О.Н. Когнитивная семантика неличных форм английского глагола (причастие и инфинитив): дис. канд. филол. наук. – Пятигорск, 2013. – 120 с.
2. Баребина Н.С., Глызина В.Е., Горская Н.Е. «Человеческий фактор» как научный конструкт в теории аргументации // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 701-709.
3. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Изд-во «Индрик». – 1997. – С. 122-130.
4. Горская Н.Е., Глызина В.Е., Федорюк А.В. Семантический анализ английских имен, обозначающих единицы времени // Казанская наука. – Казань. – Изд-во «Казанский Издательский дом». – 2018. – № 10, С. 77-80.
5. Горская Н.Е., Глызина В.Е. Временная семантика имен лица в английском языке // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 17-19.
6. Семенова О.Ф. Взаимодействие языка и культуры // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. – 2012. – С. 84-87.
7. Костюшкина Г.М. Типология придаточных предложений в пространственно-временном представлении (на материале французского языка) // Филологические науки. – 1991. – № 6. – С. 92.
8. Костюшкина Г.М. В поисках системообразующего механизма в языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2ю (18). – С. 128-133.
9. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – 464 с.
10. Ducrot O., Todorov T. Encyclopedic Dictionary of Sciences of Language. – Oxford: Blackwell. – 1987. – 380 p.
11. Corpus of Contemporary American English. – <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 25.07.2019).

10.02.04

Т.С. Гулевич

Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, tan323@yandex.ru

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СОБЫТИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ГРУППЕ

В статье рассматривается зависимость репрезентации структуры события от семантических и структурных характеристик аргументов глагольного предиката, в частности – предложного компонента. Устанавливаются особенности взаимодействия семантики различных глаголов и их аргументов в описании события.

Ключевые слова: *структура события, аргументная структура глагола, предложная группа, локативный предлог, предельные/непредельные глаголы.*

Глагол является ключевым элементом синтаксической и семантической (или концептуальной) репрезентации событий и состояний, отражая ядерные семантические свойства событий и состояний, фиксированных в предложении, а также содержит всю возможную информацию о характере синтаксических аргументов в их составе [1], [2]. Однако роль аргументов глагола, их семантические характеристики не менее значимы в описании того или иного события [3], хотя на данный момент влияние аргументной структуры глагола на реализацию его семантики не получило должного внимания в теории события.

В статье рассматриваются структурные и семантические характеристики предложных аргументов глагола с локативными предлогами английского языка и их влияние на семантику глагольного предиката.

С точки зрения валентностных характеристик глаголы английского языка могут быть переходными, двупереходными и непереходными. Переходные глаголы имеют две валентности: агентивный субъект и прямое дополнение, которое в схеме события играет роль темы (объекта).

1) *John opened the door.* – Джон открыл дверь.

Двупереходные глаголы имеют агенс в качестве субъекта, прямое дополнение в роли темы (объекта) и еще одно дополнение в роли бенефицианта.

2) *I gave him a key.* – Я дал ему ключ.

3) *I gave the key to John.* – Я дал ключ Джону.

Примеры (2,3) иллюстрируют способность некоторых двупереходных глаголов допускать дательное чередование диатез. Конструкция с двумя переходными дополнениями активирует схему смены обладателя (2), тогда как конструкция с предложным аргументом – схему изменения местоположения (3).

В терминологии З. Вендлера [8] глагольные передикаты, представляющие собой переходные и двупереходные глаголы, актуализуют такие события как достижения (*achievements*) и выполнения (*accomplishments*). Глаголы состояния (*states*) (5) и действия (*activities*) (4) – это непереходные глаголы, необходимым аргументом которых может быть только субъект в роли агенса (с глаголами действия) или экспериенцера (с глаголами состояния):

4) *John walked.* – Джон гулял.

5) *John slept.* – Джон спал.

Особое место среди переходных глаголов занимают глаголы, чья семантика реализуется только в присутствии аргумента, выраженного предложным дополнением – предложного комплемента.

6) *John looked at the cat.* – Джон смотрел на кошку.

7) **John looked.* – *Джон смотрел.

Предложный комплемент глагола объективирует взаимосвязь элементов события, описываемого данным глаголом. В частности, добавление предложного комплемента свидетельствует об изменении аспектного характера глагольной фразы ([4], [5], [8]). В случае с переходными глаголами создания/поглощения (*build, eat, destroy, etc*) характеристики прямого дополнения обуславливают длительность действия, описываемого глаголом, тогда как замена прямого дополнения предложным иллюстрирует неопредельный характер всего события (в литературе это явление получило название «конативное чередование» [6]).

8) *John ate a burger.* – Джон ел/съел бургер.

9) *John ate at a burger.* – Джон поел (немного) бургера.

Конативное чередование невозможно с заведомо предельными и однократными глаголами достижения/выполнения:

10) *John killed a fly.* – Джон убил муху.

11) **John killed at a fly.* – *Джон убил в муху.

Среди английских глаголов есть так называемые семельфактивные глаголы, которые допускают в разных контекстах толкование описываемого ими действия либо как предельного и однократного, либо как неопредельного и представляющего собой серию многократно повторяемых одинаковых действий. Замена прямого дополнения предложным у таких глаголов делает их предельными с однократным толкованием:

11) *John pushed the donkey.* – Джон толкал осла.

12) *John pushed at the donkey.* – Джон толкнул осла.

Следует заметить, что одному и тому же событию, описываемому при помощи глагола неопредельного действия (11), можно придать либо значение однократности (12), либо направленности (13), но не оба значения одновременно (14):

13) *John pushed the donkey into the barn.* – Джон затолкал осла в сарай.

14) **John pushed at the donkey into the barn.* – Джон толкнул осла в сарай. (В русском языке глагол «толкать» такого свойства не имеет, поэтому перевод не отражает семантику английского предложения.)

Особого интереса заслуживает тот факт, что внедрение предложного комплемента может сказаться на валентностных характеристиках глагольного предиката. Так, например, в предложении (15) глагол *dance* одновалентен, а попытка сделать его переходным создает некорректное предложение (16). В примере (17) фактически соединяются в одной конструкции два предложения *John danced* и *John took the girl out of the room*. Такое слияние этих под-событий в одно создает новый переходный глагол.

15) *John danced.* – Джон танцевал.

16) **John danced the girl.* – *Джон танцевал девушку.

17) *John danced the girl out of the room.* – Джон в танце вывел девушку из комнаты.

На первый взгляд, пример (17) противоречит идее о том, что все глаголы движения в английском языке представляют собой либо глаголы с компонентом образа действия (*manner verbs*), либо с семой результата (*result verbs*) и не могут выражать оба значения одновременно. Из этого вытекает разграничение между глагольно-рамочной (*verb-framing*) и сателлитно-рамочной (*satellite-framing*) схемами реализации события [7]. Но, при ближайшем рассмотрении, никакого противоречия здесь нет, поскольку пример (17) объективирует комплексное событие, в котором параллельно происходят два под-события: *Джон танцевал с девушкой*, в котором действие описывается глаголом с компонентом образа действия *dance*, и *Джон двигался с девушкой по направлению выхода из комнаты*, где действие выражается другим предикатом – *move*, а результативность этому действию придает предложная группа *out of the room*, обозначающая предел описываемого действия.

Предложный комплемент способен не только сделать неопредельный глагол с компонентом образа действия предельным глаголом результата, но и существенно изменить его значение (не контекстуально, как в примере 17). Точнее говоря, глагол приобретает потребность в реализации своей семантики при помощи предложного комплемента, когда он утрачивает некоторые компоненты в собственном исходном значении, что наиболее очевидно показывают заимствованные глаголы романского происхождения, такие как *enter* и *exit*, содержащие в своем первоначальном значении векторность и результативность и являющиеся переходными (18, 21):

18) *John entered the room.* – Джон вошел в комнату.

19) *John entered into an agreement with Paul.* – Джон заключил соглашение с Полом.

20) *John entered into a conspiracy.* – Джон вступил в заговор.

21) *John exited the room.* – Джон вышел из комнаты.

22) *John exited from his war service disabled.* – Джон окончил военную службу инвалидом.

23) *John exited from gas business.* – Джон вышел из газового бизнеса (прекратил бизнес в газовой сфере).

В примерах (19- 20) глагол *enter*, несомненно, сохраняет компонент вхождения в некое вместилище, но это пространство можно рассматривать как контейнер только метафорически (*an agreement, a conspiracy*). Глагол *exit* в примерах (22-23) означает выход из вместилища, но военная служба и бизнес очень далеки от прототипического вместилища, в отличие от комнаты в примерах (18) и (21).

Таким образом, расширяясь метафорически, семантика прото-глагола результата приобретает все больше признаков глагола со значением образа действия, в особенности в языке, в котором изначально преобладают последние (каковым и является английский язык) [7]. Тем самым, глаголы типа *enter* и *exit*, постепенно утрачивая компонент результативности в своей семантике, приближаются по значению к глаголам движения с преобладанием компонента образа действия типа *walk*. Этому, в том числе, способствует и первоначальное значение глаголов *enter* и *exit*, когда они обозначают буквальное вхождение в некоторое пространство или выход из него, поскольку в большинстве случаев это пространство представляет собой вместилище типа комнаты или какого-либо здания, куда мы входим пешком. То есть, сам пункт назначения располагает к тому, чтобы глаголы *enter* и *exit* обрастали в человеческом сознании определенными характеристиками движения (действие производится ногами, мы входим в помещение шагом и т.д.).

Приобретая черты глаголов движения, типичные для глагола *walk*, глаголы типа *enter* и *exit* перенимают и характер функционирования, свойственный глаголу *walk*. В частности, из-за утраты семы результативности в своем метафорическом расширении они получают возможность присоединять предложный комплемент со значением цели.

Это позволяет предположить, что в семантике глаголов движения с преобладающим компонентом образа действия не просто отсутствует значение результативности, но и в целом снижена способность к предикции реальности, что и компенсируется сочетанием с дополнительным центром предикации, в виде предложной группы. При ближайшем рассмотрении, типичные глаголы движения (*walk, fly, swim, jump, etc.*) не столько описывают событие, сколько определенным образом характеризуют субъект действия:

24) *Most birds fly.* – Большинство птиц летает.

25) *Birds fly to the south.* – Птицы летят на юг.

26) *Dogs swim.* – Собаки плавают.

27) *Dogs swam to the shore.* – Собаки плыли к берегу.

Примеры (24, 26) описывают способности птиц к полету, а собак – к плаванию соответственно, в то время как примеры (25, 26) иллюстрируют направленное результативное действие.

Предложные группы (*to the south, to the shore*) в примерах (25, 26) не являются комплементами глаголов *fly* и *swim*, они локализуют события, актуализованные данными глаголами. Поэтому предлог направления *to* в этих фразах является полноценным центром

предикации, в отличие от примера (28):

28) *John listened to music.* – Джон слушал музыку.

Комплемент *to music* не локализует событие прослушивания музыки, предлог *to* здесь в некоторой степени десемантизируется, утрачивая способность к предикации и частично передавая векторность глаголу *listen*.

В отсутствие предложного комплемента, непереходный глагол теряет свое первоначальное значение, или наоборот – приобретает новый оттенок в метафорическом расширении:

29) *I asked John to stop smoking a thousand times but he won't listen.* – Я тысячу раз просила Джона бросить курить, но он не слушает.

Глагол *listen* в примере (29) становится синонимичным глаголу *obey* (подчиняться). Другие глаголы чувственного восприятия соотносят источник воздействия на органы чувств, либо с объектом восприятия, если он эксплицирован (30, 31), либо с субъектом, если объект отсутствует (32-33):

30) *John smelled some flowers.* – Джон ощущал запах цветов.

31) *John came closer to smell the flowers.* – Джон подошел поближе, чтобы понюхать цветы.

32) *John smelled of flowers.* – От Джона пахло цветами.

33) *John smelled.* – От Джона пахло (плохо).

Глагол *smell* во всех примерах употреблении объективирует разные виды событий. В примере (30) событие представляет собой перцептивное состояние, в котором Джон является экспериенцером. В примере (31) Джон выступает в роли агенса, совершающего действие, направленное на восприятие объекта, являющегося источником запаха. В примере (32) Джон сам является источником запаха, свойственного другому объекту – цветам. В примере (33) Джон также источает запах, но уже ни с чем, кроме него самого, не ассоциируемый.

Такая перемена значения, связанная с утратой комплемента, свойственна и глаголам других видов. Например, глагол *fumble*, который в первом значении переводится как «нащупывать, шарить» (34):

34) *John fumbled for a lighter in his pockets.* – Джон шарил в карманах в поисках зажигалки.

35) *John fumbled for a lighter.* – Джон на ощупь искал зажигалку.

36) *John fumbled in his pockets.* – Джон пошарил в карманах.

Опущение предложного комплемента *for a lighter* или локативного адъюнкта *in his pockets* существенно не меняет смысл ситуации, а лишь перемещает фокус внимания в ситуации. Глагол *fumble* в этих примерах синонимичен глаголу *search* – *искать*. Другое значение появляется при замене предлога в комплементе:

37) *John fumbled with a lock.* – Джон возился с замком.

38) *John fumbled at a knot.* – Джон безуспешно пытался развязать узел.

В примерах (37, 38) предложные комплементы выступают в роли пациенса, так как обозначают предметы (замок и узел), на изменение состояния которых направлено действие Джона. От первоначального *fumble* здесь остался оттенок неловкости и добавилась сема неуклюжести. Добавление предложного комплемента со значением цели позволяет глаголу *fumble* функционировать в качестве глагола направленного движения с компонентом образа действия (39):

39) *John fumbled towards the door.* – Джон неуклюже (ощупью) пробирался к двери.

В переходной диатезе глагол *fumble* может выступать как глагол речи типа *say*, с компонентом неуверенности и неловкости:

40) *John fumbled excuses.* – Джон пробормotal (промямлил что-то в свое оправдание).

Итак, предложный комплемент глагола играет большую роль в актуализации компонентов события, так как, прежде всего, оформляет аспектный контур события, делая его предельным или непредельным в сочетании с глаголами определенной семантики.

Глаголы движения, в семантике которых заложена результативность действия, не требуют предложного комплемента со значением цели. Однако они могут обраться дополнительными характеристиками образа действия (в связи с семантическими особенностями их аргументов) и утрачивать компонент результативности, что позволяет им функционировать подобно глаголам движения с преобладающим компонентом образа действия и присоединять предложные комплементы.

Глаголы движения с преобладающим компонентом образа действия отличаются от глаголов результата не только отсутствием векторности в их семантике, но и, возможно, сниженной предикативностью, что компенсируется извне, например – предложной группой.

Предлоги во главе предложных комплементов частично десемантизируются и теряют способность к предикированию локуса, что особенно заметно в фиксированном употреблении предлогов с некоторыми глаголами. Расширяясь в семантическом наполнении, глаголы могут переходить в другие семантические классы в своих дополнительных значениях и демонстрировать новые варианты актуализации компонентов события в своей аргументной структуре.

Список литературы

1. Аксельруд Д.А. Об информационной составляющей событий и конфлиции // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 2016. С. 3-10.
2. Аксельруд Д.А. О когнитивно-семантической структуре события // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12-1 (66). С. 56-59.
3. Аксельруд Д.А. К вопросу об актуализации события в английском предложении // Материалы научно-методических чтений ПГУ, 2018. С. 6-10.
4. Dowty, D. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht: Reidel, 1979 – 415p.
5. Jackendoff, R. Semantics and Cognition. Cambridge, Ma.: MIT Press, 1999, – 283 p.
6. Levin, B. English Verb Classes and Alternations. A preliminary investigation. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993 – 340 p.
7. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition. Cognitive Science, 12, (Expanded version published in L. Talmy, Toward a cognitive semantics, vol. I: concept structuring systems. Cambridge: MIT Press, 1985: 49-100/2000: 409-470.
8. Vendler, Z. Verbs and times. Linguistics in philosophy. Ithaca: Cornell University Press, 1967: 97-121.

10.02.04

С.В. Кобызева канд. филол. наук, В.А. Ковшечникова

Башкирский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов,
Уфа, kobyzeva_sveta@mail.ru, iubp_do@mail.ru

**ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ:
ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА КОСВЕННЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ)**

Цель статьи заключается в попытке описать процедуру анализа косвенных средств выражения побудительной модальности с использованием текстов современной англоязычной рекламы. Установлено, что данное модальное значение реализуется с помощью широкого спектра косвенных эксплицитных и косвенных имплицитных средств. Данная процедура может найти широкое применение в процессе изучения текстов различных видов дискурса.

Ключевые слова: побудительная модальность, косвенные эксплицитные средства, косвенные имплицитные средства.

Актуальность настоящей работы обусловлена, главным образом, обращением к проблемам языковой категории модальности. Категория модальности в силу своей междисциплинарной принадлежности обладает сложным и многослойным характером, вследствие чего не перестает привлекать внимание ученых. Круг проблем, находящихся в фокусе современных лингвистических исследований, весьма широк и включает, в частности, такие аспекты ее изучения, как когнитивное структурирование модальной информации [5], лингвокультурологические характеристики [1], текстообразующий потенциал модальности [7].

Кроме того, на данном этапе своего развития лингвистическая наука ориентирована на выявление универсальных семантических категорий, которые бы позволяли описывать принципиально различные системы. К числу таких категорий относится категория модальности как пронизывающая не только все уровни языковой системы, но и характеризующая все речевые произведения [7, 3]. И в этом плане небезынтересно провести исследование данной языковой категории сквозь призму ее функционирования в текстах современной рекламы, ибо последняя давно «переросла» узкие рамки информационной функции. Преследуя маркетинговые цели, современная реклама создает благоприятный образ рекламируемых товаров и услуг, формирует о них позитивное общественное мнение. Так, с лингвистической точки зрения представляется возможным говорить о рекламном тексте как специфической коммуникативной единице языка, которая призвана выполнять ряд определенных функций: информационную, оценочную и побудительную [2, 46-47]. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ косвенных средств выражения побудительного модального значения. Материалом для анализа послужили объявления из американских и английских журналов (*BBC Countryfile, Dorset Life* и др.) за 2015-2016г. Полагаем, что данная процедура может быть также успешно использована в ходе изучения текстов иных видов дискурса.

Прежде всего, считаем необходимым напомнить, что под косвенной реализацией побудительной модальности подразумевается использование некатегориальных лингвистических средств, т.е. таких языковых единиц, которые позволяют избежать прямой номинации побудительности с тем, «чтобы не сигнализировать адресату об истинном интенциональном состоянии адресанта» [6, 18]. Косвенные средства, в свою очередь, подразделяются на эксплицитные и имплицитные.

Косвенные эксплицитные средства позволяют адресанту избежать прямого побуждения адресата к совершению того или иного действия, но вместе с тем, передают данную интенцию так же четко и однозначно, как если бы это было выражено с помощью категориальных языковых средств.

В текстах современной англоязычной рекламы данная подгруппа с наибольшей регулярностью представлена *повествовательными предложениями с глагольными предикатами*, передающими различные интенции субъекта речи: желание, совет, предложение, побуждение.

Е.g. (1) We want to see your snaps. Send your countryside images to ... (BBC Countryfile 2016, 9)

(2) You are encouraged to report negative side effects of prescription drugs to the FDA (National Geographic 2015, 6).

Так, побуждение, представленное в данных высказываниях, передает различное интенциональное состояние субъекта речи. В примере (1) передается желательность относительно реализации каузируемого действия (*want* – 1. to have a desire or a wish for something [9]). В последнем рекламном объявлении (2) говорящий настоятельно побуждает адресата к действию (*encourage* – 2. to persuade somebody to do something by making it easier for them and making them believe it is a good thing to do [9]).

Рассмотрим пример (3) All women welcome; small, friendly groups; easy to come alone or with friends; weekends and longer breaks available. We organize, you just turn up! (Financial Times, 2016, 8/1)

Побуждение, содержащееся в данном рекламном сообщении, имеет мягкий и ненавязчивый характер, что достигается благодаря всем входящим в его состав глагольным предикатам. Так, глагол *welcome* осторожно выражает побуждение, главным образом за счет того, что передает благожелательное отношение к целевой аудитории (*welcome* – 1. to greet someone in a polite and friendly way when they have come to see you or to help you [8]). Категоричность побуждения снижается и благодаря глаголу *to turn* в форме изъявительного наклонения (ср. другое *Turn up!*), который, тем не менее, совершенно однозначно определяет необходимый ход действий, хорошо понятный адресату (*you turn up*).

Достаточно часто побудительная интенция манифестируется с помощью всевозможных повествовательных предложений, в состав которых входят аналитические конструкции *it's time to do smth, to be worth smth/doing smth, it pays to do* а также такие сочетания как *with your help, with your support, with your call, without your support/assistance* и другие.

Е.g. (4) Our critical nonprofit work in conservation, exploration, education, and cultural preservation would not be possible without your investment. Together we are making a powerful difference (National Geographic 2015, 6)

Итак, в образце (4) языковые средства *without your investment, together* позволяют намекнуть на целесообразность партнерских отношений, и тем самым осторожно подвести потенциального клиента к приобретению рекламируемого товара/услуги.

К числу косвенных эксплицитных средств также относятся *повествовательные предложения с модальными глаголами*, выражающими различные модальные значения, главным образом значение возможности, долженствования и необходимости.

Е.g. (5) If you are looking for a memorable, fun day out for the whole family in Herefordshire then Ralph Court Gardens should be top of your list (BBC Countryfile 2016, 9).

Совершенно очевидно, что высказывание (5) характеризуется меньшей интенсивностью волеизъявления, чем, к примеру, полное побудительное высказывание '*Choose Ralph Court Gardens for a memorable, fun day out for the whole family*', что способствует более осторожному формированию мнения потенциального потребителя в нужном направлении.

Итак, если при использовании косвенных эксплицитных средств неопределенности фактически не существует, поскольку волеизъявление, направленное адресантом адресату, понятно им обоим, то в случае с употреблением косвенных имплицитных средств неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата и не присуща

интенциональному состоянию адресанта. Последний делает вид, что никакого побуждения нет [6, 18]. К числу данных средств, таким образом, можно отнести самые различные «квазипобудительные» конструкции, под которыми понимаются языковые единицы, обладающие иным «собственным» значением, но способные передавать императивное смысловое содержание в условиях определенной коммуникативной ситуации [2, 158]. К «квазипобудительным» конструкциям можно отнести *оценочные высказывания*.

E.g. (6) ... takes you on dozen of thrilling journeys into the countryside every issue, through thought-provoking features and guided walks into enchanted landscapes. With stunning photography and the finest line-up of rural writers in the land, it's your monthly escape into rural bliss (BBC Countryfile 2016, 9).

Очевидно, что текст нацелен на то, чтобы побудить читателя к приобретению рекламируемого товара. При этом побуждение в данном случае реализуется именно за счет положительной характеристики продукта, которая формируется здесь посредством языковых единиц оценочной семантики. Текст буквально пропитан словами, в структуре лексического значения которых содержатся положительно окрашенные семы и семы интенсификации (*thrilling* – 1. exciting and enjoyable; *enchanted* – 1. attractive and pleasing; *stunning* – 1. extremely attractive or impressive; *fine* – 1. of high quality, good; *bliss* – 1. extreme happiness [9]).

Созданию положительной характеристики товара способствуют и часто используемые в рекламе ссылки на различные прецедентные явления. Благодаря своей способности производить определенный эмоционально-образный эффект данные средства стимулируют интерес, желание адресата приобрести рекламируемый товар или, выражаясь лингвистическим языком, имплицитно служат реализации побудительной модальности.

(7) Meet the Beauty in the Beast. Discover this spectacular 6½-carat green treasure from Mount St. Helens! (National Geographic 2015, 3).

Проанализируем пример (7). Описание ювелирного изделия в данной рекламе сопровождается ярко выраженной положительной оценкой, которая формируется не только с помощью оценочного оператора (*spectacular* – 1. extremely impressive [8]), но и в значительной степени благодаря тем положительным ассоциациям и коннотациям, которые пробуждает ссылка на всем известный фильм «Красавица и чудовище» («The Beauty and the Beast»). То, безусловно, позитивное отношение, которое сложилось у большинства людей к данному произведению, автоматически иррадирует и на рекламируемый продукт.

Полагаем, что «квазипобудительными» могут считаться и *вопросительные высказывания*, поскольку вопрос всегда больше нагружен в эмоциональном плане. Так, спецификой вопросительных предложений в рамках англоязычной рекламы является выдвижение на первый план не основной их функции, т.е. запроса определенной информации, а второстепенной – передачи информации или побуждения к действию [3, 12]. Использование в тексте вопросительных предложений имеет своей целью привлечение внимания реципиента, вовлечение его в размышления над прочитанной информацией, создание атмосферы непринужденной беседы с адресатом, а также на усиление выразительности и выделение наиболее важных компонентов сообщения [3, 12].

E.g. (8) Which would you choose? <...> Moscow or Paris? Both were close contenders, but the yellow tones of the Moscow cover won us over. Do you like the cover we chose? Or do you prefer the alternate? Share your thoughts; did we make the right choice? (Global Traveler 2016, 9).

Итак, данный пример привлекает внимание тем, что содержащаяся в нем информация облечена в вопросительную форму, благодаря чему удается создать атмосферу непринужденного диалога. Адресат как бы становится активным собеседником, от него ждут реакции на казулируемое действие. Таким образом, вопросительные предложения наиболее эффективно воздействуют на потенциального клиента в эмоционально-психологическом плане и тем самым побуждают его к сотрудничеству.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод. Побудительное модальное значение в текстах англоязычной печатной рекламы реализуется с помощью широкого спектра косвенных средств. Достаточно часто интенсивность побуждения

снижается или, наоборот, усиливается за счет использования различных лексических и лексико-грамматических средств, а также благодаря средствам экспрессивного синтаксиса. Локализуясь по всему тексту, средства выражения побуждения подкрепляют и усиливают действие друг друга, обнаруживая при этом целенаправленный, активный характер субъективной установки адресанта, направленной на то, чтобы побудить адресата предпринять соответствующее действие в интересах адресанта.

Список литературы

1. Антонова Л.В. Лингвокультурологический анализ модальности возможности (на материале современного английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 161 с.
2. Кобызева С.В. Реализация модальности в рекламном тексте (на материале современного англ. яз.): Дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2012. – 199 с.
3. Корablева Е.А. Экспрессивные синтаксические средства создания рекламного текста на английском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 24 с.
4. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 40 с.
5. Мухтаруллина А.Р. Когнитивное структурирование модальной информации текста короткого рассказа // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 198-222.
6. Неустроев К.С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
7. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. – СПб, 2003. – 296 с.
8. Macmillan – Macmillan Dictionary Online. – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 20.08.19).
9. Oxford – Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: <http://www.oxfordadvancedlearnersdictionary.com> (дата обращения 20.08.19).

10.02.04

¹Л.З. Самигуллина канд. филол. наук, ²Р.А. Гарифуллин, ²Е.А. Ганиева¹ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
филиал в г. Октябрьский,²ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»,
sliliyaz@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ

В работе представлены основные грамматические трудности, характерные для научно-технических текстов нефтегазовой направленности и способы переводческих трансформаций для адекватной передачи содержания иноязычного текста.

Ключевые слова: *грамматические трудности, нефтегазовая терминология, перевод, переводческие трансформации.*

Характерными особенностями специальных текстов являются его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность, ясность и понятность.

По мнению М.В. Рябовой [2, с.172], одна из трудностей при переводе заключается в неправильном понимании контекста, коммуникативном разрыве, вызванном громоздкостью синтаксических структур оригинала. Однако неизменным требованием к текстам научного стиля является чёткость и ясность изложения, которая может достигаться простотой изложения, содержания научных трудов, способствующей более легкому пониманию научных текстов. Целью настоящего исследования является определение наиболее значительных грамматических трудностей, возникающих в процессе перевода научных и технических текстов с английского языка на русский и наоборот, и предложение эффективных способов их передачи.

Существуют также грамматические различия между текстами, написанными на разных языках, вызванные особенностями грамматической структуры языка, нормами и традициями письменного научного изложения. Следовательно, обязательным требованием к адекватному переводу является анализ грамматической структуры английского предложения, правильное определение трудностей перевода и построение предложений в переводном тексте в соответствии с языковыми нормами и жанром перевода.

Наиболее важным аспектом деятельности переводчика является знание предмета перевода, поскольку переводчик должен обладать достаточными знаниями в той области науки, которой принадлежит переводимый текст. При переводе нужно правильно понимать значение предложений, смысловые отношения между предложениями, а также значение метатекстовых элементов, присутствующих в структуре текста. В данном аспекте можно выделить ряд грамматических проблем, возникающих при научно-техническом переводе текстов нефтегазовой направленности: 1) трудности, связанные с неправильным пониманием синтаксической структуры и морфологической композиции предложения; 2) трудности, связанные с разным объемом содержания аналогичных форм и конструкций в двух языках; 3) трудности, связанные с грамматическими особенностями языка исходного текста, функциональные характеристики которого не совпадают с грамматическими характеристиками в языке перевода. Так, некоторые конкретные формы существительных могут не совпадать (например, некоторые английские существительные употребляются только в единственном числе, но могут переводиться как в единственном, так и во множественном числе); 4) трудности, связанные с различной частотностью грамматических явлений в англо- и русскоязычной научно-технической литературе. Например, частотность

форм пассивного залога в английском языке значительно выше, чем в русском, поэтому их часто приходится заменять формами активного залога при переводе; 5) трудности, связанные с омонимичностью грамматических форм и конструкций (например, глагол *do* может быть использован и как вспомогательный глагол, и в значении глагола, употреблённого ранее, и как смысловой глагол); 6) трудности, связанные с особенностями выражения частей предложения на обоих языках, прежде всего субъекта и предиката. Например, в английском есть так называемые «формальный субъект» и «формальный объект», которые невозможны в структуре русского предложения.

Грамматические преобразования, к которым приходится прибегать в процессе перевода, обусловлены многими факторами. В частности, причинами этих преобразований являются: 1) различия в способах представления информации в английских и русских предложениях: понятия, представленные лексическими средствами в одном языке, выражаются грамматическими средствами в другом. Например, приоритет одного действия перед другим в прошлом выражается на английском языке формой глагола-предиката в Past Perfect, тогда как в русском языке данное значение передаётся словами или словосочетаниями («ранее», «перед этим», «до этого» и др.); 2) отсутствие определенных грамматических явлений в одном из языков. Так, в русском языке отсутствуют артикли, герундиальная форма глагола, формальный объект, а в английском языке отсутствуют формы рода имён существительных и прилагательных, падежные формы числительных и т. д.; 3) необязательность грамматической информации, выражающейся в одном из языков (например, в русском информация о том, что действие происходит в момент говорения, не выражена грамматически, тогда как в английском языке она реализуется через форму времени Present Continuous); 4) различия в структурном представлении содержания предложения (например, в английском языке информация об объекте может быть выражена субъектным инфинитивным оборотом); 5) особенности комбинаторной способности и функционирования слов в словосочетаниях и предложениях.

Переводческие грамматические трансформации рассматриваются как изменение грамматических характеристик слова, словосочетания или предложения при переводе. Различают пять основных типов грамматических трансформаций: перестановка (переупорядочение), подстановка (замена), сложение, пропуск и сложное преобразование.

Перестановка – это грамматическое преобразование, вызывающее изменения в порядке слов в словосочетании или в предложении. Например, в русском предложении связующее слово «однако» обычно помещается в начале предложения, тогда как в английском предложении его эквивалент “however” может быть помещен в и в середине, и в конце предложения; Атрибутивное существительное в английском языке может быть помещено в перед главным существительным (*petroleum production*), в то время как в русском языке атрибутивное существительное обычно помещается после основного существительного (добыча нефти) [1, С. 159].

Перестановки часто сопровождаются другой грамматической трансформацией, а именно заменой, которая вызывает изменения в грамматических особенностях форм слова (например, вместо формы единственного числа, при переводе используется форма множественного числа), части речи (например, инфинитив заменяется именем существительным), части предложения (например, объект становится субъектом при переводе), предложение (например, простое предложение превращается в сложное и наоборот): *Much work has been done on the problem – В этом направлении проделана большая работа. A little offshoot might be a blockade to stop the test wells. – Небольшое ответвление может стать препятствием для остановки испытательных скважин.*

Кроме того, в процессе перевода зачастую производится замена слов словосочетаниями, словосочетаний – предложениями, серии предложений – одним сложным предложением и наоборот.

Лексическое дополнение – это грамматическое преобразование, благодаря которому увеличивается количество слов, словоформ или частей предложения в переводе [3, С. 960].

Например, в следующих переводах словоформы *applications* и *introduces* переводятся посредством объединения двух слов: *There are many different applications of this material.* – *Этот материал применяется в различных областях.* *The mutual effect introduces a complex change.* – *Перекрестное воздействие приводит к появлению комплексных поправок.*

Опущение – это грамматическое преобразование, когда в переводе опускается определенный элемент языка (часто это слово представляет собой плеонастическое слово, словоформу, член предложения или часть предложения). Например, *Drilling this hole is a very difficult problem to tackle.* – *Бурение этой скважины представляет собой проблему.*

Сложное грамматическое преобразование включает в себя два или более простых грамматических преобразования, например, когда в процессе перевода перестановка и сложение выполняются одновременно, например, *The motor was found to stop within 2 seconds.* – *Оказалось, что электромотор останавливается в течение двух секунд.*

Поскольку грамматика тесно связана со словарем, большинство переводческих трансформаций имеют смешанную природу, то есть при переводе происходят одновременные лексические и грамматические изменения. Этот тип лексико-грамматических преобразований называется смешанными трансформациями и включает в себя все вышеупомянутые грамматические преобразования, а также различные лексические преобразования (обобщение, спецификация, контекстное замещение и т. д.). Например, следующий перевод включает в себя замену герундия на существительное, формы единственного числа существительного *research* формой множественного числа существительного *исследования*, а также лексические преобразования: контекстная замена наречий *heavily* на «широко», предлога *in* на предлог «при»: *In identifying these features, we relied heavily on previous research.* – *При определении этих черт мы в значительной степени опирались на предыдущие исследования.*

Навыки и умение выполнять переводческие трансформации являются важным компонентом компетенции переводчика, поэтому большое внимание следует уделять их обучению и правильному применению. Переводческие трансформации должны быть направлены на адекватное отображение смысла информации оригинала с учетом норм языка перевода.

Список литературы

1. Пономарчук М.В. Особенности и сложности перевода англоязычных текстов в нефтяной промышленности /М.В. Пономарчук // Язык науки и техники в современном мире Материалы IV Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 158-160.
2. Рябова М.В. Проблема лингвокультурного анализа текстов оригинала и перевода. / М.В. Рябова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 – С. 170-174.
3. Самигуллина Л.З. Лексическое наполнение профессионального дискурса специалиста нефтегазовой отрасли / Л.З. Самигуллина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 2. – С. 959-962.

10.02.04

М.Ю. Сейранян д-р филол. наук

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, margo.seiranyan@yandex.ru

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТОГЕНА В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования фонетических сигналов конфликтных намерений говорящего и слушающего, в частности уровня голосового тона, скорости, громкости, тембре (как в сочетании с другими вербальными средствами общения, так и изолированно). Выявлено, что просодические характеристики и их различные комбинации выступают в качестве маркера конфликтного взаимодействия, и в качестве конфликтогена, провоцирующего изменения гармоничной стиль общения на конфронтацию.

Ключевые слова: *просодический конфликтоген, конфликтный дискурс, контекстуализация, просодическая характеристика, коммуникативная компетенция.*

В конфликтном дискурсе просодический компонент взаимодействия выступает в двух ракурсах: как маркер конфликтных установок и намерений коммуникантов и как конфликтоген – средство эскалации конфликта. Просодические характеристики конфликтного дискурса, с одной стороны, обусловлены актуальным и глобальным контекстом взаимодействия, с другой стороны, создают новый контекст, маркируя реальные конфронтативные намерения участников взаимодействия. Под просодическим конфликтогеном мы понимаем просодическую характеристику речи, провоцирующую возникновение и эскалацию конфликта.

Следует подчеркнуть, что комплексное исследование просодической реализации поверхностных и глубинных смыслов через призму актуального и глобального контекста позволяет представить просодический компонент дискурса как маркер существующего контекста и как фактор формирования нового контекста. Именно такой подход к просодии лежит в основе конверсационной фонетики, совмещающей методологию и методики анализа теории контекстуализации и конверсационного анализа [Couper-Kuhlen, 2011, 2012, 2014; Local, 1986, 2005 и др.]. Продуктивность и востребованность данного направления объясняется тем, что изучение просодии как связующего звена между широким контекстом и реальным актом коммуникации (метапрагматического средства в терминологии Couper-Kuhlen, 1996), позволяет получить полное представление о роли просодии в понимании и «интерпретации мира в речевом взаимодействии» [Кодзасов, 2009, с. 8]. Более того, в основе конверсационного направления учитываются релевантные для комплексного анализа динамики конфликтного дискурса экстралингвистические (социокультурные, прагматические, историко-культурные и др.) параметры взаимодействия.

Динамика конфликтного дискурса, безусловно, определяется спецификой мены ролей коммуникантов, взаимозависимостью реплики-стимула и реплики-реакции, взаимодействием двух и более «контекстуальных систем» в рамках одного речевого акта. Контекстуально обусловленная вариативность просодической структуры конфликта передает не только лингвистическую информацию, но и сообщает актуальные для взаимодействия сведения прагматического, социокультурного, национального характера. Например, сведения о личных качествах говорящего, как встроенные характеристики (пол, возраст и т.д.), так и окказиональные, связанные с физическим и эмоциональным состоянием [Кодзасов, 2009, с. 415].

Следует отметить, что сопоставительный анализ выявил схожесть просодических характеристик, которые выполняют роль маркера конфликта в совокупности с лексико-синтаксическими средствами, и роль конфликтогена, что является подтверждением существования определенного набора параметров, выполняющих конфликтогенную функцию, провоцирующих конфликт в отсутствии других вербальных средств-конфликтогенов.

Известно, что в основе речевого поведения участника дебатов лежит манипуляция – скрытое воздействие на адресата. Одним из ключевых маркеров подобного поведения является, выявленная на прагматико- дискурсивном этапе анализа «интенциональная двуплановость» стратегий, подкрепленная двусторонней адресацией. Например, использование уступки, компромисса, консолидации с оппонентом в актуальном контексте дискурса расцениваются как проявление амфиболии – намеренной двусмысленности, направленной, прежде всего, на усиление своей позиции и получение выгоды. Уклончивый перевод обсуждения в другую область (эквивокация) и контрастирование, подмена реальных фактов вымыслом также являются эффективным способом «занижения» имиджа оппонента, увеличения дистанции между «своими» и «чужими». Эти и другие виды манипуляции способствуют управлению человеческим поведением посредством слова. Развивая эту точку зрения, можно говорить о управлении человеческим поведением посредством просодии. Основные просодические характеристики, усиливающие манипулятивный компонент высказывания, могут быть приравнены конфликтогенам. Ключевыми в данном случае являются нисходяще-восходящий тон (Fall-Rise) и ступенчатая шкала (Stepping Head). Помимо этого, ключевую роль как просодического конфликтогена играет эмфатическое выделение центра высказывания эмфатической паузой и растягивании гласных в каждом ударном элементе высказывания.

Данное наблюдение подтверждается рядом примеров:

But[→] isn't it im[↓] portant to unders[↓] tand[↓] that[↓] once[↓] |the[→] talks are[↓] over[↓]|[→] Britain will still be[↓] |left[↓]| with the[→] most ap[↓] |palling[↓]|[→] public fi[↓] |nances[↓]|| We are[→] spending[↓] |four /pounds[↓]| for[→] every[↓] |three[↓]| we[↓] |raise[↓]||

And[↓] don't these[↓] |difficult[↓] |circumstances[↓]|> teach us[↓] |one very im[↓] |portant[↓] |lesson[↓] ||we should[↓] |never leave[↓] | Britain this ex[↓] |posed a[↓] gain[↓]||

Фокусная позиция элементов высказывания *over, left, appalling, finances, circumstances, teach, lesson, never* и т.д. создает у аудитории впечатление о критической ситуации (расходы превышают доходы), выход из которой может предложить только партия, к которой принадлежит оратор.

В ходе анализа была выявлена высокая эффективность вариативности громкости и скорости. Просодическое контрастирование фрагментов высказывания усиливает конфликтную тональность дискурса, и одновременно является средством манипуляции действиями оппонента и аудитории. Подобная динамика наиболее ярко проявляется при реализации повторов и параллельных конструкций. Например,

It is the Prime Minister[↓] | who is supposed to be undertaking the negotiations[↓] |
[accelerando]

It is the Prime Minister[↓] | who has failed to bring an acceptable deal back[↓]||
[accelerando]

If she does not like doing it[↓] | then step aside and let somebody else do it.[↓]||
[rallentando]

Полученные в ходе анализа данные подтверждают, что потенциальным конфликтогеном является манипуляция посредством просодии. Высокий уровень коммуникативной компетенции участников дебатов, их осведомленность о ключевых правилах и способах вербализации «борьбы за власть» позволяют коммуникантам распознавать манипулятивный

характер поведения оппонента. Естественной и закономерной реакцией на подобный «стимул» является конфронтация.

*It is like the → captain of the Ti /tanic| >saying| “\Let me com|mand the \lifeboats.” || It is like
→ Robert \Maxwell| >saying| “\Let me rein|vest your \pension.” || It is like
→ Richard \Nixon| >saying| “\ I'm the \man to \clean up \politics.” || \Does the \Prime
\Minister| \really ex|pect the \British \people| to →turn \round and \say”| \Thank you| for
→ nearly \bankrupting the e\conomy?”|||*

Просодическое оформление данных высказываний расценивается как просодический конфликтоген. Иными словами, то, что в другом дискурсе будет воспринято как обычная насмешка, ирония, в условиях конфликта используется как способ вывести оппонента из равновесия, как средство манипуляции поведением электората за счет намеренного нанесения вреда «позитивному» имиджу «своего» избранника.

На этапе электроакустического анализа конфликтного дискурса с использованием специализированных программ для анализа речи *Praat* (v. 5.2.12) и *Speech Analyzer* (v. 3.0.1.), мы обнаружили, что усиление конфликтогенности осуществляется, как правило, за счет вариативности мелодического контура предъядерной части нефинальной и финальной синтагм. Так, интонационные группы, содержащие основную фразу, оформлены постепенно нисходящей шкалой, интонационные группы, содержащие фразы-повторы, – ступенчатой. Очевидно, что ступенчатая шкала обладает большим, по сравнению с постепенно нисходящей шкалой, прагматическим потенциалом, что обуславливает ее использование именно в финальной синтагме – для усиления эффекта воздействия на оппонента. Безусловно, функция ступенчатой шкалы не ограничивается только оказанием воздействия на оппонента. Подобный мелодический контур усиливает действие любой конфликтной (актуальной для хода дискуссии) стратегии говорящего, например, обличения, дискредитации, навешивания ярлыков и т.д.

Кроме того, наблюдается тенденция усиления конфликтной коннотации за счет эмфатической паузы (250–300 мс), маркирующей повтор на фоне остального высказывания, регламентированного сверхкраткими паузами (50–70 мс).

Исследование локализации пиковых значений ЧОТ в интонационных группах показало, что в просодических конфликтогенах пик ЧОТ в 80% случаев совпадает с ядром, а в 20% – с первым ударным слогом. При усилении конфликтности высказывания пик ЧОТ совпадает с ядром в 65% и с первым ударным слогом – в 35%.

Было установлено, что расширение тонального диапазона происходит в 75% случаев за счет повышения верхнего предела и в 25% за счет понижения нижнего предела при отсутствии лексико-грамматических конфликтогенов. При наличии лексико-грамматических конфликтогенов расширение тонального диапазона достигается за счет повышения верхнего предела в 55% исследовательского материала и в 45% за счет понижения низкого предела.

Процентное соотношение громкости при отсутствии лексико-грамматических конфликтогенов составляет: сверхвысокая – 30%, высокая – 45%, умеренная – 25%. Когда просодия усиливает действие лексико-грамматических конфликтогенов, превалирует умеренная громкость – 50% исследовательского материала; в 35% зафиксирована высокая громкость, а сверхвысокая – в 15% исследовательского корпуса.

Темпоральные характеристики – конфликтогены распределились следующим образом: в 40% случаев наблюдается сверхвысокая скорость, в 35% случаев – высокая, и в 25% случаев отмечается вариативность от умеренной до медленной. В фрагментах, конфликтность которых реализуется совокупностью просодических и лексико-грамматическими средств, частотной является умеренно высокая скорость – 45% исследовательского корпуса, относительно высокой частотностью употребления отличается умеренная скорость – 35%. В остальных случаях – 20% исследуемого материала – наблюдается медленная скорость.

Следует отметить, что проводимое сопоставление просодических маркеров и просодических конфликтогенов позволило выявить, что наиболее значимым в формировании конфликтной тональности, эскалации конфликта являются тональные характеристики, в частности ЧОТ и скорость изменения ЧОТ. Относительно высокой частотностью в эскалации конфликта отличаются изменения скорости и длительности пауз.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены основные просодические средства реализации стратегий участников конфликта и установлен конфликтогенный потенциал просодии. Значимыми представляются результаты анализа, демонстрирующие роль просодии в дифференциации двуплановых стратегий и реализации истинной, скрытой в подтексте, иллюкуции. Результаты аудиторского и акустического анализа доказывают, что просодические единицы языка являются метапрагматическим ресурсом, связующим экстралингвистический контекст порождения и восприятия дискурса и актуальное речевое поведение коммуникантов. На данном этапе анализа можно сделать вывод о том, что просодия в конфликтном дискурсе является:

- маркером стратегического замысла говорящего (в совокупности с лексико-грамматическим компонентом), обусловленного оппозиционностью взаимодействия с оппонентом;

- средством манипуляции поведением оппонента и аудитории;

- конфликтогеном, провоцирующим и усиливающим оппозиционность взаимодействия и конфликта коммуникантов в целом.

Таким образом, комплексный дискурсивный подход к изучению просодического компонента конфликтного дискурса позволяет проследить многообразие просодических параметров, вариативности и уникальности просодических единиц, формирующих новый, конфликтный контекст порождения и восприятия дискурса. Просодический конфликтоген является неотъемлемым компонентом реализации конфликтогенной функции просодии.

Список литературы

1. *Couper-Kuhlen, E. Prosody in Interaction* – John Benjamins Publishing, 2010. – 406 p.
2. *Couper-Kuhlen, E. Studies in Interactional Linguistics* / E. Couper and M. Selting. – Amsterdam/Philadelphia, 2001. – p.10
3. *Couper-Kuhlen, E. Prosody in Conversation: Interactional Studies* . – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 484 p.
4. *Local, J. Variable Domains and Variable Relevance: Interpreting Phonetic exponents* / J. Local // *Journal of Phonetics*. – 2003. – Vol. 31. Pp.321-339
5. *Кодзасов, С.В. Исследования в области русской просодии*. – М: Языки славянских культур. – 2009. – с.8.
6. *Кодзасов, С.В. Исследования в области русской просодии*. – М: Языки славянских культур. – 2009. – с.415.

10.02.04

¹Е.В. Сивакова канд. филол. наук, ¹В.П. Осадчая канд. филол. наук,
²М.В. Репина канд. педагог. наук

¹ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков,

²ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, helen.krasnodar@mail.ru, RepinaMarina@yandex.ru

ЗНАЧИМОСТЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Авторами даётся определение понятия «медиаобразование» и выделяются неотъемлемые компоненты, составляющие данное понятие: фотография, кино, телевидение, реклама, новости, популярная музыка и Интернет. Описывая каждую составляющую, авторы делают акцент на необходимости вдумчиво, сосредоточенно, критически, с извлечением максимально позитивной и необходимой информации подходить к изучению и использованию медиакомпонентов, прежде всего, на английском языке. Резюмируя описания каждой составляющей, авторы приводят полезные ссылки из Интернета, опираясь на которые каждый заинтересованный студент может найти для себя именно то, что будет способствовать лучшему усвоению изученного материала.

Ключевые слова: медиаобразование, Интернет, информация, аутентичная медиа среда, английский язык.

Медиаобразование (media education) сегодня является одним из наиболее быстро развивающихся направлений в сфере образования во всем мире. Данная статья посвящена обобщению наиболее значимых составляющих данного процесса применительно к английскому языку, как иностранному на всех уровнях обучения.

Студенты, изучающие английский язык, должны осваивать его основные правила фонетики, грамматики, лексики не просто ради правильного выполнения контрольного теста в конце семестра, а прежде всего, для возможной коммуникации. Возникает вопрос, как же сделать этот процесс более доступным. Безусловно, лучшим способом было бы вывести студентов за рамки учебников и погрузить языковую среду, что, однако, в конкретной ситуации является не возможным.

В связи с этим, для интенсификации процесса обучения, преподавателям все чаще и активнее приходится пользоваться средствами массовой коммуникации. Наряду с использованием радио, телевидения, газет, журналов, возникла необходимость прибегнуть к использованию Интернета, как одного из последних, стремительно развивающихся достижений человечества. Студенты проводят большое количество времени, посещая различные сайты, общаясь в социальных сетях, слушая музыку, читая новости, но, к сожалению, большинство из них не пользуются английским языком, осуществляя поиск необходимой для них информации или общаясь на просторах Интернета.

В последнее время появилось понятие «медийной грамотности», т.е. способности «изучать», «писать», «скачивать» аудиовизуальные материалы наряду с умением распечатывать тексты с различных веб-сайтов. Аргументация в пользу медиаобразования с использованием аутентичных англоязычных материалов заключается в том, что, отталкиваясь от опыта студентов, перманентно находящихся в виртуальной среде, мы постепенно погружаем их в специфику работы средств массовой информации.

В этой связи уместно процитировать профессора Криса Уорснопа, который ещё в конце 20-го столетия говорил своим студентам о необходимости развивать «критическое понимание того, как работают средства массовой информации, как мы с ними взаимодействуем и как мы можем максимально их использовать» [1].

Разбирая составляющие медиаобразования, в первую очередь, мы остановимся на фотографии, так как именно фотографический снимок стал первым средством массовой информации, благодаря которому стало возможным просматривать изображение людей, событий, мест. На сегодняшний день фотография активно используется в газетах, книгах, журналах и является одним из главных компонентов новостей и ключевым элементом визуальных медиа, что можно использовать для анализа аудиовизуальных медиатекстов.

Преподаватели уже давно используют кинофильмы в учебной практике. Однако долгое время этот вид деятельности носил второстепенный характер. В концепции медиаобразования использованию кинофильмов отводится важная роль, так как фильм как медиатекст становится объектом изучения. Важно, чтобы учащиеся после просмотра могли не только пересказать сюжет фильма, но и проанализировать его форму. Важными навыками является умение сделать обзор кинофильма с учетом его содержания и жанровой специфики.

Третьей составляющей является телевидение. Именно телевидение, являясь неотъемлемой частью каждого дома, оказывает влияние на наше мировоззрение. Благодаря телевидению мы узнаем последние события, происходящие в мире, формируем модели поведения и представление о ценностях. Однако современное телевидение не всегда является объективным, что порождает его критику. Можно по-разному относиться к роли телевидения в современном мире, но нельзя не признать его огромный потенциал воздействия на аудиторию, особенно, если речь идет об образовании. Используя знания, которые уже есть у студентов, можно постепенно направить их внимание на то, что они смотрят и, главное, реализовать критическое восприятие у подрастающего поколения, мотивируя их на изучение английского языка.

Реклама является четвертым компонентом в области медийного образования. Реклама играет огромную роль в нашей жизни. Она окружает нас повсюду. Телевидение, интернет, газеты, журналы, плакаты – все эти средства массовой информации пестрят рекламой, привнося свои коррективы в нашу жизнь («советуют» нам, что носить, как выглядеть, что есть и что пить). Но убеждающая сила рекламы воздействует еще и наше восприятие самих себя и самооценку. Цель занятий, посвященных рекламе – научить студентов распознавать различные рекламные технологии, анализировать их цели и в итоге принимать самостоятельные, разумные решения в повседневной жизни, используя специализированные англоязычные термины. [2]

Начиная каждое занятие по английскому языку, мы советуем использовать заготовленные заранее преподавателем клишированные фразы, типа: «What is the latest breaking news for today?» What are the current events?» Данные вопросы подводят нас к следующему компоненту процесса медиаобразования – новостному. Если спросить студентов, читали ли они вчерашний выпуск газеты, в печатном издании или просматривали новости на новостных сайтах, смотрели ли вечерние новости по телевидению? Скорее всего, можно услышать отрицательный ответ. Опросы, проводимые в последнее время показывают, что интерес молодежи к новостям, политике снизился по сравнению с предыдущим поколением. Однако мы можем помочь своим студентам, тренируя навыки критического мышления, тренируя «привычку» осмысливать увиденное и услышанное, влиться адекватно в новостное медиапространство.

Использование популярной музыки в обучении иностранному языку вызывает неоднозначную реакцию преподавателей. Часть специалистов сходятся во мнении, что в современных песнях отсутствует образовательный потенциал, другие же, напротив, базируют на песнях свои курсы обучения иностранному языку. Отметим, что популярная музыка представляет аутентичный источник информации не только о языке, но и о времени, о культуре молодого поколения. Кроме развития навыков аудирования и расширения

словарного запаса студентов на материале поп-музыки, мы можем параллельно тренировать навыки критического мышления.[3]

Появление новых средств массовой информации всегда вызывает интерес у деятелей сферы образования, и в данном случае Интернет не стал исключением. Вместе с Интернетом к нам пришла возможность доступа к огромному количеству аутентичной информации. Еще одна возможность, которая открылась благодаря появлению компьютерных технологий, связана с их использованием как инструментов организации коммуникации виртуальных курсов иностранного языка.

Все приведенные сопоставляющие весьма существенно воздействуют на студенческую аудиторию, и правильная интерпретация каждого компонента с последующим обсуждением в целевой аудитории на иностранном языке способствует более глубокому погружению в аутентичную медиасреду, дает более полный объем полученных знаний из различных независимых источников, вырабатывает критическое мышление.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. «Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи)». Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 288 с.
2. Пиванова Ю.Е. Важность применения материалов СМИ при обучении иностранному языку // Молодой ученый. — 2018. — №20. — С. 407-409.
3. Федоров А.В. Медиапедагоги и теоретики медиакультуры зарубежных стран: энциклопедический справочник / А. В. Федоров. — М. : Изд-во МОО „Информация для всех”, 2011. — 54 с

10.02.04

С.А. Стройков канд. филол. наук

Самарский государственный социально-педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Самара, stroykov@ya.ru

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕКСТОВОГО КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ
ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА «БИ-БИ-СИ»**

В работе представлены результаты лингвостилистического анализа текстового компонента информационных единиц полисемиотического гипертекста «Би-би-си», в ходе которого автор проанализировал частотность использования выразительных средств и стилистических приемов на фонографическом, лексическом и синтаксическом уровнях. В результате исследования автор пришел к выводу, что в этом англоязычном полисемиотическом гипертексте наиболее частотными выразительными средствами и стилистическими приемами являются графон (курсив и факультативные кавычки), эпитеты, сравнения, метафоры, обособленные конструкции, повторы и риторические вопросы, которые используются в текстовом компоненте информационных единиц анализируемого электронного гипертекста для привлечения внимания, создания образности и выразительности.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, стилистика, гипертекст, полисемиотический гипертекст, текстовый компонент, информационная единица.

Целью настоящей статьи является проведение лингвостилистического анализа текстового компонента 15 информационных единиц (ИЕ) полисемиотического гипертекста (ПГТ) «Би-би-си» [5] (данный термин мы используем вслед за Е.Г. Проскуриным [2: 64–67] в нашем комплексном исследовании электронного гипертекста (ГТ) [3]). ИЕ мы вслед за И.А. Ильиной определяем, как «основной структурообразующий элемент гипертекста, некий информационный континуум, отграниченный рамками экранного представления» [1: 9]. Материал исследования составляет научную новизну, поскольку для создания лингвистической концепции электронного ГТ необходимо проведение исследований конкретных его жанров.

Лингвостилистический анализ текстового компонента ИЕ ПГТ «Би-би-си» проводился на основе разработанных нами классификаций фонографических, лексических и синтаксических выразительных средств (ВС) и стилистических приемов (СП) [4].

В качестве примера лингвостилистического анализа текстового компонента ИЕ ПГТ приведем фрагмент нашего анализа на фонографическом уровне. В ИЕ “Do we really live longer than our ancestors?” мы выявили пример использования факультативных кавычек: Meanwhile, ancient Rome’s ‘cursus honorum’ – the sequence of political offices <...>. В ИЕ “Why more women don’t win Nobel prizes in science” мы также обнаружили примеры использования факультативных кавычек: 1) Traditional stereotypes hold that women ‘don’t like math’ and ‘aren’t good at science’; 2) <...> women are more likely to be pressured to take on extra service as ‘tokens’ on committees <...>. В ИЕ “The German city investing in grandmas’ cakes” содержится большое количество примеров выделения курсивом, например: 1) But they also love *Kaffee und Kuchen*; 2) Classics include *versunkener Apfelkuchen* <...>, *Mohnkuchen* <...>, *Streuselkuchen* <...> and *Russischer Zupfkuchen* <...>; 3) <...> the small cafe is a converted *Schreibwaren* <...>. В ИЕ “The French town that throws wine in the sea” мы также выявили следующие примеры использования курсива: 1) But *Malouins*, as locals are called, embrace <...>; 2) the French flock here for summer breezes and Breton *savoir-faire*; 3) <...> the differences in flavour of sea-aged wines varies by *cuvée* <...>.

В результате анализа фонографических ВС и СП мы пришли к выводу, что наиболее частотным из них является графон, а именно его разновидности – курсив и кавычки. Как правило, курсивом выделяются лексические единицы, представленные на иностранном языке. Общее количество примеров использования графона в текстовых компонентах 15 ИЕ ПГТ «Би-би-си» – 102, из них: 72 примера выделения курсивом (70,6%), 30 примеров использования факультативных кавычек (29,4%).

Далее приведем пример нашего анализа на лексическом уровне. В ИЕ “Japan’s special take on a packed lunch” мы выделили следующие лексические ВС и СП: 1) сравнение: I felt like a pilgrim; Like the crowds bustling around me; 2) эпитет: Ekiben is a prized, and some would say essential, element of long-distance train travel in Japan; 3) олицетворение: Every region, and even specific train stations, has their own unique offerings; widespread train network married with curious palates yearning to try beloved local specialties. В ИЕ “Armenian’s ancient city on the brink of change” были выявлены следующие лексические ВС и СП: 1) аллюзия: Though a small country of just three million people, Armenia made global waves last spring with its Velvet Revolution; 2) метонимия: Yerevan also recently adopted ‘Smart City’ concepts. В ИЕ “An ancient engineering feat that harnessed the wind” мы обнаружили следующие лексические ВС и СП: 1) перифраз: a desert city in the heart of Iran; 2) эпитет: pleasant winds; 3) сравнение: Like the qanat, which has been rendered mostly obsolete by modern technology. В ИЕ “Why more women don’t win Nobel prizes in science?” были выделены такие ВС и СП как: 1) сравнение: where women lack a critical mass of representation and are often viewed as tokens or outsiders; 2) метафора: but they go on to encounter glass cliffs and ceilings as they advance through their academic careers.

В результате анализа лексических ВС и СП, общее количество которых составило – 61, мы получили следующие данные – в текстовых компонентах 15 ИЕ ПГТ «Би-би-си» было обнаружено 2 примера аллюзии (3,3%), 4 примера аллюзии (6,6%), 4 примера гиперболы (6,6%), 1 пример зевгмы (1,6%), 6 примеров метафоры (9,8%), 1 пример метонимии (1,6%), 5 примеров олицетворения (8,2%), 4 примера перифраза (6,6%), 2 примера синекдохи (3,3%), 12 примеров сравнения (19,7%), 2 примера эвфемизмов (3,3%) и 18 примеров эпитета (29,4%). Таким образом, самыми частотными лексическими ВС и СП, как показал наш анализ, оказались эпитеты (29,4%), сравнения (19,7%) и метафоры (9,8%).

Далее в качестве примера приведем фрагмент нашего анализа на синтаксическом уровне. В ИЕ “What’s gone wrong at Victoria’s Secret?” мы выделили следующие синтаксические ВС и СП: 1) градация (климакс): “Victoria’s Secret is still the leader – and the strong leader – in terms of share,” said Ms Smith (используется для усиление слова “leader”); 2) обособленные конструкции: Customers Sahara Jackson and Cheriya Smith, both 17, <...>. And Shurla Kerr, 35, of New York, was dubious that <...> (используется для привлечения внимания к обособленным членам предложения). В ИЕ “The women smashing Ethiopia’s glass ceiling” были выявлены следующие синтаксические ВС и СП: 1) умолчание: My mother is counted among the many kind, innocent, and hardworking Ethiopian mothers <...> (стилистический эффект: наплыв чувств, которые затрудняют дальнейшее высказывание); 2) повтор (анафора): In other words, she’s so good, she’s like a man. В ИЕ “Should we burn or bury waste plastic?” мы обнаружили следующие синтаксические ВС и СП: 1) риторический вопрос: So should we burn our hard-to-recycle waste, or bury it? (данный прием призван вовлечь читателя в рассуждение относительно проблемы, затронутой в статье); 2) обособленная конструкция: Mark Pawsey, the Conservative MP for Rugby, is chairman of <...>; 3) повтор с элементом градации (климакса): When we get to the stage <...>, we have already failed, failed some more and then failed again. В ИЕ “Why we are living in the age of the chair?” были найдены такие синтаксические ВС и СП как: 1) асиндетон: Now they’re everywhere – in offices, trains, cafés, restaurants, pubs, cars, concert halls, cinemas, doctor’s surgeries, hospitals, theatres, schools, lecture halls, and all over our houses (I guarantee you have more than you think) (используется для придания энергичного характера повествованию); 2) повтор (эпифора): The highest attainment in my own profession, academia, is called ‘a chair’. The individual that runs a meeting is

called 'a chair'; 3) риторический вопрос: Why are there no chairs in the Bible, or in all 30,000 lines of Homer? (используется, чтобы заставить читателя подумать) и т.д.

В результате анализа синтаксических ВС и СП, общее количество которых составило – 74, мы получили следующие данные – в текстовых компонентах 15 ИЕ ПГТ «Би-би-си» было обнаружено 4 примера асиндетона (5,41%); 3 примера градации (все они примеры климакса); 4 примера инверсии (5,41%); 22 примера обособленных конструкций (29,72%); 4 примера параллельных конструкций (5,41%); 17 примеров повтора (22,97%), из них 6 примеров простого повтора (8,10%), 5 примеров анафоры (6,76%), 5 примеров эпифоры (6,76%), 1 пример кольцевого повтора (1,35%); 12 примеров риторического вопроса (16,22%); 5 примеров умолчания (6,76%) и 3 примера эллипсиса (4,05%). Таким образом, самыми частотными синтаксическими ВС и СП, как показал наш анализ, оказались обособленные конструкции (29,72%), повторы (22,97%) и риторические вопросы (16,22%), которые не оказывают особого воздействия на объективность и беспристрастность подачи новостей.

В результате проведенного исследования мы получили следующий вывод: в англоязычном ПГТ «Би-би-си» наиболее частотными ВС и СП являются графон (курсив и факультативные кавычки), эпитеты, сравнения, метафоры, обособленные конструкции, повторы и риторические вопросы, которые используются в текстовом компоненте ИЕ для привлечения внимания, создания образности и выразительности и не влияют на объективность и беспристрастность подачи новостей.

Список литературы

1. *Ильина И.А.* Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 28 с.
2. *Проскурин Е.Г.* Веб-сайт как полисемиотический гипертекст: к постановке проблемы // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3. – С. 64–67.
3. *Стройков С.А.* Лингвопрагматика англоязычного электронного гипертекста: монография. – Самара: СГСПУ, 2018. – 175 с.
4. *Стройков С.А.* Стилистика английского языка: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Самара: Издательство «Офорт», 2012. – 106 с.
5. BBC.com. Режим доступа <http://www.bbc.com>, дата доступа – сентябрь 2019.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

М.Б. Айтмагамбетова

Инновационный Евразийский университет,
кафедра филологии и журналистики,
Республика Казахстан, г. Павлодар, dogma19@mail.ru

**СТРУКТУРА ФРЕЙМА “СЕМЬЯ”
В ТЕЛЕВИЗИОННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье предложен пример пропозициональной модели фрейма «семья» в телевизионной рекламе молочной продукции. На материале 108 единиц дискурсивных практик выявлена структура фрейма семья и описаны три уровня слотов: субъект пропозиции; предикат пропозиции; сирконстант пропозиции. В рекламной коммуникации в процессе рефрейминга рекламируемый продукт становится отдельным слотом пропозициональной структуры фрейма.

Ключевые слова: пропозициональная модель фрейма, субъект пропозиции; предикат пропозиции; сирконстант пропозиции.

Дискурс образует среду порождения текста, в которой происходит моделирование типовых в данном дискурсе ситуаций (различного рода фреймов и когнитивных структур), а также способы репрезентации когнитивной информации в тексте. В пространстве «мультисемиотической системы» рекламного дискурса представлен не только текст с прагматическими установками агента, но и когнитивные знания, транслируемые аудитории в вербальной и невербальной форме, а также образы, символы и ассоциации, возникающие в сознании клиента в процессе интерпретации полученной информации [1].

Телевизионная реклама предоставляет неограниченные возможности в выборе средств воздействия на целевую аудиторию, ограничивая при этом производителя рекламы жесткими временными рамками: «ограниченный объем рекламного сообщения, органично сочетающийся в жесткой имплицитной форме максимальный набор смыслов и инструментов воздействия на сознание реципиента, – все эти особенности рекламного текста обуславливают схематизм и фреймовость рекламного мышления» [3].

В основе фрейма лежит знание о стереотипной ситуации и ее элементах. Элементы стереотипной ситуации формируют слоты фрейма [6]. Фрейм состоит из вершины, представляющей имя фрейма, и слотов, организованных пропозиционально и структурирующих фрейм. Каждый слот представляет структурные элементы пропозиции, а сам фрейм является системой свернутых пропозиций: «фрейм... может быть адекватно выражен переводом его в пропозициональную структуру» [4]. Транслируя маркеры культурно значимой стереотипной ситуации, производитель рекламного контента при взаимодействии с целевой аудиторией в качестве инструмента использует фреймы. При этом когнитивный контекст, общий для потенциальных потребителей продукта, становится базой, направляющей интерпретации рекламы целевой аудиторией и формирующей запланированный эмоциональный отклик. Таким образом, анализ представленности фрейма в телевизионной рекламе позволяет моделировать структуру фрейма в коллективном сознании. Слоты фрейма взаимодействуют между собой и могут быть представлены в рамках различных пропозициональных схем (субъект – действие, действие – место действия и другие), они актуализируются в сознании целевой аудитории в различных конфигурациях и напрямую коррелируют с пропозициональной моделью, представленной в рекламе. Пропозиции становятся результатом интерпретирования «ситуации как недискретного

опыта, выделения в нем тех или иных дискретных элементов в зависимости от того, что является значимым» (выделено нами – А.М.) [5]. Пропозициональная характеристика позволяет наиболее полно отразить фрейм как стереотипную ситуацию действительности.

Целью исследования является разработка пропозициональной модели фрейма семья в казахстанской рекламе молока и молочной продукции. Эмпирическая база, взятая для исследования, составляет 108 единиц дискурсивных практик русскоязычных и казахоязычных телевизионных рекламных роликов молока и молочной продукции.

Выбор материала для построения пропозициональной модели фрейма семья обусловлен несколькими факторами: набор фреймов, предлагаемый аудитории, коррелирует с рекламируемым продуктом; одной из частотных стратегий в телевизионном рекламном сюжете является обращение к типичным ситуациям использования рекламируемого продукта, которые апеллируют к предшествующему опыту зрителя. Молоко и продукты из него составляют основу казахской этнической кухни. Высокая ценность молочной продукции в казахской культуре позволяет производителю актуализировать разнообразные фреймы, представленные в рекламе. Центральным фреймом в рекламе молока выступает фрейм *семья*. Так, из 108 ед. проанализированных дискурсивных практик в 86 ед. присутствует образ семьи. В каждом рекламном сюжете транслируются отдельные характеристики семьи, важные для данного рекламного сюжета. Результаты исследования показывают, что слоты каждого уровня могут быть представлены вербально, вербально-невербально, и невербально. Ограниченное время трансляции и стремление создать гармоничное сочетание вербальных и невербальных кодов воздействия в рекламном сообщении обуславливают преимущественно невербальную репрезентацию слотов фрейма в телевизионном рекламном дискурсе. Как правило, слоты актуализируются визуальным рядом ролика, а также поведенческими знаками рекламного персонажа [2].

В работе выявлена структура фрейма семья, транслируемая в казахстанской телевизионной рекламе молочной продукции. Характеристика слотов находится в прямой зависимости от актуализации того или иного слота фрейма *семья* в рекламе. Рассмотрим их подробнее. В первый уровень выделены слоты, характеризующие субъектов пропозиции, они представлены членами семьи:

- мать (реже родители, отец) – ребенок (дети): реклама компании «ФудМастер» («Новые цели», «Для здоровья поколений», «Быть мамой – оставаться собой», «В Казахстане нет границы дружбы», «А как вы провели выходные?», «Вкусная забота о нашем здоровье», «Нам есть чем гордиться», «Лучший друг иммунитета», «Завтрак с папой», «Завтрак с мамой»), «Моё» («Дача», «Коньки»), «Айналайын» («12 лет вместе»), «Lactel» («Легкое утро») «Мумуня» («Его и бери», «Всем хватит») и др.;

- бабушка (дедушка) – внучка (внук, внуки): реклама компании «ФудМастер» («Для здоровья поколений», «В любом возрасте можно ставить цели», «Ажека приехала»), «Моё» («Новый год»);

- муж – жена: реклама компании «ФудМастер» («Быть мамой – оставаться собой», «Пусть всегда будет вкусно») «Моё» («Завтрак»).

Второй уровень представлен слотами, имеющими предикативный характер, и характеризует отношения между членами семьи, их состояния и чувства: любовь и взаимопонимание в рекламе «Айналайын» («12 лет вместе»), «ФудМастер» («Новые цели», «Быть мамой – оставаться собой», «Завтрак с папой», «Завтрак с мамой», «Лучший друг иммунитета»), «Моё» («Завтрак», «Новый год»); поддержка близких и забота о здоровье родных в роликах «ФудМастер» («Лучший друг иммунитета», «Быть мамой – оставаться собой», «Завтрак с папой», «Завтрак с мамой»), «Моё» («Каток»). К этому же уровню можно отнести единичные слоты ожидание ребенка, воспоминания о детстве («Айналайын», «ФудМастер»).

Слоты третьего уровня представляют сирконстант пропозиции и характеризуют обстоятельства, в которых представлено действие или событие, ситуации в жизни семьи и ее членов: семейный завтрак (обед или ужин) в роликах «ФудМастер» («Для здоровья

поколений», «Вкусная забота о нашем здоровье», «Завтрак с папой», «Завтрак с мамой»), «Моё» («Коньки»), «Lactel» («Легкое утро») «Мумуня» («Всем хватит»); подготовка к соревнованиям («ФудМастер»), чаепитие в рекламе «Моё» («Подруги»); обряд обрезания пут, празднование дня рождения, нового года в рекламе «Айналайын» («12 лет вместе»), «Моё» («Новый год») и другие единичные слоты (прием гостей («ФудМастер»), отдых на даче («ФудМастер», «Моё»), приезд бабушки – ажеки («ФудМастер»)).

Отдельным слотом, включаемым рекламодателем во фрейм *семья*, становится рекламируемый продукт. Рассмотрим, к примеру, актуализацию слотов фрейма *семья* в рекламном ролике «Каток» («Моё»). Слоты 1 уровня (субъект пропозиции): отец – сын. Слоты 2 уровня (предикат пропозиции): отцовская любовь <отец любит сына> (визуализация – подарок); отцовская поддержка <отец поддерживает сына и помогает ему> (визуализация – помощь при падении и обучение катанию на коньках); общие воспоминания <отец и сын имеют общие воспоминания> (визуализация – обсуждение итогов дня за стаканом молока). Слоты 3 уровня (сирконстант пропозиции): семейный завтрак; каток.

Пропозициональное описание фрейма *семья* в данном рекламном ролике можно представить следующим образом: Членов СЕМЬИ <отца и сына> объединяют отношения <любовь, поддержка и общие воспоминания>. Члены СЕМЬИ <отец и сын> проводят вместе свое время <на катке, во время завтрака>. Члены СЕМЬИ <отец и сын> пьют молоко «Моё».

Рекламируемый продукт в кадре становится элементом ежедневного семейного общения, повторение изображения молока с логотипом и читаемым названием способствует рефреймингу фрейма *семья* и включению в него (в рамках рекламы) слота *молоко* «Моё».

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс в свете нейрокогнитивистики // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (228). Вып. 29. С. 5–12.
2. Араева Л.А., Айтмагамбетова М.Б. Лингво-аудио-визуальная характеристика персонажа в казахстанской телевизионной рекламе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 437. С. 5–14.
3. Ежова Е.Н., Новиков М.Н. Фрейм образ жизни в рекламной картине мира // Наука. Инновации. Технологии. 2007. №50. С. 159–164. С. 160.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с. С. 194.
5. Миронова Н.И. Интерпретативная деятельность коммуниканта в процессе восприятия, понимания и вербализации знаний // Известия Воронежск. гос. пед. ун-та. 2009. №2 (36). С. 134–138. С. 136.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с. С. 49.

10.02.19

¹А.Е. Астафьева канд. педагог. наук, ²А.Р. Нурутдинова канд. педагог. наук,
³Е.В. Дмитриева, канд. педагог. наук, ⁴А.А. Катекина канд. педагог. наук,
⁴И.С. Солодкова

¹Казанский Национальный Исследовательский Технологический Университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,

²Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра контрастивной лингвистики,

³Казанский Государственный Энергетический Университет,
кафедра иностранных языков,

⁴Университет управления "ТИСБИ",
кафедра филологии,

Казань, universitymed@rambler.ru, rstmvn@gmail.com, elenadmitrieva75@yandex.ru,
akatekina@gmail.com, solodira@inbox.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР)

Овладение иноязычным кодом, позволяющим успешно осуществлять межкультурное взаимодействие, предполагает изучение особенностей культуры, определяющих специфику общественного и делового поведения партнера, детерминированного влиянием исторических традиций и обычаев, образа жизни и т.п. Иностранные языки как средство коммуникации между представителями разных народов и культур должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках (раньше у нас иностранный язык изучался в отрыве от его социокультурного контекста как самоцель и практически не нес функциональной нагрузки).

Ключевые слова: *многоязычие, поликультурная среда, иностранная культура, иностранный язык, межкультурная коммуникация, социализация*

Формирование лингво-культурной компетенции в процессе формирования личности в определенных социальных условиях, в ходе которого человек усваивает и избирательно вводит в свою систему поведения нормы и правила, которые приняты в данном обществе [1]. В процессе социализации усваивает социальный опыт, социальные нормы поведения, социальные роли, новые виды деятельности и новые формы общения, взаимодействия с людьми как процесс включения человека в общество, элементами которого могут быть воспитание, обучение, адаптация и взросление, а типы социализации, применяемые к культуре, – это инкультурация, аккультурация и ассимиляция.

Изучение научно-педагогической литературы позволило обозначить, что процесс инкультурации предполагает двустороннее взаимодействие человека и культуры: с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой стороны, сам человек влияет на свою культуру, формируя и трансформируя ее. Инкультурация – это процесс приобретения культурных навыков, проникновения в культуру.

Теоретико-методологический анализ существующих научных подходов и рефлексия педагогических практик показывают, что на коллективном уровне инкультурация формирует следующие важные навыки: виды общения с другими людьми; формы контроля над своим поведением и эмоциями; способы удовлетворения основных потребностей; предполагаемое отношение к различным явлениям окружающего нас мира; эмоциональное и поведенческое сходство человека с другими представителями данной культуры и отличие от

представителей других культур [2, 8]. На индивидуальном уровне процесс инкультурации выражается в ежедневном общении человека с другими членами общества, родственниками, друзьями или незнакомцами, связанными с той же культурой.

В научных трудах А.П. Садохина отмечается, что «в культурной антропологии существовала аксиома утверждения» [10], согласно которой каждый человек выступает в роли носителя той культуры, в которой он вырос и был создан как личность. Когда человек находится в своем собственном лингвокультурном сообществе, он не обращает внимания на существенные характерные черты своей культуры.

Исследователи подчеркивают, что «социализация – это двусторонний процесс» [11]. По словам С.П. Волохова, различие факторов социализации и инкультурации в едином целостном процессе становления личности отражается социальным соответствием «процесс социализации и культурной индивидуализации - процесс инкультурации» [3]. Социализация предполагает интеграцию человека в общество, а «термин «инкультурация» означает понимание и принятие мира и поведения, присущих его культуре» [6]. В результате когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии человека становятся похожими на представителей его культуры и отличаются от мировоззрения людей другой культуры [7].

Процесс аккультурации в билингвальной семье несет в себе ряд проблем. Двухязычная семья – это своеобразное общество, которое как среда обитания человека, производная его природы, оказывает двойное влияние на человека. Практика показывает, что члены такой семьи пытаются следовать принципу природного соответствия, согласно ведущей роли отца или матери [4]. Члены семей билингвов одинаково хорошо говорят на двух языках. Некоторые семьи выбирают один язык и, следовательно, одну культуру, особенно в условиях города и районных центров.

Следовательно, возникает вопрос о способах самосохранения уникальности в условиях многоязычия. Проблема, с нашей точки зрения, надолго займет умы психологов и педагогов, поскольку нет универсальных приемов и способов самосохранения уникальности каждого человека. Результаты анализа теоретических источников позволяют сделать вывод, что «в современных условиях география проблемы расширяется и углубляется из-за мигрантов, которые несут экономические, культурные и даже физические риски для человека и не только» [9].

Частичное решение проблемы самосохранения личности человека заключается в самопознании и выборе места проживания в современном обществе. Аккультурация происходит в тех случаях, когда: а) человек прекрасно знает свой родной язык, культуру (быт, обычаи, литературу, искусство и другие достижения, историю своего народа); б) он знает свои собственные возможности и способности, обладает знаниями в той сфере, где работает и живет [5]. Процесс инкультурации и аккультурации протекает естественным образом параллельно с социализацией индивида, если он, обладает способностью контролировать себя в любых жизненных ситуациях, и может найти какой-либо выход из «точек бифуркаций», не причиняя вреда себе и другим людям [7].

Таким образом, инкультурация и аккультурация человека в многоязычной, поликультурной среде естественны как ожидаемый результат социализации. Ассимиляция возможна в результате компромисса с доминирующим обществом. В целом, осознание идентичности – это сообщение к самопознанию навыков и способностей, вызывающее формирование самоутверждения при поддержке, когда человек начинает реализовывать себя не только в обществе, где он родился, но и в любой среде обитания иностранной культуры.

Список литературы

1. *Астафьева А.Е.* Особенности обучения английскому языку студентов-билингвов в условиях технологического вуза. Вестник казанского технологического университета. 2014. т. 17. № 5. с. 289-292.
2. *Астафьева А.Е.* Особенности организации научно-исследовательской деятельности преподавателей в технологическом вузе. Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-1. с. 19-25.
3. *Волохов, С.П.* Инкультурация и образование: когнитивный анализ духовного состояния современного общества // Евразийство: философия, культура, экология. – 2012. – URL: <http://eurazistvo.ru/vipusk3/inkulturatsiya-i-obrazovanie-kognitivnyi-diagnoz-duhovnogo-sostoyaniya-sovremennogo-obshhestva/?lang=tr>
4. *Ганиева Й.Н., Нурутдинова А.Р.* Анализ социолингвистических и лингвокультурологических факторов в системе высшего языкового образования. Общественные Науки. 2017. № 1. с. 65-73.
5. *Дмитриева Е.В., Нурутдинова А.Р.* Межкультурная коммуникация в обучении иностранным языкам в системе высшего образования: культурологический компонент. В сборнике: Иностранные языки в современном мире Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Под редакцией С.С. Тахтаровой, А.В. Фахрутдиновой. 2016. С. 28-33.
6. *Зверева О.В.* Взаимодействие инкультурации и социализации в процессе формирования ценностного отношения к родному языку // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). — СПб.: Реноме, 2013. — С. 8.
7. *Каткина А.А.* Социально-психологическое здоровье обучающихся как результат использования инновационных технологий формирования поликультурной иноязычной компетенции // Вопросы психического здоровья детей и подростков. - 2017. - № 2. - С. 111.
8. *Нурутдинова А.Р., Баэз И.В.* Межкультурная коммуникативная компетенция на примере не языкового образовательного учреждения. В сборнике: Наука и Образование: Проблемы и Перспективы // Материалы Ежегодной научно-практической конференции с международным участием. Под ред. Н.М. Прусс, А.А. Аюпова. Казань, 2018. С. 135-146.
9. *Пилипенко А.Н., Малкова Н.Ю.* Проблема аккультурации мигрантов из СНГ на Дальнем Востоке // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XVI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1(16). – URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(16\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(16).pdf)
10. *Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация. – М. : Альфа-М, 2012. – С. 175.
11. *Тукаева, Р.Н.* Социальная стратификация как фактор оптимизации языкового поведения в полиэтничном обществе (На материалах Республики Татарстан) : автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Тукаева Резеда Наилевна. – Казань, 2003. – С.14.
12. *Шайдуллина А.Р., Нурутдинова А.Р.* Система иноязычной межкультурной коммуникации: анализ методических направлений в обучении речевой деятельности: неязыковые вузы. Общественные науки. - 2016. - №6-1. – С. 6-12.

10.02.19

А.А. Бекетова, Т.Ф. Артамонова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерство здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Концепт является одним из основных понятий лингвокультурологии, концептологии. В начале XX века, в связи с антропоцентрическим уклоном, в лингвистике активно разрабатывается понятие концепта, которое стало актуальным предметом исследования в языкознании. Появляется понимание того, что любой носитель языка является носителем определённых концептуальных систем.

Ключевые слова: *концепт, когнитивная лингвистика, носитель языка, концептуальные системы.*

В связи с антропоцентрическим уклоном в лингвистике активно разрабатывается понятие концепта, которое стало актуальным предметом исследования в языкознании. Концепт является одним из основных понятий лингвокультурологии, концептологии. С современной точки зрения, лингвистика перестала быть наукой только о языке – ведь язык отражает мир таким, как его видит говорящий на этом языке человек и, тем самым, лингвистика, а в особенности семантика, изучает не только язык, но и сознание человека и поэтому на данном этапе своего развития она снова может рассматриваться в одном ряду с психологией, философией и всеми традиционно гуманитарными науками»

К концу XX века в лингвистической науке появляется понимание того, что любой носитель языка является носителем определённых концептуальных систем, образующих картину мира. Такая концепция выдвинула необходимость в определении способов актуализации ментальных процессов, рассмотрение которых лежит в русле когнитологии, науки о познании и результатах отражения мира и предметно-познавательной деятельности людей в их сознании, осмыслении и приведении в определённую систему данных, составляющих базу познавательных процессов.

Анализ проблемы языковой концептуализации мира, тесно связанной с взаимоотношениями человека, природы и социума, относится к предмету исследования когнитивной лингвистики, её центральным понятием является *когниция*, которая представляет собой, по определению Н. Н. Болдырева, «восприятие мира, и категоризацию, и мышление, и речь, и воображение, и многие другие психические процессы или их совокупность» [2]. В свою очередь Е. С. Кубрякова относит к когниции «простое наблюдение за окружающим и переработку информации, поступающей к человеку либо извне, либо уже реинтерпретируемой человеком» [5].

Когниция – основное понятие когнитивной лингвистики, изучающей взаимоотношения языка и мышления. Знания, оценки и мнения в когнитивной лингвистике рассматриваются с точки зрения представления их языковыми структурами, которые хранят, передают, анализируют и интерпретируют информацию, являющуюся энергией языка. Обработка речевого сообщения осуществляется человеком, активным субъектом познания. Через систему знаков естественного языка открывается доступ к внутреннему ментальному лексикону человека. *Механизм когнитивной переработки информации получил название концепт.*

Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов знания». Многие лингвисты выражают единодушие по поводу ментальной природы концепта: концепты – это единицы «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека».

Описание концепта в лингвистических исследованиях преследует двоякую цель: 1) изучить на основе языковой семантики видение социумом того или иного «фрагмента мира»; 2) охарактеризовать языковые единицы как хранящие в себе знание о том или ином «фрагменте мира». При моделировании ментальных конструкторов на основе анализа семантического пространства, образованного языковыми единицами, основной задачей исследователя остаётся, прежде всего, изучение языкового знака.

Следует рассмотреть несколько подходов к проблеме концепта с точки зрения смежных гуманитарных дисциплин.

С позиций психологической интерпретации понятия «концепт». Уточняя понимание концепта с психологической точки зрения, А.А. Залевская пишет, что исследование реального концепта требует исключительно комплексного мультидисциплинарного подхода и интеграции научных достижений ученых в различных областях гуманитарных исследований, тесно связывая эти подходы с лингвистической наукой: «концепт это спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [3].

С позиций философской интерпретации понятия «концепт», учитывая логический генезис понятия «концепт», где «концепт опосредует отношения человека с внешним миром в культурном слое» [1]. Н.Д. Арутюнова рассматривает концепты как философское понятие, образовавшееся «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей».

К методам анализа, используемым в когнитивной лингвистике, относятся: концептуальное моделирование, когнитивное моделирование, концептуальный анализ, прототипический и фреймовый анализ, объединяемые общим термином – *концептуальный анализ* (КА), который отражает сущность всех представленных методов.

В когнитивном аспекте КА является также инструментом когнитивного анализа различных дискурсов, при этом выделяются «понятия и концепты, из которых строится картина мира, репрезентирующая иерархию ценностей и осуществляется ментальные проекции текстовой концептуальной структуры, формирующей сложное и многомерное пространство для интерпретации».

Исследование концептов с точки зрения лингвокультурологии происходит через рассмотрение лексических и фразеологических единиц, концептуализированных и лингвокультурных областей, способов мышления, типичных для лингвокультурных типажей. В этой области лингвистики ученые оперируют лингвокультурными концептами. Классическим трудом является фундаментальное исследование Ю.С. Степанова, в котором автор ввел понятие «константа культуры» для типологического исследования концептов, отражающих интеллектуальную, эмоциональную деятельность в различных национальных картинах мира [6].

Отмечаем мнение В.И. Карасика о том, что «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального

сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [4].

Таким образом, мы наблюдаем, что понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – 123с.
3. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36-46.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 4. – С. 34–47.
6. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации/ Ю.С. Степанов.– М.: Языки славянских культур, 2007.–248 с.

10.02.19

Т.Н. Боргоякова канд. филол. наук

Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ,
Научно-исследовательский центр национальных проблем образования,
Москва, borgtatyana@rambler.ru

РОЛЬ ЧАСТИЦ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье представлен анализ частицы -дыр и её участие в образовании временной формы -адыр на материале хакасского языка сравнительно-сопоставительным методом. Результаты исследования подтверждают, что частица -дыр противопоставляется аналитическим формантам, образованным с помощью деепричастий и вспомогательного глагола тур-, как семантически, так и функционально.

Ключевые слова: *частица, время, аффикс, семантика, функция.*

В системе глагольных категорий значительное место занимают бытийные глаголы, которые, подвергаясь различной степени грамматикализации, образуют аналитические форманты или вторичные синтетические формы. Эти свойства бытийных глаголов рассмотрены в серии работ по тюркским языкам Южной Сибири [14, с. 204-234; 12]. В пратюркском языке «в функции частиц выступали различные имена и глаголы» и основная доля частиц прошла следующие этапы развития: «полнозначное слово > модальное слово > модальная частица > собственно частица» [10, с. 325]. Согласно этой схеме форма на *-дыр* может быть отнесена к модальным частицам, которая сохраняет определенные узнаваемые черты исходного слова *тур-* 'стоять'.

В грамматиках тюркских языков народов Южной Сибири частицы выделены в качестве отдельной грамматической категории, однако нет специальных исследований в данном направлении. Из всех отмеченных в хакасском языке частиц, достаточно полное описание имеется только по вопросительным частицам, которые отражены в работах К.Н. Бурнаковой [2; 4]. Ограничительная (*ла/ле*), усилительная (*даа/дее*), утвердительная (*-ох/-jk*) частицы, широко представленные в составе сложных синтаксических конструкций, описаны в монографиях Т.Н. Боргояковой [3] и О.Д. Абумовой [1]. Однако частица *-дыр*, названная аффиксом в грамматике хакасского языка [5, с. 204], всё ещё остается мало исследованной.

В центре внимания данной работы будет форма широкого настоящего времени на *-адыр*. Для тюркских языков народов Южной Сибири она остается слабо дифференцированной от других формантов со вспомогательным глаголом *тур-*. Форму на *-адыр* принято считать сочетанием слитного деепричастия на *-а* со вспомогательным глаголом *-тур*. Такое представление сложилось в связи с тем, что не были учтены в должной мере функционально-семантические характеристики этой формы – наличие вневременного значения в сочетании с утвердительной модальностью. Именно поэтому следует остановиться подробнее на семантике и функциях анализируемой частицы.

Присоединяясь к полнозначным словам частица *-дыр* теряет свою фонетическую самостоятельность, подвергается влиянию закона гармонии гласных и в составе временной формы имеет два варианта *-дыр/-дip*. В сочетании с временными формами она принципиально не изменяет базовое значение временной формы, а вносит в неё оттенок утвердительной модальности, таким образом усиливает исходное значение каждой конкретной временной формы. В форманте на *-адыр* выделяется временная форма на *-ар* и частица *-дыр*. Однако взгляды исследователей других тюркских языков на структурную форму *-адыр* отличается от утверждаемой в данной статье в том плане, что мнения расходятся при определении структуры этой формы и её значения. В тувинском языке эта

форма воспринимается как сочетание слитного деепричастия на *-а* с частицей *-дыр*, Б.Ч. Ооржак считает ее сочетанием форманта *-а* с частицей *-тыр*. В тофском, алтайском и хакасском языках она рассматривается как сочетание деепричастия на *-а* с аффиксом *-дыр*, восходящим к глаголу *тур-* 'стоять' [7, с. 383; 5, с. 204; 9, с. 201; 12, с. 27; 8, с. 114].

Первая причина, которая вызывает сомнения о деепричастном происхождении компонента *-а*, является отрицательная форма этого времени *-а чоуыл / -ар чоуыл*, например: *Ол пеер кіре чоуыл* 'Он сюда не заходит обычно'. Иногда глагол может сохранять конечный согласный *-р*: *Ол пеер кірер чоуыл* 'Он сюда не заходит обычно'.

Вторая причина заключается в функционально-семантических особенностях формы на *-адыр*. Базовое значение этой формы больше тяготеет к вневременному значению, в котором повторяемость действия правильнее было бы интерпретировать как – периодичность, порядок вещей, закономерность в широком настоящем. На самом деле действие происходило и в прошлом, продолжает иметь место в настоящем, и будет происходить в будущем. Например: *Пістіу чирде кізі кірібинче, кирир тус читсе, тіс тес парып, аныу орнына наа тістер јз=едір=лер*. (13, с. 99) 'На нашей земле человек не стареет, когда наступает время стареть, зуб выпадает, вместо него *вырастают* новые зубы'. В этом примере конечное сказуемое «*јз=едір=лер*» (<*јз=ер-дір=лер*) стоит в форме широкого настоящего времени на *-ер*, которое не ограничено какими-либо временными рамками, а частица *-дір/-дыр* усиливает это значение, а также своим присутствием противопоставляет форму на *-а (-ар)* настоящего времени форме будущего времени на *-ар/-бас*. Можно привести пример с отрицательной формой этого времени: *Ипчі кізілер паланы пір-ікідеу артых таб=а чоуыл=лар*. (13, с. 99) 'Женщины не рожают детей больше одного-двух'. В этом предложении сказуемое стоит во множественном числе в отрицательной форме широкого настоящего времени «*-а чоуыл-лар*» (<*ар чоуыл=лар*). Этой формой подчеркивается, что действие происходит «так, а не иначе», сложившийся порядок действий не просто констатируется как факт, но и уверенно утверждается.

Тот факт, что в хакасском языке никогда не рассматривалось наличие формы настоящего времени на *-ар*, можно объяснить тем, что она не употребляется без частицы *-дыр*, а также тем, что при присоединении к ней частицы, согласный *-р* выпадает в результате стяжения, например: *пар-а-дыр* (<*пар-ар-дыр*) 'уходит (=обычно)', *кил-е-дір* (*кил-ер-дір*) 'приходит (=обычно)'.

Семантическая структура формы на *-ар* также очень сложна. В тюркологии в системе глагольных времен «форма на *-r* может выражать три граммы: 1) настоящее неотносительное, 2) будущее неотносительное, 3) настоящее в будущем» [11, с. 404]. Согласно мнению Э.А. Груниной памятники древнетюркской письменности отразили такое состояние индикатива, в котором настоящее-будущее на *-(⁰)r* «выступало со значениями настоящего актуального, настоящего общего (в том числе и со значениями действия, не локализованного во времени) и будущего (потенциального и будущего намерения)» [6, с. 94]. В связи с этим, интересно отметить, что для хакасского языка наличие частицы *-ыр* является дифференциальным признаком для настоящего времени: *-ар-дыр*. Для будущего времени – значимым является аффикс *-ар*, не осложненный какими-либо дополнительными показателями, например: *пар-ар* 'пойдет'. В свою очередь, показатель будущего времени на *-ар*, осложненный частицей *-ых*, образует – сослагательное наклонение на *-арых*, например: *пар-ар-ых* 'пошел бы'.

Таким образом, в хакасском языке с помощью частиц произошла более четкая дифференциация уже имевших место в тюркологии трех грамм: настоящего общего, будущего потенциального и будущего намерения. Частица *-дыр* в грамматиках не получила должного описания из-за его общности происхождения с другими аналитическими формантами, восходящими к вспомогательному глаголу *тур-* 'стоять'. Анализ функционально-семантических особенностей этой формы доказал, что в хакасском языке существуют две омонимичные формы на *-ар*: одна – с семантикой широкого настоящего и другая – с семантикой будущего времени. Они имеют разные отрицательные формы: для

настоящего времени *-а чоыыл* (<*-ар чоыыл*), а для будущего времени – аффикс *-бас/-бес/-пас/-пес/-мас/-мес*. В связи с этим форма широкого настоящего времени всегда употребляется с утвердительной частицей *-дыр/-дир/-тыр/-тир*: *пар-адыр* (<*пар-ар-дыр*), а форма будущего времени не принимает никаких частиц для выражения собственно будущего времени. Данная точка зрения существенно отличается от общепринятого в хакасской грамматике утверждения о деепричастном происхождении формы на *-адыр* [5, с. 204].

Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России», осуществляемого в рамках государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Список литературы

1. *Абумова О.Л.* Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и её семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: Сервесный пункт, 2013. – 186 с.
2. *Бичелдей К.Н.* Ритмомелодика хакасских вопросительных предложений с частицей *ма* / Тюркская фонетика – 90. Алма-Ата, 1990. – С. 128-129; *Она же.* Вопросительные частицы хакасского языка. Кызыл, 1993. – 93 с.
3. *Боргоякова Т.Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями. М.: Изд. РУДН, 2002. – 173 с.
4. *Бурнакова К.Н.* Хакасская вопросительная частица *ме* и ее соответствия в других тюркских языках / Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1991. – С. 117-122.
5. Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. – 418 с.
6. *Грунина Э.А.* О форме настоящего-будущего на – (⁰)г в тюркских языках / Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. – С. 94 – 111.
7. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М.: Изд. вост. лит., 1961. – 472 с.
8. *Ооржак Б.Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 184 с.
9. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. – 287 с.
10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. – 767 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. – 560 с.
12. *Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 228 с.
13. *Хара Паар.* Абакан: Красноярское книжное издательство Хакасское отделение, 1979. – 127 с.
14. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. – 269, с. 204-234;

10.02.19

¹М.Р. Булатова канд. филол. наук, ²Р.С. Барсукова канд. филол. наук,
³З.А. Мухаева канд. филол. наук

¹Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ,
отдел лексикологии и диалектологии,

Казань, m.r.bulatova@mail.ru,

²Казанский государственный аграрный университет,
кафедра философии и права,

Казань, ramziy_kazan@mail.ru,

³Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Лысьвенский филиал,

Лысьва, muhaeva@lf.pstu.ru

О НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КУРМАНТАУСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются некоторые удмуртские заимствования в курмантауском говоре среднего диалекта татарского языка. Данный говор распространен в центральной части Республики Башкортостан. Количество удмуртских слов, проникших в курмантауский говор, небольшое по сравнению с татарскими заимствованиями в финно-угорских языках.

Ключевые слова: *тюркские языки, татарский язык, средний диалект, курмантауский говор, удмуртские заимствования, лексика.*

Курмантауский говор – это один из татарских говоров среднего диалекта, который распространен в центральной части Республики Башкортостан. Носители говора компактно живут в деревнях Зилим-Караново, Бурлы, Абдуллино, Новые Бурлы, Курмантау, Кызыл-Яр и др., расположенных в Гафурийском районе [5, 6].

Длительная история заселения территории Башкортостана, сложные социально-экономические, демографические процессы формировали многонациональный состав республики. Кроме этнической основы (русские, татары и башкиры), в Башкортостане проживают чуваша, удмурты, марийцы, мордва, украинцы, белорусы и представители других национальностей. Татары в процессе исторического развития вступали в интенсивные и длительные непосредственные связи с финно-угорскими народами, прежде всего – с удмуртами, марийцами и мордвой.

Многовековые культурные, экономические, политические и другие взаимоотношения между татарским и финно-угорскими языками отразились в словарном составе этих языков в виде слов иноязычных. Поэтому диалектная лексика курмантауского говора богата не только словами из общетатарских, заимствованных русских, арабо-персидских, башкирских, но и финно-угорскими заимствованиями. В татарском литературном языке из финно-угорских заимствований можно насчитать чуть более 30 слов, а в его диалектах – намного больше. Мы видим это в трудах ученых, исследовавших вопросы взаимодействия тюркских и финно-угорских языков: Р. Г. Ахметьянова, В. Г. Егорова, М. Рясенена, Н. И. Исанбаева, Н. В. Тараканова, И. С. Насипова, Д. Б. Рамазановой, А. А. Саватковой и др. По исследованиям И. С. Насипова, финно-угорских заимствований в татарском литературном языке и народных говорах около 300 лексических единиц: из удмуртского – более 80; мордовских (мокша и эрзя) – 63; из марийского – более 70 [7, с. 188].

По степени влияния финно-угорских языков на татарский язык удмуртский занимает 2 место после марийского. Общая численность удмуртов в республике (по итогам всероссийской переписи 2002 г.) составляет 22 тыс. 625 чел.

Объемы употребления и распространения удмуртских заимствованных лексем не всегда одинаковы: одни слова характерны для нескольких говоров; другие варьируются по говорам, функционируя лишь в определенном регионе. Некоторые слова заимствованы в татарский язык через русский, большинство из них являются нормативными.

Считаем необходимым сначала перечислить финно-угорские заимствования, в том числе и удмуртские, которые употребляются в курмантауском говоре. Некоторые из этих слов являются заимствованиями в татарском литературном языке, или его говорах: *алан* 'поляна, лесная поляна', *бүкән* 'чурбан, кряж, обрубок', *биштәр* 'котомка, заплочный мешок', *нәрәтә* 'невод, бредень', *туйыз* (лит. туз) 'береста, берёстовый', *кәрәз* 'медовые соты', *қыйшаңнау* 'кривляться, кокетничать', *лапақай* 'невысокий, но толстый', *ләпәк* 'мошкара, мошка', *лепкә* 'темя младенца', *мәке* (лит. бәке) 'прорубь', *пошой / мышы* (лит. *поши* 'лось'), *пыйма* 'валенки', *миләш* 'рябина', *мәте* 'жидкая грязь', *мәшкә / бәшмәк* 'гриб, грибы', *йәтмә* 'невод', *шамбы* 'налим', *шәшке* 'норка' и др.

Далее будет дано историко-этимологическое описание некоторых лексических заимствований из удмуртского языка, употребляемых в курмантауском говоре среднего диалекта татарского языка.

Лапас, как и в тат. лит., 'хозяйственная постройка, открытая с одной или двух сторон, с плоской или с чуть наклоном крыши для хранения сена, соломы на ней и предметов упряжи, экипажа, для укрытия скота от ветра и дождя, снега'. *Лапас* может стоять отдельно или рядом с *абзар* 'теплым хлебом'. В татарских говорах встречаются и другие фонетические и семантические варианты этого слова: пермском *лапас* 'деревянная мышеловка', мензелинском, стерлитамакском *лапас* 'любой вид хлеба, но не срубный', сергачском *лапаш*, *ләпәш* 'абзар, лабаз с плоской крышей' [4, с. 453-454]. Ср.: в удмуртском *лапас*, его диалектах *лабас* 'навес', 'сарай', 'лабаз' [10, с. 250, 252]; мокшанском *лапаз* 'навес, крыша', 'шалаш', 'полка для посуды', *лапаскя* 'насед'; луп- эрзянском *лупоньбря* 'настил (под потолком в амбаре)', а также *лоб-* в коми *лобӧс* 'кладовая при охотничьей избышке'; коми *лобос* 'шалаш, балаган'; марийском *леваш*, *лепас*, 'навес, крыша, кровля', 'покрышка', 'покрывало, одеяло' [8, с. 79; 7, с. 67].

Пилмин – лит. *пилмән* 'пельмень, пельмени'. В татарских говорах используются и другие фонетические варианты: мордва.-каратаевском *пирмин / пилмин*, мелекесском, тарханском *пирмин*, параньгинском *пирмәнке*, чистопольском, мамадышском *пирмән*, лаишевском *пирмәнкә*, тоболо-иртышевском *шөшпәрә / шөшпүрә*, тарском *пилминкә* 'пельмени', байкибашевском *ит пилмин*, чистопольском *казан пилмине* 'пельмени мясные' [2, с. 132; 4, с. 790]. Ср.: байкибашевском *пилмин* 'пирожок', параньгинском *примәнке*, лаишевском *пирмәнкә* 'фрикадельки из фарша', чистопольском 'пирожок' [4, с. 531, 533, 736]. Чувашском *пельмень / хуран кукӑле*, башкирском *билмән* [12; 3, с. 144].

По мнению М. Ш. Фасмера и А. Е. Аникина, рус. *пельмень* 'род вареников, начиненных мясом; иногда рыбой, капустой, грибами, редькой' является заимствованием из финно-угорских языков [11, с. 230; 1, с. 440].

В татарском языке это слово тоже считается заимствованным из удмуртского языка. Ср.: удмуртском *пельнянь* (*пель* – 'ухо', *нянь* 'хлеб') – 'пельмени', его диалектах 'пирог' [10, с. 331, 337].

Туйыз / туйыс 'береста, берёстовый'. Литературный вариант – *туз*. Данное слово в тюркских языках считается заимствованием из коми и удмуртского языков. Пермском, турбаслинском, мензелинском говорах *туйыз* 'береста', башкирском диалекте *туйыз* 'кузов', 'береста', 'туесок из бересты' от коми *тойис* 'туесок', удмуртском *туй* 'береста, берестяной' [4, с. 654; 3, с. 335; 9, с. 168].

В русском *туес* 'коробка из бересты с деревянной крышкой для яиц, молока, муки, грибов, ягод' из коми *tujes, tujis*, удмуртского *tuji* тж. [10, с. 426].

По мнению А.Е. Аникина, манс. *tujis* 'круглый короб из березовой коры, туесок', хантыйском *tujes, tujaskä, tajakä* 'туес, берестяной короб', 'табакерка', якутском *tūjas* 'туес с крышкой, берестяной бурак, кузов', коми *tujis* 'бурак' заимствованы из русского *туес*,

который восходит к древнекоми *tojis* 'туес' < о.перм. *tojis* < уралск. *tojə* 'береста'. Ср.: финском *tujainen* 'маленькая фляга из бересты', удмуртском *туй* 'береста' [1, с. 618-619].

Ылыс 'хвоя; ветка'. Из других тюркских языков встречается только в языках Урало-Поволжья: башкирском диалекте 'водяной мох', 'иней', *ылысгөл* 'аспарагус'; чувашском *лăсă*, *лăс* 'ветка (с листьями, хвоей)', 'лапа (хвойная), лапник, молодой побег', 'ветвистый, развесистый, разлапистый, густолиственный', 'хвоя', 'мочка корня, нитевидные корешки, ворсинки, волоски', 'связка мочка (волокна)', 'густой, лохматый' [3, с. 405; 12, с. 214].

И.И. Насипов, опираясь на достоверные источники, отмечает, что данное слово является финно-угорским заимствованием: в удмуртском *лыс* 'хвоя, ветка'; марийском *лусь*, коми *лыс* 'хвоя' [10, с. 266; 7, с. 172].

Таким образом, выяснено использование некоторых вышеперечисленных удмуртских заимствований в курмантауском говоре среднего диалекта татарского языка. Количество удмуртских слов, проникших в татарский язык и его говоры, по сравнению с татарскими заимствованиями в финно-угорских языках, невелико по объему. Однако эти слова указывают на древние и длительные тесные культурно-экономические связи татар с удмуртами, а также – с марийцами, и мордвой. Поэтому можно утверждать, что удмуртский язык, как и другие финно-угорские языки, оказывал влияние на формирование и обогащение словарного состава татарского литературного языка и его говоров, в т.ч. курмантауского.

Список литературы

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.
2. Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. – Казань: Фикер, 2004. – 160 с.
3. Башкорт теленең диалектологик һүзлеге. – Уфа: Китап, 2002. – 432 б.
4. Большой диалектологический словарь татарского языка. – Казань: Тат. книжн. изд., 2009. – 839 с.
5. Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». – Казань, 2013. – 240 с.
6. Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. – Казань: Изд. «Магариф-Вакыт», 2016. – 384 с.
7. Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. – Казань, 2009. – 236 с.
8. Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 235 с.
9. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.
10. Удмуртско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1983. – 591 с.
11. Фасмер М.Ш. Этимологический словарь русского языка. – М: Прогресс, 1986. Т. III. – 831 с.
12. Чувашско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.

10.02.19

¹А.В. Гусейнова канд. филол. наук, ²А.П. Лопсан

¹Хакасский государственный университет имени Н.Ф.Катанова,
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Абакан, aurika_guseynova@mail.ru,

²Тувинский государственный университет,
кафедра иностранных языков,
Кызыл, lopsan121286@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ БОГА В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА

Статья посвящена исследованию особенностей теонимии в текстах Нового Завета на хакасском и тувинском языках. Проведенный анализ позволил установить, что основные значения теонимов в исследуемых текстах - это собственно, Бог; Господин, Повелитель; Творец, Создатель; Высшая Сила, обладающая абсолютным могуществом.

Ключевые слова: *Новый Завет, хакасский язык, тувинский язык, теонимия, номинация.*

По мнению учёных, «перевод Библии представляет собой один из оригинальных способов не только сохранения языка, но и его документирования» [1, с. 7], что актуализирует научные исследования библейских текстов, переведенных на миноритарные языки. Целью данной статьи является изучение особенностей теонимии в текстах Нового Завета на хакасском и тувинском языках.

Согласно определению Н.В. Подольской, «теоним – собственное имя божества в любом пантеоне» [5, с. 131], однако как отмечает М.А. Соломонов, «различные номинации Бога воспринимаются как теонимы, если они закрепились в таком качестве в сознании верующего» [6, с. 8]. Следовательно, такие обозначения Высшей Силы как *Господь, Всевышний, Творец* и др., не являясь именами собственными, могут при этом рассматриваться как теонимы и составляют объект настоящего исследования.

Для перевода слова *Бог* и обращения к Нему в хакасском тексте Нового Завета используется слово *Худай* (уст. религ. Бог, божество [9, с. 857]), в тувинском – *Бурган* (Бог, божество // божий, божественный [8]):

Блаженны чистые сердцем, ибо они *Бога* узрят (Мф. 5:8):

Часкалыглар арыҥ чүректіглер, олар *Худайны* көрөрлер! (хак.).

Арыҥ чүректиглер амыр-чыргалдыг, чүге дээрге *Бурганны* көөрлер (тув.).

Другое распространенное обозначение Бога – *Господь*. В хакасском языке значение власти Бога над людьми передаётся общетюркским словом *Хан* «хан; царь; владыка; князь» [8, с. 797], которое в сочетании с вышеупомянутым *Худай* переводится как *Господь* или *Господь Бог*:

Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи (Мф. 4:10) –Позыңның *Хан Худайыңа* пазыр паза Аның на нымысчызы пол.

Что же касается тувинского текста, то в нем используются конструкции *Дээрги-Чаяакчы* либо *Дээрги-Бурган-Чаяакчы*:

Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4:7) – Иисус аңаа: «Бижилгеде оон ыңай: „*Дээрги-Чаяакчы Бурганыңны* шеневе!“ – деп база чарлык болган болгай » – деп харыылаан.

Л.С. Мижит, один из переводчиков Библии на тувинский язык, разъясняет это следующим образом: «В Библии на тувинском языке «Господь Бог» и «Творец» переведены как *Дээрги-Бурган-Чаяакчы* и *Дээрги-Чаяакчы*. Архаичное слово *дээрги* буквально означает ‘господин’. Это традиционное тувинское обращение к людям, облеченным властью, — князьям и

чиновникам. По отношению к Богу данное слово применяется впервые. Слово *Бурган* буквально означает 'Бог', слово *Чаяакчы* означает 'Творец'. Таким образом, *Дээрги-Бурган-Чаяакчы* буквально означает 'Господин-Бог-Творец', *Дээрги-Чаяакчы* — 'Господин-Творец'» [4, с. 145]. Следует отметить, что в Тувинско-русском электронном словаре *Бурган* переводится не только как «Бог, божество», но имеет и второе значение: «бурхан, идол, икона» [8], то есть включает и языческие коннотации. Согласно Древнетюркскому словарю, это слово, заимствованное из китайского языка, имело значения «будда; посланник, вестник, пророк; бурхан, идол», а также обозначало собственное имя Будды – основателя буддистского учения [2, с. 127]. Б.И. Татаринцев считает вполне закономерным толкование «*бурган*... в монгольских языках как заимствование из древнеуйгурский буддийской терминологии» [7, с. 295]. Именно по причине ассоциаций слова *Бурган* с буддизмом понадобилось создание сложного теонима *Дээрги-(Бурган)-Чаяакчы*: «Такой перевод был принят переводчиком и верующими для того, чтобы отделить Бога иудео-христианской традиции от Бога древней тувинской традиции. Особенно это касалось слова *Бурган*, которое было неправильно понято некоторыми современными тувинцами как слово, имеющее отношение к буддизму» [4, с. 145].

Следует отметить, что хакасское *Хан Худай* и тувинское *Дээрги-(Бурган)-Чаяакчы* в значении *Господь (Бог)* употребляется только по отношению к Первому Лицу Святой Троицы – Богу Отцу. При этом в Новом Завете словом *Господь* именуется и Второе Лицо Святой Троицы – Иисус Христос. Для Его именования в хакасском тексте Нового Завета используется слово *Хан-ниг* (ист. правитель, владыка, глава [9, с. 799]), а в тувинском – *Дээрги* (господин [8]):

Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это *Господь* (Ин. 21:7):

Андада Иисустың хынчан үгрөнчизи Пётрга чоохтанган: Пу *Хан-нигибис!* (хак.).

Иисустуң онза ынак өөреникчизи ынчан Пётрга: «*Дээргивис* ол-дур!» – дээн (тув.).

Возможно, причиной выбора именно этих языковых единиц является то, что в евангельских текстах, написанных апостолами, идёт повествование о земной жизни Иисуса Христа, а Сам Он предстаёт перед людьми в первую очередь как Учитель, а не как Абсолют и Высшая Сила – отсюда и «земное» обращение «Господин» или «Владыка» по отношению к Нему.

Как отмечает М.А. Соломонов, «увеличение корпуса теонимов осуществляется с помощью целого ряда приёмов, в том числе за счет принципа метафорического переноса. Основой для номинации становятся предполагаемые свойства божества: *Безгрешный*, *Бессмертный* (строящиеся на отрицании присущих человеку свойств) или *Всемиловитый*, *Вседержитель* (указывающие на абсолютную, исключительную полноту признака)» [6, с. 8]. Анализ теонимической лексики в текстах Нового Завета на хакасском и тувинском языках позволил выявить некоторые особенности перевода номинаций второй группы (*Всевышний*, *Вседержитель*).

Теоним *Всевышний* переводится на тувинский язык как *Дээди Өрүкү* (*Верхний Высший*), где значение абсолютной полноты признака достигается сочетанием разнокорневых синонимов. В хакасском языке *Всевышний* – *Өөркі Чайаачы* (*Верховный Творец*):

И ты, младенец, наречешься пророком *Всевышнего* (Лк. 1:76):

Че син, палам, *Өөркі Чайаачының* ухаанчызы тіп адаларзың (хак.).

А сен, чаш оглум, *Дээди Өрүкүнүң* медээчизи деп адаттырар сен (тув.).

Для перевода теонима *Вседержитель* переводчикам Нового Завета на хакасский и тувинский языки потребовалось создать сложные конструкции, передающие значение исключительной силы и мощи Бога:

Свят, свят, свят *Господь Бог Вседержитель*, Который был, есть и грядет (Откр. 4:8):

Ах-арыҥ, ах-арыҥ, ах-арыҥ *өөркі Чайаачы*, *Прай нимеден күстиг Худай!* Ол полган, пар паза килер! (хак.).

Черле турган, ам бар, оон чедип кээр *Бүрүн Күчүлүг Дээрги-Бурган-Чаяакчы* ыдык, ыдык, ыдык! (тув.).

Дословно *öörki Čaiyaachy, Pray nimedeş küstig Xuday* переводится с хакасского как *Верховный Творец, Всемогущий (Всесильный) Бог; Бүрүн Күчүлүг Дээрги-Бурган-Чаяакчы* в переводе с тувинского – *Всемогущий (Всесильный) Господь-Бог-Творец*. Таким образом, теоним *Вседержитель*, происходящий от греческого *Пантократор* (пантокрáтор – всевластный, всесильный, всемогущий) переводится на тюркские языки Сибири с помощью словосочетаний, в основе которых лежит указание на абсолютную божественную силу и мощь.

Ещё один теоним, встречающийся в тексте Нового Завета – *Господь Саваоф* (Иак. 5:4; Рим. 9:29). По словам протоиерея Александра Меня, «словосочетание «Господь Саваоф»... может быть переведено как «Господь, Вождь воинств», или «Господь, Владыка воинств». Первоначально смысл слова Саваоф был связан с идеей битвы, которую Бог ведет против сил тьмы... В более поздний период под «воинством» стали подразумевать небесные светила и ангельский мир. Таким образом, слово «Господь Саваоф» было переосмыслено и приобрело значение “Вседержитель”, “Властелин Вселенной”» [3]. Интересно отметить, что хакасский перевод теонима *Господь Саваоф – прайзынаң күстіг Хан Худай – Всесильный Господь Бог* практически совпадает с рассмотренным выше *Вседержителем*. В тувинском же переводе *Господь Саваоф* звучит как *Аг-шериглиг Дээрги-Чаяакчы – Белого войска Господин-Творец*, то есть в нём сохраняется понимание Бога как Вождя войска ангелов.

Таким образом, для именования Бога в хакасском и тувинском переводах Нового Завета используются теонимы с такими значениями, как, собственно, Бог (*Худай/Бурган*); Господин, имеющий власть над человеком (*Хан-ниг/Дээрги*); Творец, Создатель (*Öörki Čaiyaachy/Дээрги-Чаяакчы*); Высшая Сила, обладающая абсолютным могуществом (*Прай нимедеш күстіг Худай/ Бүрүн Күчүлүг Дээрги-Бурган-Чаяакчы*). Кроме того, в тувинском переводе Бог именуется и Вождём ангельского воинства (*Аг-шериглиг Дээрги-Чаяакчы*).

Список литературы

1. *Гадилия К.Т.* Предисловие // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения / отв. ред. К.Т. Гадилия. М.: Институт перевода Библии, 2010. 382 с.
2. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 677 с.
3. *Мень А.* Библиологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/men-aleksandr-protoiery/bibliologicheskij-slovar/chitat/>
4. *Мижит Л.С.* Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык: лингвистический журнал. 2016. № 1 (4). С. 141-155.
5. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. 201 с.
6. *Соломонов М.А.* Христианский теоним в структуре фольклорного текста (на материале прикамских духовных стихов). Автореферат дисс... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 21 с.
7. *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с. (Т. I: А – Б).
8. Тувинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian.htm>
9. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

10.02.19

Н.В. Егоршина д-р филол. наук

Военный Университет Министерства обороны,
Кафедра языкознания и литературы,
egorshina.n@mail.ru

ДИСКУРС ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Статья посвящена жанру эпидейктической речи на примере текста официального поздравления Министра обороны Российской Федерации с 23 февраля, обращенного к служащим Вооруженных Сил, ветеранам боевых действий и военной службы. Проанализирована структура дискурса выступления, рассмотрены его особенности с точки зрения взаимодействия с целевой аудиторией и коммуникативной ситуацией. Текст эпидейктической речи рассмотрен с точки зрения структуры макрокогезии, выявлены сходства и различия текстов и сделаны выводы об их прагматических характеристиках.

Ключевые слова: *дискурс, военная журналистика, текст, эпидейктическая речь, лидер, адресант.*

Эпидейктическая речь, рассчитанная на целевую аудиторию военнослужащих и ветеранов боевых действий, имеет определенную специфику. Для выявления специфики такого вида дискурса были выбраны три текста – поздравления с 23 февраля, приуроченные к юбилеям Красной Армии. В новейшей истории России такие поздравления звучали в 1998 году (80-летний юбилей), 2008 году (90-летний юбилей) и в 2018 году (100-летний юбилей).

Официальным органом печати Вооруженных Сил Российской Федерации является газета «Красная звезда» [1], в которой публикуются обращения к служащим от имени Министра обороны и других официальных лиц. Именно на страницах этой газеты были опубликованы поздравительные речи, встроенные в текст официального приказа Министерства обороны.

Структура эпидейктического дискурса трех выбранных поздравлений имеет ряд общих черт, к которым относится, в первую очередь, объединение в рамках текста обращения к славному прошлому и к героическому настоящему Вооруженных Сил Российской Федерации.

Типовая структура макрокогезии эпидейктической речи содержит вариант хронологического развертывания текста [3, 156], обычно предполагающий отсылку к прошлому, настоящему и будущему. Интересно, что во всех трех вариантах поздравления с юбилеем смысловая диада «прошлое – настоящее» повторяется несколько раз. Например, в поздравлении от 1998 года:

«Народная память бережно хранит подвиги и славу многих поколений защитников Отечества – от ратников Александра Невского до героев Великой Отечественной войны и тех, кто выполнял свой воинский долг в Афганистане и других «горячих точках».

Лучшие традиции российского воинства достойно наследуют и продолжают воины Вооруженных Сил Российской Федерации. Несмотря на трудности нашего времени, они стойко и мужественно несут нелегкую, но почетную военную службу, честно выполняют свой воинский и патриотический долг по защите национальной безопасности России, ее государственных интересов» [1].

Практически тот же смысл вложен и в связку «прошлое – настоящее» спустя десять лет, в 2008 году:

«История России богата примерами доблести и отваги, стойкости духа и любви к Родине представителей многих поколений своих защитников. Все это не могло не сказаться на формировании национального характера, отношении народа к военной службе, уважении россиян к ратному труду.

По сложившейся традиции наша страна в этот день склоняет голову перед памятью героев, отдавших жизнь в боях за Родину, чествует ветеранов Великой Отечественной войны, боевых действий и военной службы, вносящих неоценимый вклад в поддержание престижа военной службы и патриотическое воспитание молодежи.

Лучшие традиции российского воинства достойно наследуют и продолжают воины Вооруженных Сил Российской Федерации. Они добросовестно выполняют свой воинский долг, постоянно овладевают военными профессиональными знаниями, совершенствуют свою выучку и воинское мастерство, осваивают новые образцы вооружения и военной техники и с честью несут нелегкую службу по защите государственных интересов России и обеспечению ее безопасности» [1].

Тот же смысловой ход представлен и в тексте 2018 года, однако следует отметить некие расхождения в решении этой схемы макрокогезии с содержательной точки зрения. В 1998 году текст включает в себя упоминание ратников Александра Невского и ветеранов Великой Отечественной войны, а также войны в Афганистане. В 2008 году из конкретных событий упоминается только Великая Отечественная война. Текст 2018 года включает в себя упоминания Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Полтавского сражения, Бородинской битвы и, конечно, Великой Отечественной войны [1]. Семантической доминантой текста 2018 года, таким образом, становится связь современных военнослужащих с последовательно перечисленными победами русского, российского и советского войска. Для 2008 года такой семантической доминантой является общий вклад в формирование национального самосознания и русского характера, а для 1998 – связь как с далеким прошлым (ратники Александра Невского), так и с относительно недавними событиями, ветераны которых еще живы (война в Афганистане, Великая Отечественная война).

Иными словами, адресатами текста 2018 года являются в большей степени современные военнослужащие, для которых автор демонстрирует хронологическую последовательность победоносных сражений, как бы встраивая сегодняшнего солдата и офицера в этот ряд. При этом внимание акцентировано именно на освобождении Родины от захватчиков и на борьбе с внешним врагом. В 2008 году политическая обстановка несколько иная (например, еще не введены антироссийские санкции), что подразумевает акцентирование внимания на патриотизме как таковом и положительных качествах русского характера. 1998 год отмечен нестабильностью в самих Вооруженных Силах (что отражено в тексте поздравления), а также акцентированием роли ветеранов – на тот момент живых наставников, с которыми многие бойцы могли непосредственно общаться.

Тексты всех трех поздравлений по случаю юбилея отмечены также высокой концентрацией неизосемической лексики, что согласуется с нормами официально-делового стиля [4, 38], однако доля неизосемических слов в поздравлениях неодинакова. Наиболее неизосемичным является текст 2008 года (курсив наш – Н.Е.):

«Этот поистине всенародный праздник олицетворяет неразрывную связь поколений и преемственность ратных традиций, воплощает в себе самоотверженное служение Отечеству и признание великих заслуг российского воинства перед государством» [1].

Наименьшая концентрация неизосемических единиц отмечена в тексте 2018 года, что объяснимо с политической точки зрения. В 2008 году министром обороны был Анатолий Эдуардович Сердюков – гражданский министр обороны, экономист, политик и государственный деятель, не являвшийся к моменту назначения военным. Восприятие его как чиновника предопределило координаты коммуникативной ситуации, в которой было более уместно акцентировать черты официально-делового стиля.

Важным отличием поздравления 1998 года от двух других текстов является также официальная публикация обращения Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина к служащим и ветеранам [1]. Это обращение не дублирует текст приказа и публикуется отдельно как личное поздравление президента. Текст, опубликованный в «Красной Звезде», представляет собой радиообращение Ельцина от 20

февраля 1998 года, накануне праздника. В речи Президента использован та же структура макрокогезии, что и в официальном тексте приказа Министерства обороны – описание славного прошлого российской армии, связанного с его настоящим. Знаковым является сам факт публикации такого обращения, визуально представляющего собой первый текст, к которому обращается взгляд читающего. Текст приказа опубликован ниже, не снабжен ярким заголовком и зрительно воспринимается читателем как «постскриптум» к речи Президента.

В 2008 году и в 2018 году официальное обращение Президента по случаю 23 февраля уже не публиковалось. Как нам представляется, коммуникативный смысл указанного различия в следующем. Б.Н. Ельцин являлся так называемым «харизматическим» лидером [2, 45 – 46], и для него был чрезвычайно важен непосредственный контакт с аудиторией. Риторика президента предполагала живое общение с любыми категориями слушателей, выход «за рамки» протокола, что выражалось на всех уровнях политической коммуникации.

В 2008 году и в 2018 году Президентом Российской Федерации являлся В.В. Путин, в дискурсе которого преобладают черты «монархического» лидера [2, 56]. Официальный дискурс является основным инструментом общения монархического лидера с его аудиторией, что также проявляется на всех коммуникативных уровнях. Лидер харизматического типа отчасти противопоставляет себя официальному государству и органам власти – даже будучи, по факту, первым лицом страны, он как бы не совсем является частью государственного аппарата. Лидер монархического типа, напротив, является главой государства в полном смысле этого слова, не противопоставляя себя государственному аппарату и не отделяя себя от него. Именно поэтому в 1998 году в официальном печатном органе Вооруженных Сил Российской Федерации представлено два отдельных поздравления – «от президента» и «от государства», а в 2008 и в 2018 публикуется один официальный текст, который одновременно воплощает собой и текст «от президента», и текст «от государства».

Таким образом, анализ дискурса эпидейктической речи, взятой на примере одинаковых условий (памятная дата, десятилетний юбилей, всенародно отмечаемый праздник), показал, что при сохранении общей канвы макрокогезии тексты имеют значительные семиотические различия, обусловленные рядом факторов: политической обстановкой в стране и в мире, позиционированием лидеров государства и взаимоотношениями между различными органами власти.

Список литературы

1. Красная звезда // Режим доступа <http://redstar.ru/>
2. Михальская А.К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике – М.: Academia, 1996. – 196 с.
3. Шуйская Ю.В. Структура эпидейктической речи (на примере нобелевских речей лауреатов премии по литературе и премии мира) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). С. 156-158.
4. Шуйская Ю.В. Типовая структура приветственной речи. // Риторика. Семиотика. Языкознание. – М.: Добросвет, Городец, 2016. – С. 33 – 43.

10.02.19

М.А. Косарик д-р филол. наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра романского языкознания,
Москва, olissipo@yandex.ru

МИССИОНЕРСКАЯ ГРАММАТИКА А.А. БОБРОВНИКОВА 1849 Г. В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье на примере «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А.А. Бобровникова подчеркивается роль миссионерской традиции в становлении интереса к проблематике дискурса задолго до ее теоретической разработки. В связи с этим затрагивается вопрос о необходимости большего внимания лингвистической историографии к этой теме.

Ключевые слова: *лингвистическая историография, грамматикография, миссионерские грамматики, дискурс.*

В этом году исполняется 170 лет изданной в Казани «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А.А. Бобровникова. Важная ее черта – внимание к вопросам дискурса, не частое в сочинениях до, XX в., но встречающееся в некоторых миссионерских грамматиках.

Миссионерская лингвистика, утвердившаяся в эпоху Возрождения, на раннем этапе Великих географических открытий с появлением первых испанских и португальских грамматик языков Америки, Азии, Африки и Океании, внесла вклад в зарождение и разработку важнейших научных понятий и принципов описания языка. Для ренессансных грамматистов моделью служит античный канон, на его основе, вслед за первыми описаниями романских языков, создаются грамматики множества языков ранее не известных европейской лингвистике типов (агглютинирующих, изолирующих, инкорпорирующих). В практике этого описания грамматический канон, претерпев существенные модификации, переосмысливается, превращаясь в модель описания любого языка, ЯЗЫКА вообще, что повлияло на утверждение идей универсальной грамматики, универсального языка и на зарождение лингвистической типологии [11]. Поэтому в лингвистической историографии миссионерские грамматики изучаются преимущественно с позиций влияния на них универсальной грамматики (отсюда обязательное сопоставление их с грамматикой Пор-Рояля). Но миссионерские сочинения имеют и другое, не менее важное, значение для истории языкознания, помогая увидеть, как в описаниях, создающихся в чисто практических целях, проявляется внимание к проблематике дискурса и коммуникации. Изучение памятников показывает, что эта проблематика уже с XVI в. появляется в отдельных миссионерских грамматиках, в частности, португальских [3], [10]. Тенденция эта сохраняется вплоть до теоретической разработки вопросов дискурса и коммуникативной грамматики в XX в. Лингвистическая историография не уделяет пока должного внимания этой теме, хотя анализ миссионерских грамматик дает обширный материал для изучения ранних этапов формирования проблематики дискурса, для понимания причин зарождения самого принципа коммуникативной грамматики [13], [12], [3], [10]. Разумеется, в этом процессе участвовали разные национальные лингвистические школы, и российская миссионерская лингвистика занимает в нем существенное место, что показывает, в частности, грамматика А.А. Бобровникова 1849 г.

В многостороннем ее анализе в монографии В.Э. Раднаева [6, 58-159] 1) представлен научный и социокультурный контекст создания грамматики Бобровникова; 2) анализируется влияние на нее грамматики Пор-Рояля: исследователь пишет о структуре грамматики, принципах выделения и категориях частей речи; 3) грамматика 1849 г. ставится в контекст

развития монголоведения. Подчеркивается практическая направленность грамматики, хотя проблематика дискурса не затрагивается. Это нельзя рассматривать как замечание к конкретному исследованию, поскольку такое положение характерно для лингвистической историографии в целом.

А.А. Бобровников начал работу над грамматикой монгольско-калмыцкого языка, еще будучи студентом. Знание монгольской историко-филологической и европейской лингвистической традиций, полученное во время учебы в Иркутской семинарии, в Духовной академии в Казани, а также в ходе занятий монгольскими языками и буддийской философией у крупнейшего востоковеда, профессора Казанского университета О.М. Ковалевского, сочеталось у Бобровникова с владением с детства одним из монгольских языков (бурятским) и практикой в живой калмыцкой речи (см. [4], [6], [8]). Широкая теоретическая и практическая подготовка обеспечила основу для создания грамматики, представившей не только калмыцкую языковую систему, но и некоторые аспекты ее функционирования в условиях реальной коммуникации, что явилось важной новаторской чертой сочинения Бобровникова. Автор эксплицирует намерение создать пособие, которое должно было готовить к овладению речью: «я имел в виду для изучающих монгольский язык доставить такое пособие, которое открыло бы им настоящее значение монгольского письма и облегчило бы переход от языка книжного к разумению живой речи» [1, VI]. Описывая формы и их функционирование, Бобровников очень часто пишет об употреблении, характерных для «разговорного языка».

Обращению автора к проблематике дискурса способствуют особенности грамматической системы описываемого языка. Для калмыцкого как одного из монгольских языков характерно обязательное выражение в высказывании множества модальных оттенков, разных их степеней и, соответственно, разнообразие форм, частиц (в работах по монгольским языкам используются различные термины для обозначения маркеров модальных оттенков и их степеней: наращения, показатели, аффиксы, суффиксы, морфемы, алломорфы, форманты), употребляемых в разных контекстуальных условиях: наличие / отсутствие различных оборотов утверждения либо отрицания, усилительно-наречных, модальных слов, отражающих разные степени категоричности / некатегоричности, уверенности / неуверенности, смягчения / усиления, желания / нежелания, возможности / невозможности, предположения, с учетом точек зрения говорящего или собеседника, наличия в высказывании глаголов восприятия, указания на источник информации и т. д. [2], [5], [7], [9].

Внимание Бобровникова к проблематике дискурса явственно просматривается в описании глагола. «О залогах. В монгольско-калмыцком языке от залога действительного или среднего – по значению, через наращение известных частиц происходят залоги: причиняющий, страдательный, взаимный, учаственный, учащательный <...> Причиняющие (иначе называемые переносными, принуждающими, препоручательными и понудительными) глаголы имеют два значения: заставить кого-нибудь или позволить кому-нибудь что-нибудь сделать» [1, 123-124]. Описывая образование форм, позиционные варианты формантов, Бобровников отмечает случаи функционально-стилистического варьирования: «Если корень кончится на гласные, принимающие *удан*, часто вместо предыдущего наращения придают к корню в мон[гольском] *iā* <...>, в калмыцком и разговорном монгольском – *удан*» [1, 124]. Представление «побудительных форм» в грамматике Бобровникова отражает характерное свойство калмыцкого – богатую систему глагольных форм, выражающих виды императивных и смежных с ними значений. Автор выделяет типы побуждения: повеление, просьбу или желание, описывает многочисленные показатели («наращения») этих значений, употребление «наращений» определяется различными контекстуальными условиями. Бобровников описывает, в частности, средства передачи оттенков значения гортатива, юссива, отмечает случаи, позиционного и функционально-стилистического варьирования «наращений», регулярно указывая на принадлежность маркеров к языку «книжному» или «разговорному», приводит формы, выбор которых обусловлен речевым этикетом.

«Побуждение кого-нибудь к выполнению чего-нибудь может иметь или вид повеления, или просьбы, или желания» [1, с. 130]. «Множественное число повелительной формы второго лица образуется от предыдущей через наращение *ктун* <...>. Прим[ечание]. В разговорном языке вместо *ктун* наращивают *ктуй* или *тун*» [1, 130]. «Повелительная форма третьего лица образуется через наращение к корню *тугай*, *түгэй*, для обоих чисел. <...>. В разговорном языке вместо этого наращения большею частью употребляют *и*» [1, 132]. «Повелительной форма первого лица единств. числа, (показывающая намерение, решимость) образуется через наращение в книж[ном]. *сугай*, *сүгэй*, в раз[говорном]. *су*, *сү*». [1, 132]. «Повелительная форма первого лица множественного числа (означающая приглашение с собою других или обещание за себя и за других) образуется через наращение <...>» [1, 132]. «Форма просительная образуется через наращение к корню удана или мягкого придыхания <...>. Без местоимений <...> эта форма не употребляется. Прим[ечание]. В книжном языке и в разговорном, когда обращаются с просьбою к высшим лицам, вместо этой простонародной формы прибегают для смягчения повелительной формы к разным почтительным фразам. Напр[имер] <...> *соблаговоли взять* <...>, *благодарно выслушай*» [1, 133]. «Форма желательная образуется через наращение <...>. *я желал бы прийти, я желал бы, чтобы ты, он, мы, вы, они пришли*» [1, 133].

Обращение к грамматике монгольско-калмыцкого языка казанского автора XIX в. подводит историка к мысли, сходной с той, которую вызывает анализ памятников начального этапа миссионерской лингвистики: современное языкознание, с его интересом к дискурсу, к коммуникативной грамматике, ставит перед лингвистической историографией задачу уяснения истоков этой проблематики в науке о языке. Сочинение Бобровникова служит еще одним подтверждением гипотезы о длительном этапе зарождения и становления лингвистических понятий в практике описания языка, предшествующем теоретическому осмыслению этих понятий в лингвистической теории.

Список литературы

1. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка / А.А. Бобровников. — Казань: В университетской типографии, 1849. — 416 с.
2. Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология / Под ред. Г.Д. Санжеева. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. — 336 с.
3. Косарик М.А. У истоков идей проблематики дискурса и функциональной грамматики. Первые описания языков Бразилии и Индии (Аншьета 1595, Фигейра 1621, Эштеван 1640), первая грамматика португальского языка как иностранного (Переира 1672) // *Stephanos*. — 2016. — № 5(19). — С. 9–25.
4. Полянская О.Н. Преподаватели синодальных учебных заведений России у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822–1865). // *Гуманитарный вектор*. — 2015. — № 3 (43). — С. 126–132.
5. Пюрбеев Г.Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // *Вопросы языкознания*. — 1981. — № 5. — С. 5–30.
6. Раднаев В.Э. Монгольское языкознание в России в первой половине XIX в.: проблемы наследия. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2012. — 392 с.
7. Сай С.С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Исследования по грамматике калмыцкого языка. С.662-709 // *Исследования по грамматике калмыцкого языка* / под ред. С.С. Сай, В.В. Барановой, Н.В. Сердобольской. Санкт-Петербург: Наука, 2009. — С. 622–709.
8. Успенский В.Л. Монголоведение в Казанской Духовной Академии // *Mongolica*. Из архивов отечественных монголоведов XIX–начала XX вв. — Санкт-Петербург: Институт восточных рукописей РАН, 1994. — С. 11–17.
9. *Языки мира*. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / под ред. В.М. Алпатова, И.В. Кормушина, Г.Ц. Пюрбеева, О.И. Романова. — Москва: ИЯ РАН, Издательство «Индрик», 1997. — 408 с.

10. *Kosarik M.A.* Na nascente das ideias do discurso, da gramática funcional comunicativa – obras missionárias (J. de Anchieta, L. Figueira, T. Estêvão, B. Pereira) // *CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa.* — 2016. — № 51. — P. 22–43.
11. *Kossarik M.* Amplificação dos fins da descrição da língua como fator da evolução do cânone gramatical (do cânone único à diversificação de tipos da descrição gramatical – obras portuguesas dos séculos xvi e xvii) // *Atti del XXVIII Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza* (Roma, 18-23 luglio 2016). — Vol. 2. / ed. by R. Antonelli, M. Glessgen, P. Videsott. — Strasbourg: Éditions de linguistique et de philologie, 2018. — P. 1672–1682.
12. *Winkler P.* The Birth of Functional Grammar in the ‘Austronesian School’ of Missionary Linguistics. // *Zwartjes G., Ridruejo Alonso J.E.* (eds.). *Lingüística Misionera III. Vol. III. Morphology and Syntax. Selected papers from the Third and Fourth International Conferences on Missionary Linguistics.* Hong Kong; Macau, 12–15 March 2005, Valladolid, 8–11 March 2006. — Amsterdam: J. Benjamins, 2007. — p. 329–344.
13. *Zwartjes O.* The Historiography of Missionary Linguistics. Present state and further research opportunities. // *Historiographia Linguistica XXXIX, 2/3.* — Amsterdam: J. John Benjamins Publishing, 2012. — p. 185–242.

10.02.19

Е.М. Куулар канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра тувинской филологии и общего языкознания,
Кызыл, kuular-e-m@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье рассматриваются морфологические показатели залога как лексико-грамматической категории, отражающей субъектно-объектные отношения предложения. Цель данного исследования заключается в выявлении и сравнительном описании специфических залоговых форм, употребляемых в речи носителей юго-восточного диалекта. Дается краткий анализ диалектных слов в сравнении с современным тувинским литературным языком.

Ключевые слова: *современный тувинский литературный язык, категория залога, объект, субъект, аффикс, юго-восточный диалект.*

Юго-восточный диалект (далее ЮВД) тувинского языка претерпел заметное влияние монгольского языка – халха-монгольских и, отчасти, ойратского говора. Это объясняется тем, что носители юго-восточного диалекта, по сравнению с представителями других диалектов тувинского языка, долгое время находились в тесном контакте с монголами, дошедшем до совместного проживания и этнического смешения.

Также следует отметить, что вышеназванный диалект имеет три говора: тес-хемский, эрзинский и качико-тере-хольский (последний делится на два подговора – качикский и тере-хольский). В свою очередь носители эрзинского говора и качикского подговора ЮВД фактически являются трилингвами: они свободно общаются между собой на монгольском, тувинском и русском языках [3].

Целью настоящей работы является описание особенностей образования и употребления залоговых форм в речи носителей юго-восточного диалекта в сравнении с тувинским литературным языком. Диалектные особенности в области глагола связаны с образованием его форм посредством разных, но близких по значению аффиксов, с употреблением одной грамматической формы вместо другой. Данная проблема в тувиноведении еще не была предметом исследования диалектологов и историков языка. Следовательно, в ней остается много неразрешенных вопросов.

Материалом нашего исследования послужили данные полевых записей, собранные самим автором в научно-исследовательских экспедициях и во время учебной диалектологической практики в период с 1992 г. по настоящее время.

До 80-х годов XX столетия категории залога в тувинском языке были посвящены отдельные статьи. Один из крупных исследователей тувинского языка В.М. Надеяев, исследуя грамматические особенности тувинских залогов, определяя их характеристики, функции и значения, констатировал абсолютную однозначность проявления последних только в синтаксических конструкциях, а именно, в словосочетаниях, в связи с чем, им было введено понятие залоговости [4, с. 4-5].

Наиболее полные сведения о залогах имеются в «Грамматике тувинского языка» Ф.Г. Исхакова, А.А. Пальмбаха [2, с. 272-294], в учебном пособии для вуза «Амгы тыва литературлуг дыл» Ш.Ч. Сата, Е.Б. Салзынмаа [6, с. 153-159].

Позднее, т.е. в 1987 году была защищена кандидатская диссертация К.Б. Доржу (Куулар) по теме «Категория залога в тувинском языке», на основе которой вышла в свет одноименная

монография. По мнению автора, в тувинском языке залог является лексико-грамматической категорией, поскольку «имеет свойства как словообразовательной, так и грамматической категории» [1, с. 29].

Залоги в исследуемом диалекте представлены формами общетюркской системы. По фонетическому облику залоговых аффиксов исследуемый диалект по существу не отличается от тувинского литературного языка. Залоговые аффиксы, присоединяясь к основе глагола, выражают отношения субъекта и объекта. Залогов в рассматриваемом диалекте, как и в тувинском литературном языке и в других диалектах, пять: основной, понудительный, совместно-взаимный, возвратный, страдательный или медиальный [2; 6].

Основной залог не имеет залогообразующих аффиксов, и является так называемой нулевой формой, от которой при помощи различных аффиксов образуются остальные четыре залога [2, с. 273].

Понудительный залог

В тувинском литературном языке понудительный залог образуется при помощи аффиксов *-т-*, *-дыр-*, *-ттыр-* и его фонетических вариантов.

В речи представителей эрзинского и качикско-терехольского говоров употребляются более древние формы этих аффиксов. Нами выявлены следующие аффиксы понудительного залога, редко встречающиеся в тувинском литературном языке и в других диалектах:

1) *-(ы)с-* < *-гыс...*: *аарзыр* < *аары-* + *-с* (видоизменение архаичного аффикса *-гыс* /...) (от *аары-*) лит. *аартыр* 'заставить болеть', *кетсир* < *кет-* + *-ис* (от *кет-*) лит. *кедир* 'заставить надеть', *мунзур* < *мун-* + *-ус* (от *мун-*) лит. *мундур* 'заставить садиться верхом'. В «Грамматике тувинского языка» отмечается, что «в тувинском языке аффикс *-гыс*/... почти полностью вытеснен более продуктивным аффиксом *-тыр*/...» [2, с. 277], однако, наши данные подтверждают обратное. В монографии К.Б. Доржу *-гыс* отнесен к числу мертвых аффиксов [1, с. 99];

2) *-кыр...*: *чыткыр* (от *чит-*) лит. *читтыр* 'заставить лечить', *өткүр* (от *өт-*) лит. *өттүр* 'заставить намочить', *өскүр* (от *өс-*) лит. *өстүр* 'заставить выращивать, растить' и т.д.

В тувинском языке встречаются единичные глаголы понудительного залога с аффиксами *-гар-*, *-кар-*, например, *тынгар* (от *тын-*) лит. *тындыр* 'оживлять'. Отмечается, что в настоящее время в тувинском языке не сохранились *-гар-*, *-кар-* с узкими гласными [1, с. 100], однако, в речи коренного населения эрзинского говора эти непродуктивные аффиксы понудительного залога с узкими гласными встречаются в некоторых глаголах;

3) к основам ряда глаголов могут присоединяться иные (чем в литературном языке и других диалектах) аффиксы понудительного залога, например: *эгдир-* < *эг-* + *-дир-* (от *эг-*) лит. *эгит-* 'заставить возратить, вернуть', *кызыт-* < *кыс-* + *-ыт-* (от *кыс-*) лит. *кыстыр-* 'заставить прикрепить (сережек)', *дирхисит* < *дириг-* + *-ис* + *-ит* (от *диргис-*) лит. *диргистир-* 'вели оживить (корову)'. Таких примеров мало, причина такого употребления пока неясна.

Во время одной из экспедиций мы оказались свидетелями того, что в августе месяце на территории сумона Нарын выпал снег, и жители сумона говорили: *Поок, чүсү чүвээл, харха чахтырыптывыс* 'Ба, что это такое, под снег попали' (букв. позволили выпасть снегу). В данном случае понудительный залог обозначает то, что субъект допускает совершить какое-то действие над ним самим, а реальный деятель выражается дополнением в форме дательного падежа [3, с. 116-117],

Возвратный и совместно-взаимный залоги

В работах предшественников по тувинским залогам отмечается, что к основе глагола могут одновременно присоединиться разные залоговые аффиксы. В тувинском языке возможно сочетание в основном двух, реже нескольких залоговых аффиксов. В таких случаях, по мнению многих специалистов, последний по счёту аффикс придает глаголу основное грамматическое значение и в переводе на русский язык выдвигается на первый план [1, с. 45].

В следующих примерах из речи тере-хольцев к глагольной основе приращиваются аффиксы возвратного и совместно-взаимного залога, использование которого по норме тувинского литературного языка недопустимо: *долха-н-ч-ып турар хат* (от *долга-*) лит. *долганып турар хат* 'букв. вращающийся ветер, т.е. вихрь', *һырла-н-ч-ып турар (ыттар)* (от *ырлан-*) лит. *ырланып турар* 'рычащие (собаки)', *дешкиле-н-ч-ир* (от *дешкиле-*) лит. *дешкилээр* 'резвиться (о молодых животных)'.

В тувинском литературном языке одновременное употребление аффиксов вышеназванных залогов допускается в некоторых глаголах, например: *четтинчир* 'взяться за руки друг друга', *диленчир* 'просить что-либо друг у друга', *азыранчыр* 'помогать друг другу'.

Особенности употребления возвратного залога

Возвратный залог выражает действие, совершаемое данным субъектом для себя или направленное на самого себя, выражается при помощи аффиксов *-н/...*, *-дын/...*, *-ттын/...*. В диалектном отношении отличительной чертой в данном случае являются:

1) вместо *-тын / -ттын* чаще используется аффикс *-н*. При характеристике аффикса *-ттын-* в «Грамматике тувинского языка» отмечается, что «*-ттын-* сочетание понудительно-страдательного *-т-* и возвратного аффикса *-тын-*» и приведен подобный пример со ссылкой на Н.Ф. Катанова: *чодун* (от *чот-*) лит. *чоттун* 'вытираться' [2, с. 286]. Из разговорной речи тере-хольцев нами выявлены следующие глаголы с более древними формообразующими аффиксами: *айтырныр* лит. *айтырттынар* 'узнавать, расспрашивать', *чаңчанмас* лит. *чаңчаттынмас* 'не ругаться, не браниться', *чурунар* лит. *чуруттунар* 'заниматься рисованием', *будунар* лит. *будуттунар* 'краситься', *бишинер* лит. *бижиттинер* 'писать самому, заниматься писанием', *кесинер* лит. *кезиттинер*, *тояаныр* лит. *тояр* 'бродить, странствовать', *чүлүнер* лит. *чүлүттүнер* 'бриться' и т.п. А в монографии К.Б. Доржу отмечена совершенно иная точка зрения: «Многие тувинские глаголы употребляются только с аффиксом *-ттын-*: *бижси – бижиттин-* (форма * *бижси-н-* отсутствует), *чуру – чуруттун-* (**чуру-н-*)...» [1, с. 76].

Такие расхождения в образовании возвратного залога имеются, в единичных случаях, в тоджинском диалекте: *бижин* вм. *бижиттин-* 'писать самому' [8, с. 94] и в тофаларском языке: *чүлүн-* вм. *чүлүттүн-* 'бриться' [5, с. 134].

Как считают Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З., возвратный залог с аффиксом *-н/...* уже существовал в тюркском праязыке [7, с. 201]. В связи с этим можно предположить о том, что в речи носителей тувинских диалектов отдаленных от центра и в тофаларском языке сохранился более древний аффикс возвратного залога;

2) замечено также обратное явление т.е., вместо литературного *-н* в ЮВД используется сложный аффикс *-ттын*: *ажылдаттынар* лит. *ажылданыр* 'работать самому', *артышаттынар* лит. *артыжаныр* 'окуриваться дымом можжевельника', *эмгелеттинер* вм. *эмгеленир* 'прибираться, убираться', *акша дилеттинер* вм. *акша дилээр* 'занять у кого-либо деньги', *аитаттынар* вм. *аитаныр* 'убираться'.

3) в некоторых глагольных основах залоговый аффикс используется там, где его не должно быть в тувинском литературном языке, например, форма возвратного залога употребляется вместо основного: *ажылданып чораан* лит. *ажылдап чораан* 'работал', *чатагланыр* лит. *чадаглаар* 'оставаться пешим, без средств передвижения', *чалпарныр* лит. *чалбарыыр* 'молиться' и т.д. Можно рассмотреть их в составе следующих предложений: *Палыктыг чоргаи, чатахланы пертим* лит. *Балыктыг чорааи, чадаглай бердим* 'Побывав в Балыктыге, остался пешим, т.е. без средств передвижения'. *Тайхаха пархаи, чалпарныр* лит. *Тайгага баргаи, чалбарыыр* 'Приехав в тайгу, нужно молиться'. *Аиитааны уттунар, доңганы уттунмас* лит. *Аиитаанын уттур, доңганын утпас* 'Голод забывается, холод не забывается'.

Данное языковое явление характерно в основном для бытовой речи носителей качикско-терехольского говора. В этих примерах аффикс возвратного залога выражает усиление действия, его интенсивность или повторяемость. Отсутствие возвратного значения в этих глаголах подтверждается возможностью их замены формой основного залога;

4) кроме того, в эрзинском и качикско-терехольском говорах глаголы возвратного залога могут совпадать по форме с глаголами страдательного залога, это свидетельствует о медиально-пассивном значении форм возвратного и страдательного залогов, например, *дуглалыр* лит. *дугланыр* 'закрывать', *хирилгеи* лит. *хирленгеи* 'покрываясь грязью', *кулактаныр* лит. *кулакталыр* 'появляться, всходить (о ростках посевов)'. Примеры в составе предложений: *Ай кулактанырга, чылыыр* (народная примета) лит. *Ай кулакталырга, чылыыр* 'Когда у луны появляются ответвления (типа ушей), будет тепло'. *Хеп хирилгеи, ону чууп тур мен* лит. *Хеп хирленген, ону чуп тур мен* 'Вещи загрязнились, (я) их стираю' [3, с. 118].

Предварительный анализ грамматического материала показывает, что юго-восточный диалект отличается от литературного тувинского языка и от других диалектов употреблением выше указанных залоговых форм. Некоторые из них отмечены в северо-восточном или тоджинском диалекте, также в тофаларском языке. По нашему мнению, употребление этих диалектных форм целесообразно рассматривать отдельно в лингвогеографическом аспекте, поскольку условия их образования и причины появления на юге оказываются различными. Некоторые из них в значительной степени могут быть объяснены влиянием монгольского языка, а также этнолингвистическими факторами.

Список литературы

1. Доржу К.Б. Категория залога в тувинском языке. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2013. – 145 с.
2. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – С. 273-294.
3. Куулар Е.М. Юго-восточный диалект тувинского языка. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2012. – 213 с.
4. Надеяев В.М. Залоговость в тувинском языке // Морфология тюркских языков Сибири. – Новосибирск: издательство Института истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. – С. 3-64.
5. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
6. Сат Ш.Ч., Салзынмаа Е.Б. Амгы тыва литературлуг дыл. – Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1980. – С. 153-159.
7. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986. – С. 200-205.
8. Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. – С. 93-94.

10.02.19

М.И. Кысылбанкова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, kysylbaikova@mail.ru

СЛОВО-СТИМУЛ «ЛИТЕРАТУРА» В ПОНИМАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В работе представлены результаты ассоциативного эксперимента концепта «культура» в языковом сознании носителей английского языка на примере слова-стимула «литература». Проведен ассоциативный эксперимент с целью доступа к образам языкового сознания среди представителей английской лингвокультуры. Анализ полученных данных по результатам свободного ассоциативного эксперимента показал, что в ответах на исследуемое слово-стимул ярко отображаются этнокультурные особенности понимания носителей английского языка о литературе.

Ключевые слова: *литература, концепт, языковое сознание, слово-стимул, ассоциации.*

Понятие языкового сознания, несмотря на большое количество исследований, посвященных его изучению, является актуальным для изучения в отечественной психолингвистике. Важной составляющей такого рода психолингвистических исследований является парадигма сознания, которая постулирует идею значения объективной деятельности в развитии сознания.

Обращаясь к этнокультурной специфике языкового сознания определенного лингвистического когнитивного сообщества, необходимо учитывать тот факт, что язык членов лингвокультурного сообщества является, прежде всего, основным инструментом его ассимиляции и распространения такой информации для человека.

По мнению Н.В. Уфимцевой «образ сознания, ассоциированный со словом – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре» [2, с. 28].

В нашем исследовании представлены результаты исследования языкового сознания носителей английского языка на концепт «культура». Основным методом исследования языкового сознания является ассоциативный эксперимент, в котором принимают участие англичане (Лондон, Кембридж, Брэдфорд, Дерби, Бирмингем, Оксфорд), выросшие и обучавшиеся в городах Великобритании и считающие основным языком общения английский язык. Общее количество испытуемых респондентов 2000 человек, которым был предложен для заполнения ассоциациями список из 15 слов-стимулов исследуемого концепта (среди которых слово-стимул «литература»), а также другие слова, не имеющие отношения к культуре.

Про необходимость выявления ядра концепта с помощью ассоциативного эксперимента указывают многие лингвисты, в том числе В.Е. Гольдин: «ядро концепта, выявляемое с помощью анализа лексикографических источников, будет представлять собой как раз минимальную и наиболее общую часть концептуального содержания, отражая в основном не образные компоненты содержания концепта. Этот путь может казаться предпочтительным, а результаты исследования такого типа – более значимыми, если считать, что ассоциации отражают только индивидуальные элементы содержания концепта. Однако современные исследования ассоциативного материала опровергают такую точку зрения». В.Е. Гольдин

считает, что «ассоциативный материал раскрывает не только индивидуальные, но и нормативные образные компоненты концептуального содержания (при условии проведения массовых экспериментов). Именно поэтому ассоциативные значения могут составить психологически реальное ядро национального концепта, его базовый слой» [1, с. 128-137].

С помощью ассоциативного эксперимента представлены частотные реакции англичан на слово-стимул **literature** / **литература**:

Таблица – Реакции носителей английского языка на слово-стимул «литература».

Реакции	Количество
books / книги	27,5%
Shakespeare / Шекспир	15%
English / Английская	8,5%
art / искусство	6%
reading / чтение	6%
beauty / красота	3%
hobby / хобби	2,5%
paper / бумага	2,25%
American / Американская	2%
classics / классика	2%
express / выражать	2%
French / Французская	2%
interesting / интересная	2%
involvement / вовлечение	2%
language / язык	2%
novel / роман	2%
library / библиотека	1%
poetry / поэзия	1%

Единичные ответы:

Реакции	Количество
Russian / Русская	0,75%
school / школа	0,75%
composition / сочинение	0,5%
Joan Rowling / Джоан Роулинг (британская писательница)	0,5%
text / текст	0,5%
writing / письмо	0,5%

Как видно из таблицы, носители английского языка **литературу** в первую очередь связывают с *книгами* и величайшим английским драматургом и поэтом *У. Шекспиром*. Из реакций видно, что они больше читают *английскую, французскую, американскую, русскую* литературы. По полученным реакциям можно трактовать, что **Литература** – это *искусство*, когда с помощью *языка выражаешь* свои чувства, *вовлекаешь* читателей к *красоте чтения*. Литература, точнее чтение литературы для многих *хобби*, любимое занятие. Следует отметить, что **литературу** с *библиотекой* ассоциирует небольшое количество респондентов. Если бы данный эксперимент проводился лет 10-20 назад, ситуация была бы другая. Сейчас, в мире развитой современной технологии, любую *книгу* можно найти, не выходя из дома, людей, посещающих *библиотеку*, становится меньше.

Из писателей упомянуты только *Уильям Шекспир* и *Джоан Роулинг*. Первый – писатель всех времен и народов, второй – британская писательница, наиболее известная под своим литературным псевдонимом *Дж. К. Роулинг*.

Литературу связывают со школьной тематикой: *школа, текст, письмо, сочинение*.

Английская литература – совокупность письменных произведений, созданных на английском языке жителями Британских островов (включая Ирландию) с 7-го века до наших дней. Основная литература, написанная на английском языке за пределами Британских островов, рассматривается отдельно по американской литературе, австралийской литературе, канадской литературе и новозеландской литературе.

Английскую литературу иногда стигматизировали как островную. Однако в средние века древнеанглийская литература покоренных саксов была закована латинскими и англо-нормандскими писаниями, в высшей степени чужими по происхождению, в которых выражали себя церковники и нормандские завоеватели. Из этой комбинации появился гибкий и тонкий лингвистический инструмент, используемый Джеффри Чосером и принесенный высшим приложением Уильямом Шекспиром. Во времена Возрождения интерес к классическому обучению и ценностям имел большое влияние на английскую литературу, как на все искусство.

В целом, ответы респондентов англичан не представляют большого разнообразия реакций. Можно сказать, что и в данной ситуации англичане отличаются своей характерной чертой – лаконичностью и краткостью в ответах. У англичан наблюдается несколько примеров отсутствия реакции на исследуемое слово-стимул.

В языковом сознании респондентов из Англии исследуемый концепт характеризуется стереотипностью представления о культуре в целом. Наблюдается общее представление о культуре англичанами, реакции носителей английского языка не отличаются сильным расхождением, это подтверждается приведенными реакциями по словам-стимулам исследуемого концепта.

Список литературы

1. *Гольдин В.Е.* Нормативный аспект лексических ассоциаций / В.Е. Гольдин // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы, 2006. – Вып. 4. – С. 128-137.
2. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности / Н.В. Уфимцева // (Нео) психоллингвистика и (психо) лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2017. – С. 21-96.

10.02.19

Е.Г. Луговская канд. филол. наук

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Приднестровье, lugowska@spsu.ru,
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7348-2248>

КУЛЬТУРА – ANTHROPO – ЯЗЫК

Рассмотрение проблемы взаимодействия языка и культуры не может быть ограничено представлениями о функционировании знаковых систем, в которых индивид как носитель языка вместе с тем оказывается и носителем культуры, благодаря чему правомерно говорить о том, что знаки языка становятся способными выполнять функцию культурных знаков и таким образом выступать в роли значимых установок культуры. Неважно как соотносят исследователи язык и культуру по отношению друг к другу – как часть и целое или как автономные элементы, традиционная диада должна быть переозначена, и на первое место стоит поместить понятие культура.

Таким образом вопрос о соотношении языка и культуры не только сущностно переосмысливается, но и переформулируется в виде триады культура – anthropo – язык.

Ключевые слова: язык, культура, anthropo, знаковая система.

Вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости языка и культуры актуален во все времена; попытки осмысления объективно существующей корреляции этих двух феноменов – от платоновского эйдоса как умопостигаемой формы, в которой отражается связь между ментальным актом в процессе постижения объекта реальной действительности и самим объектом, развитое и переосмысленное Аристотелем и другими мыслителями древности, а затем и в наше время – Э. Гуссерлем уже в качестве *наивысшей мыслительной абстракции, данной нам конкретно, наглядно и вполне самостоятельно* [ФЭ, 1960-1970], продолжают предприниматься в рамках новейших междисциплинарных исследований этно-, психо-, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвострановедения и др.

Традиционно в лингвистической науке взаимосвязь языка и культуры эксплицируется посредством анализа основной функции языка – коммуникативной и функционирующей только совместно с ней функцией репрезентативной (или другими словами этнокультурной, так как последняя рассматривается в качестве субъектной конструкции языковой картины мира) – такая позиция представлена в классических работах В. Фон Гумбольдта, Ф. Боаса, концепциях Э. Сепира, Б. Уорфа, Н. Хомского, Ж. Дерриды, разработках Л.С. Выготского, Д.С. Лихачёва и др. [Петрова, 2012]. Однако эйдетическая суть связи между языком и мышлением требует не столько комплексного подхода, который в обязательном порядке предполагает рассмотрение и прагматической (в тесной связи с коммуникативной), и когнитивной (в первую очередь связанной с репрезентативной) функций, сколько подхода холистического, в рамках которого исследования когнитивного аспекта взаимодействия языка и культуры выходят на передний план, хотя и не исчерпывают проблему.

Основная сложность описания проблемы в любом случае оказывается в том, что оперировать приходится, по терминологии Гуссерля, *чистыми сущностями, представляющими собой объекты интеллектуальной интуиции* [Лосев, 1930]. Вероятно поэтому, исследуя абстрактные феномены двух знаковых систем – языка и культуры, мы так или иначе обращаемся к необходимости переопределить каждый из феноменов не только по отношению друг к другу, но и по отношению к индивиду, личности как носителю одновременно и языка, и культуры, продуценту и интерпретатору культурных и языковых знаков.

Глобалистские основания современной научной парадигмы с ее культурфилософским антропоцентризмом и тяготением к философскому натурализму (особенно в рамках западной научной парадигмы) закономерно подводят к такому пониманию взаимоотношений между языком и культурой, между человеком как носителем языка и культурой как его творением, при котором значимыми становится два разнонаправленных подхода – функционалистский и интенционалистский. В рамках этих подходов антропоцентрическая парадигма современности демонстрирует внутреннюю противоречивость в своем стремлении к деонтологизации личности и одновременной ее онтологизации в общем контексте развития философской антропологии.

Попытка переосмыслить работу человеческого мозга и шире – функционирование личности - посредством компьютерной метафоры или, к примеру, свести все своеобразие культуры только к биологическим аспектам человеческого существования и, в частности к особенностям его языковой картины мира, может дать интересные результаты в рамках отдельных наук – лингвистики, философии, антропологии, этнографии или культурологии, но для формулирования общей концепции взаимоотношений языка и культуры в условиях современного антропоцентризма необходим холистический подход.

В настоящее время наиболее разрабатываемыми направлениями изучения поднятого выше вопроса в лингвистической науке можно считать проблемы соотношения языковой и культурной глобализации и этнокультурной идентичности, межкультурной коммуникации в условиях многоязычного и поликультурного общества. В таком контексте идеи XIX века о национальном характере языка (В. Гумбольдт) приобрели иное звучание, осмысленное как западными учеными (Э. Сепир и Б.Л. Уорф, Н. Хомский, Дж. Лакофф, Э. Эриксон, С. Хантингтон, др.), так и отечественными (Г.В. Колшанский, Р.М. Фрумкина, С.Г. Тер-Минасова, И.В. Малыгина, З.И. Левин, Н.Н. Моисеев).

В связи с тем, что в вопросах взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, языка и мышления, языка и социума в рамках антропоцентрической парадигмы современности максимально актуализован именно компонент «взаимности» – исследователей в меньшей степени интересуют механизмы протекания однонаправленных процессов внутри каждого из исследуемых феноменов. Необходимо возникает третий член указанных взаимодействий – а именно, *anthropo* – элемент, роль которого и раньше была обусловлена значимостью носителя (т. е. части) для каждого из исследуемых взаимодействий, но не осознавалась как полноправная. Смещая акцент с сущностных характеристик каждого из взаимодействующих феноменов на их объективные результирующие, исследователи вынуждены дополнять линию взаимодействия, и недостающий компонент, исследуемый при анализе обоих феноменов (личность в языке, личность в культуре), становится одновременно и условием, и результатом такого взаимодействия.

Отношения человек и культура, человек и язык рассматриваются как взаимообуславливающие и обусловленность существует благодаря концепту социум, вне которого понятие человек бессмысленно. Однако взаимодействие культуры и языка при посредстве социума невозможно описать в абстрактных терминах социальности - в этом случае теряется антропоцентрическая сущность обоих феноменов. Говорить о языке и культуре, о принципах их функционирования можно, только исследуя *человека как субъект и объект одновременно* - для определения такого подхода мы вводим термин *anthropo*.

Обретя способность называть все сущее (имея языковую способность как сущностную), человек структурирует реальность, субъектом которой он является. Язык как система реализуется через человека, а человек формирует культуру как соположенную языку систему и в этом смысле оказывается тем элементом, без которого указанные отношения невозможны и бессмысленны. Однако использовать термин человек в данном рассуждении некорректно в силу его многозначности, поэтому при определении места и роли человека в знаковой структуре языка и культуры как антропоцентрических сущностей предлагаем использовать термин *anthropo*.

Знаковая сущность феноменов языка и культуры и их взаимообусловленность позволяет рассмотреть их как элементы (знаки) знаковой системы более высокого порядка (комплексного знака). В этом смысле для описания предполагаемой структуры можно условно применить схему семантического треугольника Огдена - Ричардса (Фреге). *Anthropo* отражается в культуре, культура выражается в языке, то есть *anthropo* означает, называется через язык.

Понятие общество избыточно при рассмотрении культуры: культура невозможна без общества, но и человек – социальный продукт, а в рамках взаимоотношения языка и культуры, опосредованного человеком как субъектом и объектом этих взаимоотношений, интерес представляет не человек сам по себе, и не организованная совокупность людей, а то человеческое, что определяет этот элемент сложной знаковой системы. Возникает закономерный вопрос – если остальные компоненты предлагаемой знаковой системы более высокого порядка, то есть язык и культура, представляют собой знаковые системы, то и третий компонент системы также должен быть рассмотрен как знаковая система, что же в первом приближении является означающим и означаемым для *anthropo*? Считаем, что данная проблема требует отдельного рассмотрения, но в качестве предложения укажем в структуре *anthropo* когнитивный компонент (когниции) как означаемое (план содержания) и самого индивида в его функциональности как означающее (план выражения).

Исследуя важный культурный компонент – познание - в рамках антропоцентрической парадигмы, мы неизбежно переходим к описанию взаимопонимания как единственной цели и условия бытия человека в мире. Развивая мысль Л. Ельмслева о структурном сходстве языка и действительности (то есть и культуры как части действительности или ее отражения), которое репрезентировано лингвистическими и нелингвистическими средствами, подчеркнем, что отношения феноменов языка и культуры зиждутся на концептуализации как когнитивном основании их взаимодействия и вербализации как имеющей особую важность для понимания когниции и концептуализации. [Pederson, 1997]

Кроме того, при рассмотрении взаимодействия языка и культуры традиционно именно язык фигурировал в начале этой диады – рассматривался ли этот вопрос в концепции языка как *зеркала культуры* (С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян), где язык представлен несамостоятельным элементом - инструментом культуры; или культура и язык осознавались как самоподдерживающееся двуединство, в котором *язык выражает культуру и одновременно является обязательной предпосылкой развития всей культуры* в целом - активная роль языка в процессе мышления, влияние его на культуру всегда отмечалась исследователями.

Даже в том случае, если обсуждается точка зрения на вопрос о взаимосвязи языка и культуры, в рамках которой язык предстает одновременно и ее продуктом, и составной частью, и условием ее существования, когда язык рассматривается как *специфический способ существования культуры*, языку и тогда отводится главенствующая, определяющая роль.

Таким образом, диада язык – культура представляет собой усечение комплексного триадического феномена, в котором значимым элементом выступает человек как объект языка и субъект культуры – *anthropo*.

При таком понимании условие необходимости комплексного рассмотрения коммуникативной, репрезентативной, когнитивной и прагматической функций языка в его взаимодействии с культурой становится не просто необходимым, но уже недостаточным, так как подобное описание взаимодействия между тремя полноправными компонентами триады не исчерпывается интерпретацией их функциональности.

Список литературы

1. Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм // Космополис. 2004. №2(8). С. 125-140.
2. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке М.: Наука, 1990. 108 с.
3. Лебедько М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер. дисс. Докт.филол.наук 2012: Томск. 364 с.
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии, т. 1. М., 1930
5. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика. Автореф. дисс.докт. филос. наук. М.: МГУКИ, 2005.
6. Марков Б.В. Л. Витгенштейн: язык - это «форма жизни» // Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение. Выпуск 3 / К 60-летию профессора А.С. Колесникова Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.85-102.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
8. Смокотин В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации автореферат дисс. Докт.филос.наук 2012: Томск. 365 с.
9. Философская Энциклопедия: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960-1970. Электронный ресурс: <https://dic.academic.ru/>
10. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 320 с.
11. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации // Ю. Хабермас. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. М.: ACADEMIA, 1995.
12. Pederson Eric, Nuyts Jan. Overview: On the Relationship between Language and Conceptualization. // Language and Conceptualization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 1-12. E. Pederson, Y. Nuyts 1997.

10.02.19

Л.А. Манерко д-р филол. наук, Му Синьюй

МГУ им. М.В.Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
кафедра теории и практики английского языка,
Москва, wordfnew@mail.ru, winifred9012.mu@yandex.ru

**ОПИСАНИЕ СТАДИАЛЬНОСТИ ПУТИ ЧЕЛОВЕКА
ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ
ИЗ ТЕКСТА «ДА СЮЭ» («ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ»)**

В современный период развития лингвистической науки важным является описание знания о человеческом мозге и того, как он получает и перерабатывает огромные потоки информации. В качестве основы для лингвистического анализа взят текст «Да сюэ», который является одним из основных конфуцианских канонических текстов, оказавших значительное влияние на духовную культуру и национальную психологию Китая. Цель статьи состоит в том, чтобы представить процесс достижения цели на основе ориентационной метафоры, интегрированной с образной схемой «источник - путь - цель» в анализируемом тексте.

Ключевые слова: концептуальный анализ, метафора, ориентационная метафора, перемещение в пространстве, достижение цели, текст «Да сюэ».

В современный период развития лингвистической науки на первый план выходят исследования о человеческом мозге и то, как он получает и перерабатывает огромные потоки информации. По мнению Е.С. Кубряковой, «главными задачами... когнитивной системы человека – являются задачи по получению, обработке, хранению и извлечению информации и что такие когнитивные способности, как восприятие, внимание, мышление, воображение, память и, возможно, некоторые другие, прежде всего – язык, все участвуют в решении указанных задач. В их решении и проявляется, собственно говоря, деятельность человеческого мозга и человеческого сознания» [6, с. 355].

Е.С. Кубрякова также указала, что для науки, которая занимается описанием языка и когнитивной деятельности, важным является «широкий спектр ментальных, психических процессов, человеческого интеллекта и разума, устройства систем, обеспечивающих разного рода когнитивные или же мыслительные акты и т.п.» [6, с. 41]. Центральное место в когнитивной парадигме лингвистического знания занимает анализ языковых единиц, используемых в человеческой коммуникации, которые напрямую указывают на «связь языка и когнитивной деятельности человека, которая проявляется, в частности, в особенностях восприятия и выражения пространственных отношений» [8, с. 16]. «Предмет, противопоставляясь другим предметам в пространстве, видится человеку через какие-либо его признаки, свойства, составные части, и в этом сравнении предмет соотносится с пространственными характеристиками, определяющими его местонахождение, статичность или динамику, возможности взаимодействия друг с другом» [9, с. 96].

Метафора является когнитивным механизмом «формирования языковых средств и вторичных значений слов» [2, с. 136]. Метафорический концепт обеспечивает представление одной области через другую. Именно метафора способствует познанию сложных участков человеческого видения предметного мира. Американские ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «процессы человеческого мышления во многом метафоричны», а концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры [7, с. 25-27].

В исследованиях по когнитивной семантике принято отличать метафору как термин от метафорического выражения. Метафорические выражения – это отражения метафор в языке, тем более в дискурсе метафора служит в качестве инструмента в познании мира и его интерпретации. Изучение метафоры оказывается тем более важным, так как они помогают «...установить, каким образом метафорические выражения обыденного языка могут пролить свет на метафорическую природу понятий, которые структурируют нашу повседневную деятельность» [7, с. 28]. Понимание смысла метафоры выходит на более широкую тематику: связи между языком, культурой и обычаями народа [13, с.350].

«Ориентационная метафора» как одна из разновидностей метафоры, была предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для понимания роли пространственной интерпретации, того, как человек ориентируется в окружающем мире. Для описания этой метафоры учеными были созданы противопоставления «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из того, что «наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [7, с. 35].

Целью данной статьи является рассмотрение процесса движения по определенному пути для достижения цели, что показывается с помощью ориентационных метафор на материале конфуцианского текста «Да сюэ». Кроме того, в работе будет использовано понятие «образная схема (“image schema”)» М. Джонсона. «Понятие «схемы» напрямую связано с мыслительными процессами человека. Схематизация становится тем самым механизмом, который направляет научную мысль современных ученых, она помогает связать предметную область современной когнитивной лингвистики как научной сферы деятельности, синтезировав ее с концептуализацией» [10, с. 93].

Следует отметить, конфуцианство представляет собой основу менталитета китайской цивилизации. Формально конфуцианство не являлось религией, но «по своей значимости, степени проникновения в душу и в воспитание человека, воздействию на формирование стереотипа поведения оно успешно выполняло роль религии» [12, с. 12]. Основой конфуцианского текста, оказавшего значительное влияние на духовную культуру и психологию народа Китая, является «Да сюэ», переводимого на русский язык как «Великое учение».

По мнению Н.А. Спешнева, который пишет о национальной психологии китайской нации: «мировоззрение человека в целом вырабатывается с помощью четырёх основных элементов, образующих законченную структуру. Это, прежде всего, «познание», благодаря которому человек получает знания, а без них не может быть мировоззрения. При этом знания должны носить научный и системный характер. Далее, «взгляд, или точка зрения», которые позволяют давать оценку полученным знаниям, уверенность в правильности такой оценки придают «убеждения» и наконец, «место и представление об идеале» заставляют отстаивать свои убеждения и бороться за достижение цели» [11, с. 35]

Мы бы хотели показать, как описывается процесс достижения цели в тексте «Да сюэ» («Великое учение»), так как в нем полностью раскрыт смысл того, как следует поступать человеку чтобы стать совершенной личностью. Смысл текста раскрывается на основе целого ряда концептуальных метафор. Метафора «достижение цели» основывается в тексте «Да сюэ» на двух противопоставлениях: с одной стороны, это противопоставление «先(xiān)—后(hòu)» («передняя сторона – задняя сторона»), а с другой – «旧(jiù)—新(xīn)» («старый – новый»). Одна из центральных образных схем, выделенная М. Джонсоном, – это «источник – путь – цель» [15, с. 25-40]. Из собственного опыта мы знаем: чем большую часть пути мы преодолеваем, тем больше времени проходит с момента отправления из исходной точки. Сложные события часто понимаются «в терминах исходного положения (источник), хода промежуточных событий (путь) и конечного положения (цель)» [Цит. по:13, с. 347].

Рассмотрим следующий пример из текста «Да сюэ»:

1) 大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善。知止而后有定，定而后能静，静而后能安，安而后能虑，虑而后能得。物有本末，事有终始。知所先后，则近道矣。 [18, с. 3].

(«Путь обучения Великого человека находится в прояснении чистого Порядка, находится в объединении народа, находится в удержании высшего совершенства. Тот, кто способен удержаться в состоянии высшего совершенства, обретает устойчивую разделенность всех прочих своих состояний, знает и способен различать каждое из них. Тот, кто удерживает разделенность своих состояний, может быть спокоен. Тот, кто пребывает в спокойствии, может быть в мире с собой и окружающими. Тот, кто умиротворен, может заботиться о других. Тот, кто заботится о других, может достичь цели пути Великого учения. Вещи имеют корни и ветви, дела имеют конец и начало. Знать должный порядок следования первого и последнего – значит приблизиться к исполнению Пути» (перевод цитируется по: [4, с. 90]).

Основополагающим элементом указанного отрывка является метафора «путешествие», в отрывке путешествие человека начинается со слова «путь, дорога» - 之道. В этом кроется важная мысль о начале пути. Кроме того, мы обращаем внимание на то, что в «Китайско-русском словаре (汉俄词典)» словосочетание слов 先后 (xiānhòu) значит «до и после; первый и последний» [20, с. 981 362-363]. Это словосочетание определяет начало и конец ср.: 事故的先后 «до и после происшествия»: «先(xiān)» означает «раньше/прежде», а «后(hòu)» означает «после/потом» и 后 (hòu) содержит указание на «будущее». Обычно в китайском языке используются «先 (xiān) – 后 (hòu)» для описания времени. Это словосочетание 先后 (xiānhòu) определяет начало и конец, в словаре определяется как «до и после; первый и последний» [20, с. 981 362-363].

Основой представлений в данном примере является то, что обычно человеческий взгляд направлен в том направлении, в котором он перемещается. В примере 1 подчёркивается роль самого человека в постижении истин Великого учения, который отправляется в свой жизненный путь осмысления самого себя и своей сущности. Первое предложение раскрывает этапы глубоких преобразований во внутренней природе человека: он сначала должен многому научиться – освоить множество знаний и совершить поступок (совершенное добро), а прочувствовав всё накопленное знание и совершая хорошие поступки, он может осмыслить прочувствованное и тогда он достигает упроченности и спокойствия на этапах траектории жизненного пути. Следует обратить внимание на то, что в тексте говорится об умении рассуждать, что указывается в тексте – будет «высветлено в светлой благодати». Здесь подчёркивается мысль о том, что только при понимании самого себя, своего знания и разума человек может «объединиться с народом» и в конце жизни достигнуть «устойчивого состояния». Человек движется вперёд через «знание цели», к «умиротворенности» и с «заботой о других», а также, что должно быть сначала, а что потом. Все указанные стадии по траектории пути показываются как некие этапы, весь путь разбивается на стадии, каждый из которых ведет целенаправленно к конечной точке – к цели (см. рис. 1).

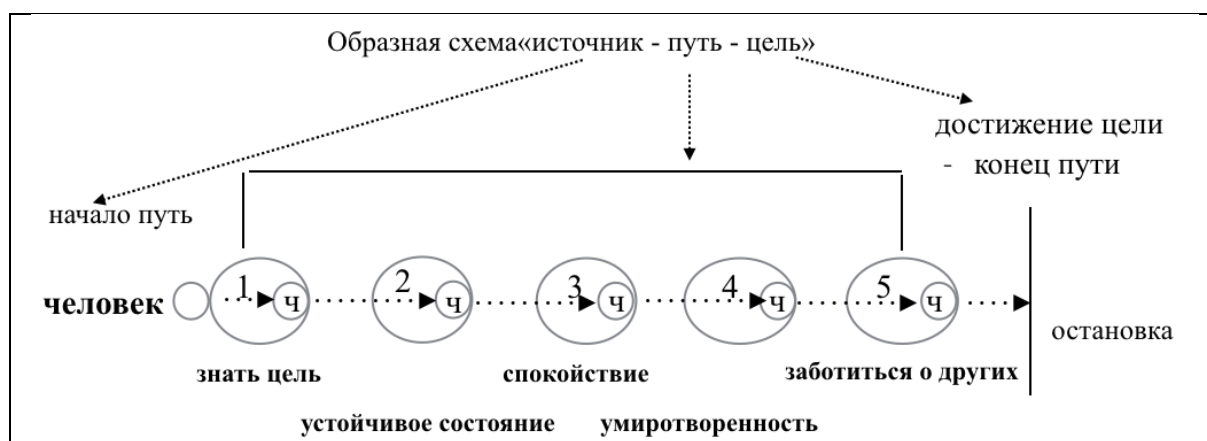

Рис. 1. Процесс достижения цели на основе анализа примера 1

В анализируемом примере 1 следует также обратить на значимость последних двух предложений из отрывка: «Вещи имеют корни и ветви, дела имеют конец и начало. Знать должный порядок следования первого и последнего – значит приблизиться к исполнению Пути». Здесь говорится о познании предметов окружающего мира, их основы и того, как они развиваются, а события (дела) оцениваются по их результату. Анализируемый отрывок начинался со слова «путь» и им же оканчивается, в котором слово «порядок» указывает на завершение каждого этапа этого движения.

Перейдем к следующему примеру:

2)物格而后知至，知至而后意诚，意诚而后心正，心正而后身修，身修而后家齐，家齐而后国治，国治而后天下平[18, с. 3].

(«Когда вещи познаны и размечены, тогда **знание достигает предела**. Когда достигнут предел знаний в выбранном пути, **состояние становится искренним**. Когда состояние искренни, **Сердце** прямо. Когда Сердце прямо, **тело и ум развиваются**. Когда собственное тело и ум развиты, дела **Рода** идут верно. Когда Род ведется верно, **государство** управляемо. Когда управляется собственное государство, вся **Поднебесная покоится в мире**» (перевод цитируется по: [4, с. 90]).

В представленном примере более четко прослеживается развитие метафорического образа, который постепенно, на каждой описанной стадии совершает движение вперед. Данный пример опять указывает на важные мысли, связанные с человеческим познанием, суть вещей состоит в их «корнях» (или основах) и ветвях, то есть в том, что «вещи познаны и размечены» – это означает суть постижения форм вещей. В тексте «Да сюэ» фиксируется такое предложение «**致知在格物** («стремление к знаниям заключается в постижении форм вещей»)» [Чжу Си (Династия Сун) 1983: 3]. «Совершенство знания» – это достижение «пределов» знания. «Усовершенствование личности» означает воспитать себя лично через понимание «состояния». Следует обратить внимание, что, после прохождения этапа, когда вещи выверены и знание совершенно, приводятся такие важные части человеческого тела как «сердце» во фразе «сердце прямо», что подразумевает человеческие устремления, а затем «тело и ум развиваются». Далее показано, что человек должен посвятить себя делу Рода (семьи), затем государства и упорядоченности дел в нем. Конечной точкой пути согласно китайскому мировоззрению является мир под небом или Поднебесная, которая «покоится в мире». В этом заключается отличие китайского менталитета в отличие от западного менталитета. Для китайской культуры достижением цели состоит в том, что «Поднебесная покоится в мире», то есть везде присутствует порядок. Указанные стадии прохождения пути представлены в следующем рисунке (см. рис. 2):

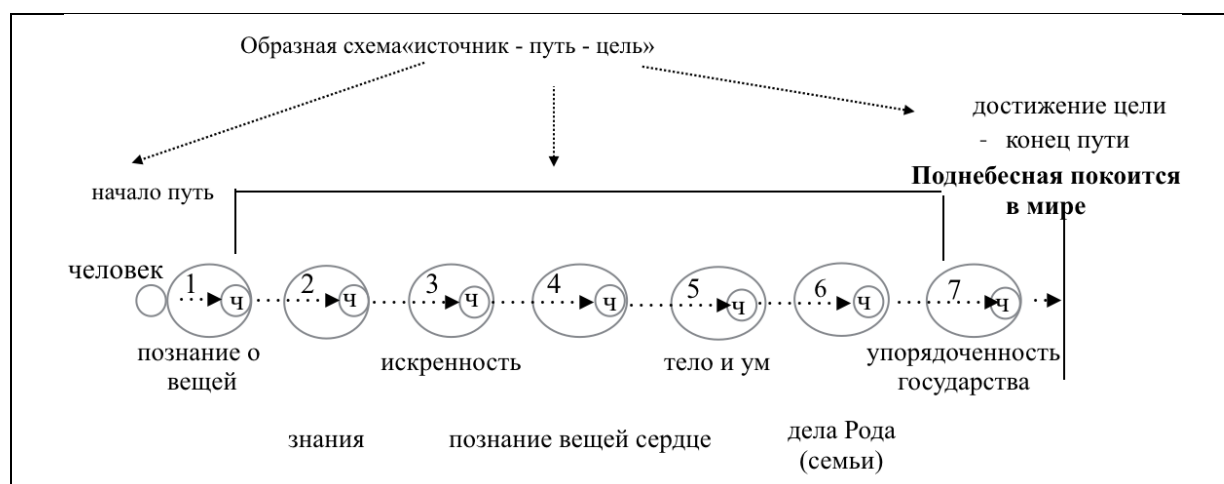

Рис. 2. Процесс достижения цели (уравновешенность Поднебесной) в примере 2

Мы обратили внимание на то, что по сравнению с примером 1 и рисунком 1, где были выявлены 5 этапов постижения самого себя в достижении цели, во втором примере и на рисунке 2 первые 5 из семи этапов опять имеют отношение к пониманию сущности призвания человека. Семь стадий осмысления пути и достижения образуют каркас конфуцианской морали. В китайской культуре личностное совершенствование и достижение всеобщего мира были тесно переплетены.

В другом примере мы также видим несколько этапов в постижении цели, причем достижение цели показано в обратном порядке для того, чтобы усилить мысль об увеличении объема знаний человека:

3)古之欲明明德于天下者，先治其国；欲治其国者，先齐其家；欲齐其家者，先修其身；欲修其身者，先正其心；欲正其心者，先诚其意；欲诚其意者，先致其知。[18, с. 3]

(«Тот, кто искренне желает **прояснить чистый порядок для всего в Поднебесной, начинает с управления по общему праву**. Тот, кто хочет верно управлять своим государством, **начинает вести делами собственного Рода**. Тот, кто хочет вести свой Род, **начинает с тренировки и развития своего тела и ума**. Тот, кто хочет развить свое тело и ум, начинает с выпрямления собственного Сердца. Тот, кто хочет выпрямить свое Сердце, начинает с достижения искренних собственных состояний. Тот, кто хочет добиться искренности своих состояний, начинает с расширения собственных знаний. Увеличение знаний заключено в постижении вещей» (перевод цитируется по: [4, с. 90]).

В примере 3 先(xiān), который означает «важный», ориентационная метафора опирается на социокультурный опыт. Как видно из примера, чтобы достигнуть цели («высветлить свою светлую благодать»), следует помнить соотношение между понятиями «государство», «семья», «личность (тела и ума)», «сердце», «помыслы» и «знание». Они считаются маленьким успехам на пути к цели. Ключевыми понятиями в данном отрывке по пути достижения цели опять является прохождение пути от «знания» до «Поднебесной», ступени достижений связаны с порядком прохождения этапов, где основой всего выступают знания и расширение их объема для постижения вещей. Схематическое изображение представлено на рисунке 3 (см. рис. 3):

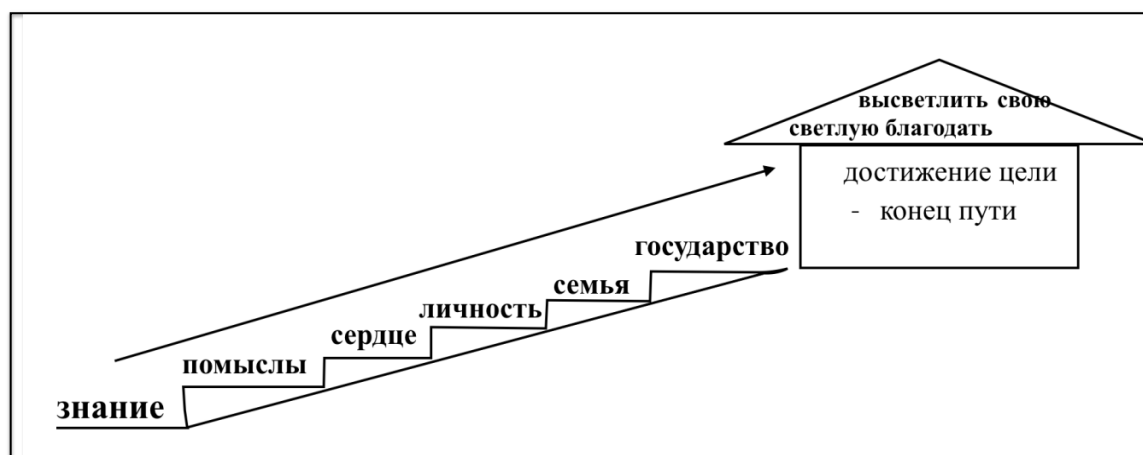

Рис. 3. Процесс достижения цели (Высветлить свою светлую благодать) в примере 3

«Высветление светлой благодати в Поднебесной» приводит к тому, что все люди Поднебесной получают возможность высветлить свою светлую благодать», – так указывает Переломова [12, с.93]

Говоря о противопоставлении типа «旧(jiù) (старый)—新(xīn) (новый)» обратим внимание на следующий пример:

4) 汤之《盘铭》曰：“苟日新，日日新，又日新。”《康诰》曰：“作新民。”《诗》曰：“周虽旧邦，其命维新。”是故君子无所不用其极。[18, с. 5].

(«Песни» гласят: «Ты видишь в реке Чи поток, Зеленеют его берега. Прекрасен Правитель истинный: как яшма, разделен он да высечен; как яшма, выточен он да отполирован. Яростен он и отважен; блистателен он и широк. Он не может забыть о себе» (перевод цитируется по: [4, с. 93]).

Пример 4 можно разделить на три части. Во-первых, в отрывке описывается Чэн Тан 成湯 (ChéngTāng), который был первым правителем в период династии Шан (商). Он выгравировал надпись на тарелке как предупреждение самому себе: «если действительно сможешь однажды самообновиться, то следует, основываясь на уже обновленном, обновляться каждый день, и так день за днем без перерыва». Вторая часть является отсылкой на книгу «Указ кан», в котором записаны указы правителей Династии Чжоу. «作新民(zuō xīn mín)» говорит о побуждении народа к самообновлению. Фраза “周虽旧邦，其命维新” приводится как цитата из древнейших «Книги песен» или «Ши-цзин (стихов)», что означает: хотя старое государство продолжает существовать, по-прежнему необходимо воодушевлять народ к самообновлению.

Представленная в тексте мысль: «Как яшма, разделен он да высечен» – так сказано о Пути обучения. «Яростен он и отважен» – это говорится о чести и достоинстве. «Блистателен он и широк» рассказывает о важности долга. В последнем предложении говорится о понимании своего долга перед народом.

«Благородный муж» (君子 jūn zǐ) («Истинный правитель») – одна из основополагающих конфуцианских категорий, выражающая идеал совершенной личности. Исходное значение «Благородный муж» – «сын правителя», поэтому его благородство связано с высокородностью и высокопоставленностью. В тексте «Да сюэ» используются оба смысла этого термина – этический и социальный [12, с.97]. В примере 4 рассматривается самообновление и обновление народа как процессы достижения совершаемого добра.

Рассмотрим следующие схему (см. рис. 4):

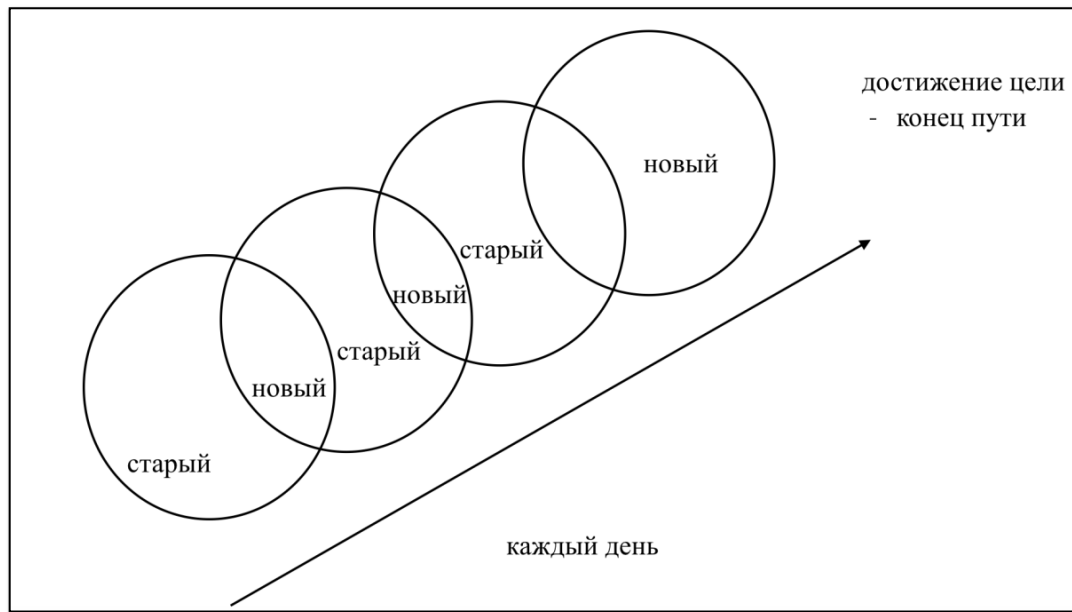

Рис. 4. Процесс достижения цели в примере 4

Пример строится на основе иероглифов «旧(jiù)» «старый» - «新(xīn)» «новый» [20, с. 480, 1014], что указывает на глубокий смысл обновления, передаваемого через противопоставление старого и нового. Обычно молодые люди – самые активные и энергичные, и обновление означает благо для человеческого общества, переданного метафорически с помощью иероглифа 新(новый). В процессе достижения цели людям необходимо взять самое главное за основу – зерно и отбросить старую шелуху.

Таким образом, «Да сюэ» обнаруживает просветляющие образцы образования, что играет важную роль в китайской культуре. Описание стадийности в процессе достижения цели в китайском тексте передает значение через ориентационную метафору, в которой основополагающие концепты мировоззрения представлены поэтапно, как некий план, который следует принять и воплощать в жизни. Конфуций рассматривает идею получения знания, «правильной жизни» на всех уровнях, начиная с самого человека, семьи и заканчивая «управлением государством и международной дипломатией, причём повсюду его занимали практические земные задачи» [14, с. 69]. Всю жизнь мы к чему-то стремимся, но в этом устремлении должен быть порядок и осмысление. В текстах «Да сюэ» главное достижение в жизни передано словосочетанием “仁义 (rén yì)”. Это словосочетание означает «человеколюбие и справедливость; гуманность и долг (чувство долга)» [20, с. 754]. Понятие «человеколюбия» включает в себя: доброту, любовь к людям, сдержанность и т.д. «Долг» объясняет моральные обязательства и качества человека.

Основные выводы исследования заключаются в следующем. В конфуцианском тексте «Да сюэ» просветляющие образы осмысления человека и общества происходят в противопоставлении «先(xiān)» «передняя сторона» – «后(hòu)» «задняя сторона» и «旧(jiù)» «старый» – «新(xīn)» «новый». Они имеют отношение к ориентационной метафоре, где конечной целью является достижение человека. Построение образной схемы «источник – путь – цель» показало через стадийность в достижении цели. Достижение человека чаще всего осуществляется через общественные институты государства, семьи, направленного на устремления и знания личности. Они считаются маленьким успехам или этапами на пути к цели. Но самое главное, чтобы достигнуть цель следует начинать с самого важного понятия – «знания», которые представляют концептуальный стержень конфуцианской психологии, а затем переходить к следующим этапам пока не достигнешь «светлой благодати».

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
2. Белявская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2017. С. 82-157.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Мин-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун - т имени Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. 123 с.
4. Канаев И. Великое учение. С комментариями и объяснениями/ Конфуций. М.: Изд-во АСТ, 2018. 254 с.
5. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 41-47.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Манерко Л.А. Концептуализация пространственных представлений в тексте англо-шотландской народной баллады / Л.А. Манерко, Г.И. Проконичев // Вопросы когнитивной лингвистики, 2012. № 2 (031). С. 16-23.
9. Манерко Л.А. Предмет в пространстве через сложноструктурную единицу номинации // Номинация и дискурс: Меж- вуз. сб. науч. тр. / ред. Л.А. Манерко. Рязань: Изд- во Ряз. гос. пед. ун-та, 1999. С. 96
10. Манерко Л.А. «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Тамбов: РАЛК, 2014. № 17. С. 92-101.
11. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2014. 336 с.
12. Переломова Л.С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент / А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова / Ин-т Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 2004. 431 с.
13. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления совершенной американской лингвистики / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 340-369.
14. Филатов В.В. Проблема смысла жизни в философии Конфуция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. Т. 8. № 2. С. 67-71.
15. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 25-40.
16. 古汉语词典, 北京,; 商务印书馆. 2003.2018 с. (Словарь древнего китайского языка. Пекин: Коммерческое изд-во, 2003. 2018 с.)
17. 论语, 北京,; 中华书局. 2007.195 с. (Лунь Юй. Изречения. Пекин: Чжунхуа, 2007. 195 с.).
18. 朱熹 (宋) 四书章句集(sì shū zhāng jù jí) Чжу Си (Династия Сун). Сы шу. Четверокнижие //中华书局, 1983. Сборник. Пекин: Изд-во Чжунхуа, С. 3-5.
19. 新华成语词典 (xīn huá chéng yǔ cí diǎn) (Фразеологический словарь «Синьхуа») // 商务印书馆: 北京. Пекин: Коммерческое изд-во, 2002. 1016 с.
20. 汉俄词典(hàn é cí diǎn) Китайско-русский словарь // 商务印书馆: 上海. Шанхай: Коммерческое изд-во, 1989. 754 с.

10.02.19

Д.А. Розеватов канд. филол. наук

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,
Саратов, den18w@mail.ru

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
АКТУАЛИЗАЦИИ СКРИПТА «WAR»
В РОМАНЕ Р. ОЛДИНГТОНА «DEATH OF A HERO»**

В статье рассматривается скрипт «War» как основной компонент в структурировании индивидуально-авторской картины мира. Доказывается, что актуализация лично-ассоциативного ряда, составляющего антивоенный пафос произведения, достигается через своеобразную организацию композиции романа как музыкального произведения. Компоненты скрипта «War» в данном ракурсе рассматриваются как вариации музыкальной доминанты.

Ключевые слова: *скрипт «War», Р.Олдингтон, лингвостилистика, концепт.*

Когнитивная лингвистика, ориентированная на моделирование картины мира, а также на изучение устройства языкового сознания, предлагает новые акценты в понимании функции языка, а также новое поле его изучения в широких связях с познавательным процессом в современном мире. В связи с этим термин «концепт» закрепился в лингвистике, став в силу своей универсальности наиболее употребительным. Для моделирования концептов активно используется такая единица когнитивистики, как «скрипт», в силу того, что она обладает более чёткой структурой.

Скрипт (сценарий) представляет развёрнутую в хронотопе произведения последовательность эпизодов, этапов, а также элементов какого-либо события. Актуализация этого компонента концепта при восприятии художественного текста становится возможной благодаря интегративной роли языка как репрезентанта картины мира в структурировании индивидуально-авторской картины мира, которая в любом художественном тексте, а также в творчестве писателя в целом воплощает собой версию общенациональной языковой картины мира. Собственно, она является индивидуальной моделью мира, в которой языковые концепты, сохраняя принятые в социуме основы, неизбежно получают неповторимые личностные смыслы.

В данной статье мы рассмотрим композиционные и языковые способы моделирования индивидуально-авторской картины мира и ее доминирующего скрипта «война» в тексте романа Р. Олдингтона «Смерть героя».

Олдингтон определил жанр своего произведения как «роман-джаз» [1, 5]. Роман состоит из трех частей, пролога и эпилога. В этом проявляется сложившаяся традиция европейской литературы, хотя использование ее в сочетании с африканским фольклором – тоже одна из характерных черт джаза как музыкального жанра. Причём наличие пролога и эпилога отсылает к древнегреческой трагедии, жанру, также тесно связанному с музыкой.

В названии каждой из частей романа использованы музыкальные термины, передающие темп, но не темп сюжетного повествования, а скорее особенность восприятия рассказчиком темпа течения времени: на войне время как будто растягивается, а в викторианской Англии, наоборот сжимается. Такая полиритмия является одной из характеризующих черт джаза (синкопирование, ритмическая пульсация). «Джазовость» романа ощутима также в характеристиках героев.

Во всех трех фрагментах используются джазовые стилистические приемы: чередование коротких и длинных фраз, смена пафоса и иронии, сарказма, повторы (лексические, фразеологические и антитезные), частое использование восклицаний, риторических вопросов, стилистических контрастов (возвышенно-поэтический / сниженно-разговорный стиль вплоть до самых циничных инвектив), многоточий, разрывающих ткань текста.

Взволнованно-эмоциональная тональность текста, потребовавшая обращения к джазовым приемам, обусловлена обостренной эмоциональностью нарратора, «прошедшего через агонию войны» Я-повествователя. Непосредственное участие в событиях позволяет нарратору быть одновременно как автором, продуманно и умело выстраивающим эпическую композицию, так и эмоциональным обвинителем, имеющим на это право. О своей позиции обвинителя повествователь заявляет уже в самом начале пролога – он саркастически негодует по поводу подлого и трусливого отношения обывателей к жутким последствиям войны: «The casualty lists went on appearing for a long time after the Armistice – last spasms of Europe's severed arteries. Of course, nobody much bothered to read the lists. Why should they? The living must protect themselves from the dead, especially the intrusive dead» [4, 16].

В «сценарии» романа шесть участников – основной герой Джордж и рассказчик, назвавшийся его фронтовым другом, отец и мать Джорджа, его жена и любовница. Каждый исполняет свою «импровизацию» на главную трагическую тему «смерти героя» («Morte d'un eroe», итал. – название третьей части 12-й сонаты Бетховена – скорбный марш; так же называется Пролог романа). Трагизм восприятия войны прямо ощутим в высоком пафосе лирических отступлений автора, которые пронизывают весь роман. Экспрессивная нагруженность текста, трагичность и искренность как основной пафос романа создаются за счёт сочетания пафосности с резкими инвективными выражениями. Партии же других персонажей преобразуют скорбный марш в оперетту или водевиль. Это сочетание экзатичности и «разговорности» также является характерной чертой джаза как музыкального жанра.

В прологе, музыкальный темп которого указан в эпиграфе: «allegretto» («умеренно-быстро»), повествователь сразу ставит читателя в известность по поводу исхода романа, совмещая таким образом завязку и развязку действия (что тоже является характерной особенностью древнегреческой трагедии). Родные Джорджа представлены здесь скорее как гротескные фигуры: «Although a lady of «mature charms», Mrs. Winterbourne loved to fancy herself as a delicious young thing of seventeen, passionately beloved by a sheik-like <...> Englishman» [4, 13], «George's parents, of course, were grotesques» [4, 19].

Первая часть идет в темпе «vivace» («быстро, живо»). Ускоренный темп повествования обусловлен здесь достаточно долгим промежутком времени, не нагруженным значимыми событиями, а иакже спецификой изображения действующих лиц – марионеток, совершающих не осмысленные действия, а подчиняющихся «кукловоду» – стандартным буржуазным представлениям и жизненным ценностям. Детские годы Джорджа проходят в условиях консервативного быта чопорной викторианской Англии. На этом фоне крупным планом выписано семейное гнездо с отталкивающими гротескными стандартными фигурами «милого папы» и «милрой мамы». Довершает дело «воспитания» Джорджа военный колледж, где готовят бездушные машины для убийства. Однако поэтическая душа позволяет ему не стать продуктом буржуазной системы воспитания, и «быстрая» часть романа предсказуемо заканчивается его разрывом с семьей.

О поре самостоятельной жизни Джорджа говорится во второй части романа «Andante cantabile» – «медленно, певуче». Такой темп отчасти обусловлен тем, что она посвящена интимным переживаниям героя, его любви к Элизабет и Фанни. Но и тут лирический тон повествования чередуется с сарказмом и иронией. Довоенная биография Джорджа, связанная с замкнутой английской интеллигентской средой, приводит его к разочарованию как в личной жизни, так и в среде, и заставляет Джорджа порвать с ними и записаться добровольцем на фронт.

Война, описанная в третьей части с темповым обозначением «adagio», «медленно», подводит итог всей жизни Джорджа, доводя его до самоубийства. То есть, каждая часть изображает последовательное обрывание всех нитей, связывающих героя с миром. Повествование возвращается к прологу, но подача одного и того же события в начале и в конце различна. В Прологе ярко выражено отношение рассказчика к случившемуся через обвинительную экспрессию и пафос: «The death of a hero! What mockery, what bloody cant!

What sickening putrid cant! George's death is a symbol to me of the whole sickening bloody waste of it, the damnable stupid waste and torture of it» [4, 35].

В третьей же части описание последнего боя дано через перцептивное восприятие деталей, но без выражения какого-либо отношения: «The German machine-guns were tat-tat-tatting at them, and there was a ceaseless swish of bullets. He passed the bodies of several of his men. One section wiped out by a single heavy shell. Other men lay singly. There was Jameson, dead; Halliwell, dead; Sergeant Morton, Taylor and Fish, dead in a little group <...> Winterbourne's second runner was hit, and lay groaning: "Oh, for God's sake kill me, kill me. I can't stand it. The agony. Kill me.

Something seemed to break in Winterbourne's head. He felt he was going mad, and sprang to his feet. The line of bullets smashed across his chest like savage steel whip. The universe exploded darkly into oblivion» [4, 358].

Кульминацией становится описание боя, в котором война предстает в свето-цвето-звуковых образах под «джазовую» оркестровку звуко- и цветоизобразительных средств:

«CRASH! Like an orchestra at the signal of a baton the thousands of guns north and south opened up. The night sprang to flickering daylight with the gun-flashes, the earth trembled with the shock, the air roared and screamed with shells. Lights rushed up from the German line, and their artillery in turn flamed into action...» [4,13].

Оркестровка завершает эпилог, написанный в стихотворной форме – рассказ о встрече ветеранов Первой Мировой, вспоминающих пережитое. В нем тема смерти суммируется, образ Джорджа Уинтерборна уже не появляется, вместо него дается обобщенный образ всех молодых мужчин, чей прах остался на полях бессмысленных сражений. В приведенных ниже строках сконцентрировано ценностное отношение автора к той войне:

And I thought of the graves by desolate Troy
And the beauty of many young men now dust,
And the long agony, and how useless it all was.

Таким образом, пролог и эпилог замыкают круг смерти, внутри которого разворачивается сюжет. В одном письме Олдингтон подчеркивал связь своего романа с поэтическим жанром: «Техника этой книги <...> та же, что я изобрел, когда писал свою длинную современную поэму под названием «Простак в лесу» <...> Кое-кто назвал ее «джазовой поэзией»; а теперь я написал, очевидно, джазовый роман» [Олдингтон 1988, с. 5]. По наблюдениям Л. А. Романчук, «композиция романа «Смерть героя» подчеркивает его проблематику как антивоенного романа, как романа «потерянного поколения», которое, опустошенное разочарованием, потерей идеалов, отсутствием ожиданий в обществе, вынуждено возвращаться в каком-то заколдованном искусственном круге между игрой в жизнь и игрой в смерть» [3].

Кольцевая композиция романа и его джазовая оркестровка позволяют передать атмосферу хаотичного, негармоничного бытия «потерянного поколения», атмосферу, которая предопределяет трагический сценарий. Лексико-тематические повторы, образующие, как музыкальные темы, лейтмотивы повествования, являются главными способами актуализации личностных смыслов ключевых концептов Олдингтона, где концепт «war» является доминантным. Его личностные смыслы формируются семантикой вариативных концептов, отражающих разные грани трагического. Лексико-семантическое поле «трагическое» в приведенных выше отрывках и в романе «Death of hero» в целом – это иерархически структурированная категория, где лексемы «war», «generation», «the dead», «fate», «blood», «casualty» (ранение), «carnage», «arms» и т. д. являются составляющими исследуемого гиперконцепта «война», модель которого имеет индивидуальную семантико-ассоциативную структуру. В этой модели ядерные понятийные семы «battle», «arms», «army», «soldiers», «victory» функционируют в фоновом режиме, а благодаря дискурсивному представлению выдвижение получают семы «жестокость», «абсурдность» и «вина». Именно переосмысление автором пережитого на войне через повествовательную структуру трансформирует понятийное, общезыковое представление войны как фрейма и скрипта. Война сохраняет в романе свои инвариантные предметно-понятийные и дискурсивные

признаки, то есть она может быть описана в виде общезыкового фрейма и скрипта: начало войны – фронт – опыт боевых действий со всеми их техническими атрибутами – «джазовая» кульминация – развязка (перемирие – Armistice) – и окончание войны. Но скрипт войны в повествовательной структуре романа формируется фокусом внимания автора, актуализирующим такие признаки войны, как «трагедия», «преступление» и «бессмысленность», за которые «отравленное» войной поколение должно принести «искупление».

Список литературы

1. *Олдингтон, Р.* Смерть героя / Р. Олдингтон (пер. Н. Галь). – М.: Правда, 1988. – 380 с.
2. *Розеватов Д.А.* Скрипт «War» и тенденции его эвфемизации в политическом дискурсе США // *Казанская наука. №7 2019г.* – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – С.104-107.
3. *Романчук, Л.А.* Своеобразие композиции романа Олдингтона «Смерть героя» [Электронный ресурс] // Л. А. Романчук: сайт. – URL: <http://www.roman-chuck.narod.ru/1/Oldington.html> (дата обращения 15.06.2019).
4. *Aldington, R.* Death of a Hero / R. Aldington. The Hogarth Press Ltd, 1984. – 400 p.

10.02.19

Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ НАРРАТОРА В ФИКЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ ПОСРЕДСТВОМ ВЕРБАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ НЕСООТВЕТСТВИЙ

В настоящей статье осуществляется исследование экспликации нарратора в фикциональном тексте посредством отбора лексического материала, заведомо не соответствующего повествуемой эпохе, в результате чего возникают так называемые вербально-темпоральные несоответствия. Проведённое исследование доказывает, что специфика лексического материала, отобранного для повествуемой истории, может служить доказательством присутствия в тексте нарратора.

Ключевые слова: *фикциональность, нарратор, повествователь, имплицитный автор, лексема, задуманный читатель.*

Идея присутствия некоего внутритекстового автора относится к периоду реставрации нарратологии, произошедшего в 50-х годах XX века. В западноевропейской и американской теории наррации широко распространено определение «имплицитного авторства» (implied authorship), введённое американским литературоведом из Chicago school Уэйном Бутом. Вопреки существующей со времен Гюстава Флобера концепции «человека с фонарём», т.е. требования к автору проявлять объективность и беспристрастность по отношению к изображаемым событиям, Бут подчеркивает неизбежность субъективности автора как основной признак звучания его голоса в произведении: "...allegedly representing the work's norms and values, the implied author is intended to serve both as a yardstick for an ethical kind of criticism and as a check on the potentially boundless relativism of interpretation" [1, S. 79].

Одним из важнейших критериев при рассмотрении фигуры нарратора, присутствующего в тексте, является степень его выраженности – повествователь в фикциональном тексте может быть как эксплицитным, так и имплицитным [3, S. 433 – 449].

Эксплицитное изображение основывается на своеобразной самопрезентации нарратора, который может не только назвать собственное имя, но и подробно описать себя как повествующее «я», т.е. рассказать историю своей жизни, изложить образ своего мышления и т.д. В нарратологической традиции эксплицитное изображение нарратора считается своеобразным факультативным приёмом ввиду того, что оно не может существовать без имплицитного и лишь надстраивается над последним, используя его как основу.

Имплицитное изображение осуществляется с помощью индициальных знаков, которые основываются на экспрессивной функции языка, т.е. на функции Kundgabe или Ausdruck [2]. При этом в индициальном изображении нарратора участвуют все приемы построения повествования:

1. Подбор элементов (персонажей, ситуаций, действий) в качестве нарративного материала для создания повествуемой истории.
2. Детализация подбираемых элементов.
3. Композиция повествовательного текста, т.е. составление и расположение подбираемых элементов в определенном порядке.
4. Лексико-синтаксическая презентация подбираемых элементов.
5. Оценка подбираемых элементов (эксплицитная либо имплицитная).
6. Комментарии и обобщения нарратора.

Исходя из данной теории, мы предполагаем, что именно специфика отбора лексических единиц является одним из наиболее верных доказательств присутствия нарратора в фикциональном тексте.

Одной из самых ярких особенностей построения текста в лексическом аспекте является, на наш взгляд, феномен, который мы определяем как вербально-темпоральные несоответствия, т.е. случаи, когда отобранная для текста лексика заведомо не соответствует времени или социальной среде, в которой разворачивается повествование. Данное явление чётко прослеживается в тексте романа П. Зюскинда «Парфюмер», где посредством описания протагониста автор даёт понять потенциальным реципиентам, что тот лексический минимум, которым владел Жан-Батист Гренуй, представлял собой не более, чем *die gängige Sprache* (нем. простонародная речь), а потому употребление любой специальной лексики, не относящейся к области парфюмерии – например, из области биологии или философии, глоссарий которых включает в себя малоупотребимые в описанную эпоху лексические единицы греческого и латинского происхождения, является отсылкой к некой опосредующей субстанции, наделённой достаточным опытом и уровнем образования, чтобы осознанно применять эти термины в уместных речевых ситуациях.

Данной субстанцией мы считаем именно нарратора, а потому на основании вышеописанного можно утверждать, что доказательством его присутствия могут считаться все лексические единицы, являющиеся неологизмами для описанного периода (середина XVIII столетия): „*Ihm war, als würde er zum zweiten Mal geboren, nein, nicht zum zweiten, zum ersten Mal, denn bisher hatte er bloß animalisch existiert in höchst nebulöser Kenntniss seiner selbst*“ [4, S. 57].

В приведённом примере посредством противопоставления возвышенной латинизированной лексемы “Existenz” общеупотребительному “Leben” возникает эффект поэтичности, однако мы склонны считать, что привнесение некоторой доли пафоса в данном случае не было единственной целью Зюскинда как автора, поскольку в таком случае он предположительно мог бы использовать довольно распространённую в немецком языке лексему “Dasein” (бытие), которая также широко применяется в церковных и библейских текстах, что вполне соответствует авторскому замыслу ироничного переосмысления библейских и мифологических мотивов.

Наиболее наглядным использование терминов латинского и греческого происхождения кажется нам в тех случаях, когда автор намеренно придаёт предложениям усложнённый вид, стилизируя их тем самым с духе научного повествования. Эта «псевдонаучность» достигается посредством нарочитого усложнения предложений, слияния нескольких простых в одно сложносочинённое, а главное – употребление страдательного залога вместо действительного, более характерного для художественных текстов: „*Denn der zersetzenden Aktivität der Bakterien war im achtzehnten Jahrhundert noch keine Grenze gesetzt, und so gab es keine menschliche Tätigkeit, keine aufbauende und keine zerstörende, keine Äußerung des aufkeimenden oder verfallenden Lebens, die nicht von Gestank begleitet gewesen wäre*“ [4, S. 6].

Наиболее причудливо употребление научной лексики выглядит в дуэте с нарочито просторечными выражениями, что, безусловно, доказывает присутствие в тексте нарратора, поскольку служит способом выражения его иронии, основанной на возникающем внутри микротекста комическом эффекте: “...*als ihm der Wind etwas zutrug, etwas Winziges, kaum Merkliches, ein Bröselchen, ein Duftatom, nein, noch weniger: eher die Ahnung eines Dufts als einen tatsächlichen Duft...*” [4, S. 50].

При попытке дифференцировать тип манифестированного в тексте нарратора, мы пришли к выводу, что наиболее всего нарратор в тексте Зюскинда подходит под классическое описание продуцента фикционального текста, который не единожды обозначался в нарратологической традиции как «олимпийский нарратор». Осуществляемое им цитирование допускает также некоторые вольности в обработке текста, особенно в аспекте его композиционного построения. Ниже мы приводим пример, в котором диалог между двумя второстепенными персонажами на некоторой стадии приводится в композиционной форме,

свойственной тексту пьесы, включающей авторские ремарки-указания на произносящего ту или иную реплику персонажа:

„„Nein,“ sagte Baldini, „ich werde mich für einige Stunden in mein Arbeitszimmer zurückziehen und wünsche, absolut nicht gestört zu werden.“

„Ah, ich verstehe! Sie entwerfen ein neues Parfum.“

Baldini: So ist es. Zur Beduftung einer spanischen Haut für den Grafen Verhamont. Er verlangt etwas vollkommen Neues. Er verlangt etwas wie... wie ... ich glaube, es hieß „Amor und Psyche“, was er verlangte, und stammt angeblich von diesem... diesem Stümper aus der Rue Saint-Andre des Arts, diesem... diesem...

Chenier: Pelissier.

Baldini: Ja“ [4, S. 63].

Подобная форма передачи речи персонажей, на наш взгляд, является не только доказательством присутствия имплицитного автора, но и способом выражения авторской модальности, придавая приведённому отрывку явно ироничное звучание.

На основании проведённого исследования мы можем сделать вывод о том, что нарратор непременно присутствует в фикциональном тексте, что совпадает с теорией о невозможности «безнарраторской наррации», которую отстаивает большинство критиков. Даже при отсутствии его ярко выраженной экспликации нарратор может быть идентифицирован в тексте благодаря специфике того лексического материала, который он отбирает для повествуемой им истории.

Список литературы

1. Booth, W.C. «The Rhetoric of Fiction» and the Poetics of Fictions // Towards a Poetics of Fiction / Ed. M. Spilka. – Bloomington; London, 1977. – P. 77 – 89.
2. Bühler, K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Bühler. – Frankfurt a. M., 1978.
3. Schmid, W. Ebenen der Erzählperspektive // Issues in Slavic Literary and Cultural Theory / Ed. K. Eimermacher, P. Grzybek, G. Witte. – Bochum, 1989. – S. 433 – 449.
4. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Züskind. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1994.

10.02.19

**А.Р. Шайдуллина д-р педагог. наук, Г.Т. Губайдуллина канд. филол. наук,
З.М. Сахипова канд. культурологии, А.М. Низамеева канд. педагог. наук,
Н.Л. Зиганшина канд. педагог. наук**

Альметьевский государственный нефтяной институт (Альметьевск),
кафедра "Иностранные языки"

**ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(УСТНАЯ РЕЧЬ)**

Научная статья посвящена общетеоретической проблеме отечественной и зарубежной лингвистики, а именно, анализу факторов, способствующих формированию региональных особенностей произношения. В статье анализируются языковые региональные произносительные особенности. Собственно обращение к устной речи студентов выражается в следующих причинах: кодифицированные нормы, и территориальная речевая среда (диалекты, фонетический строй родного (татарского) языка, просторечия, неграмотная речь и др.). Проведенный опыт подтверждает предполагаемые отличия между межъязыковой и внутриязыковой интерференцией, а также способствует использованию полученных данных при кодификации произносительной нормы и при разработке курсов в лингводидактике, русской диалектологии, стилистике, лингвокультурологии и в лексикографической практике.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, внутриязыковая интерференция, диалекты, региональное произношение, звуковые системы.

Рассматривая взгляды ученых М. В. Панова [1967], Л. П. Крысина [2001], А. С. Герда [1995], Е. В. Ерофеевой [1990], А.А. Юнаковской [2000], Н. В. Богдановой [2001], Л. А. Вербицкой [2003] обоснована необходимость описания и анализа региональных (территориальных) особенностей языка как межъязыковых и внутриязыковых контактов, рождающих фонетическую интерференцию, но не только в теоретическом, но и в практическом отношении.

Среди всех лингвистических явлений первое место по диапазону и силе воздействия занимает территориальный фактор, т.е. региональный вариант. Под термином «региональный вариант языка», мы имеем в виду местные особенности, свойственные только данному региону. Региональная разновидность создается под влиянием диалектов и в результате контактирования с другими языками. Многие исследователи [Панов, 1966; Ерофеева 1979; Игнаткина, 1981; Ярцева, 1993; Богданова, 2001; Вербицкая, 2003 и др.] дифференцируя явления межъязыкового и внутриязыкового взаимодействия, рассматривают их с точки зрения условий, определивших создание региональной разновидности языка.

Изучение особенностей регионально обусловленного произношения служит решению конкретных задач: интерпретация понятия интерференции и круг ее проблем, феномен наличия 2 типов интерференции, типы билингвизма в разных аспектах изучения, методика преодоления межъязыковой и внутриязыковой интерференции в речи студентов Республики Татарстан. На наш взгляд особенность регионального произношения определяется: недостаточной разработанностью данного лингвистического аспекта и отсутствие решенных теоретических вопросов о выявлении тенденции развития произносительных явлений как рефлекс регионального фактора.

Межъязыковой интерференции свойственна неверная реализация гласных с ошибками в артикуляции согласных; где в основном это нарушение орфофонических норм, а именно: недостаточно твердые/мягкие, недостаточно аффрицированные согласные, недостаточно закрытые/открытые, излишне дифтонгоидные гласные после мягких согласных, замена

аффрикат щелевыми согласными и др. Для межъязыковой и для внутриязыковой интерференции, устойчивыми и распространенными являются орфофонические черты, не затрагивающие фонемного облика, не осознаваемые речевым носителем как отступление от нормы.

В данной статье представлены средства реализации слов в спонтанной речи наших информантов: **удлинение согласных, удлинение гласных, скандирование, выпадение звуков, придыхание**. Носители общерусского просторечия, усвоившие отдельные формы диалектного произношения в идеале должны предпочитать литературные формы, но в контролируемой ситуации реализация произносительной нормы менее всего подвластна контролю. В ситуации же непринужденного речевого общения количество неосознаваемых произносительных погрешностей не увеличивается.

Именно территориальные диалекты мы выделили в речи северно-русского и южно-русского наречия. В условиях междиалектного общения разрушается полное оканье в северной части Татарстана, не было выявлено примеров цоканья, но во многих «окающих» говорах появляются элементы аканья и яканья (без заметных закономерностей выражения); формы типа «у жене», «у снохе», «у тёбе»; словоформы «пятны», «окны», «котят», «поросят». В речи названное явление подтверждается написанием и произношением: у мене вместо у меня, выравниванием основ: у менё, к менё (известное в северно-русских говорах).

В данной статье представлен анализ речевых особенностей 100 респондентов – студентов 1-2 курсов Альметьевского государственного нефтяного института. Предварительный отбор и мониторинг позволил нам разделить участников эксперимента по произносительным особенностям.

- Группа 1 – произношение близко к нормативному.
- Группа 2 - произношение большого количества просторечных вариантов.
- Группа 3 – произношение связанное с диалектами (80% респондентов группы 3 - русские, 20% нерусских контактно проживали в деревнях с русским населением и усвоили диалектные особенности говора).
- Группа 4 - межъязыковую интерференцию на фонетическом уровне. По социальному и образовательному статусу их можно отнести к категории «среднего речевого носителя языка» [Чохонелидзе 2007].

Акцентные ошибки показали, что русская речь респондентов немного отличается от нормированного языка (менее 30%). В большинстве случаев не отмечено признаков фонетической интерференции (более 60%), и только 10% наших респондентов показали системную интерференцию на фонетическом уровне.

Таким образом, межъязыковой интерференции характерна неверная реализация гласных, а при внутриязыковой интерференции ошибки в произношении гласных более независимы; б) на результат интерференции влияют различия во взаимодействующих звуковых системах: различия в количестве и составе фонем, их распределение, но и то, как происходит само взаимодействие. Так, изображение регионально обусловленной произносительной системы, проявляющейся в современной речи, заключается:

1. В условиях полиязычия и диалектного окружения выступают две разновидности фонетической интерференции: внутриязыковая и межъязыковая проявляющихся в устной речи.
2. На частоту проявления интерференции оказывают влияние социальные биологические психологические страты, имеющие градации.
3. Произносительные особенности речи учащихся Республики Татарстан связаны с комплексом диалектных черт северно-русского и южно-русского наречия.
4. Устойчивая коммуникация полиязычного населения с разнодиалектной речью приводит к инфильтрации элементов языка, к выработке общих особенностей русской речи.
5. Исследование произносительной системы русского языка в региональном аспекте способствует изучению других факторов.

Список литературы

1. Златоустова 2003 Златоустова Л.В. Внутриязыковая и межъязыковая интерференция. Сопоставительная филология и полилингвизм. Сборник научных трудов. Казань, 2003.
2. Бодуэн де Куртенэ 1963 Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков. В книге "Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные произведения по общему языкознанию". М., 1963, т.1. С.265-347.
3. Граудина 1990 Граудина Л.К. Вариантность языковых единиц и проблема практической кодификации. Русский язык и литература в общении народов мира: Проблемы функционирования и преподавания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1990.
4. Аванесов 1975 Аванесов Р.И. Русский язык. М., 1975. Аванесов 1983 - Аванесов Р.И. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Р.И.Аванесова- М., Русский язык, 1983. - 704с.
5. Бархударова 2004 Бархударова Е.Л. Соотношение характеристик фонетической интерференции с особенностями "контактирующих" языковых систем. "Язык и речь: Проблемы и решения". Сборник научных трудов к юбилею проф. Л.В. Златоустовой. М., 2004. С. 42-50.
6. Ганиева Й.Н., Нурутдинова А.Р. Анализ социолингвистических и лингвокультурологических факторов в системе высшего языкового образования. Общественные Науки. 2017. № 1. с. 65-73.
7. Зверева О.В. Взаимодействие инкультурации и социализации в процессе формирования ценностного отношения к родному языку // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). — СПб.: Реноме, 2013. — С. 8.
8. Шайдуллина А.Р., Нурутдинова А.Р. Система иноязычной межкультурной коммуникации: анализ методических направлений в обучении речевой деятельности: неязыковые вузы. Общественные науки. - 2016. - №6-1. — С. 6-12.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSН.А. Кадырова
РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»:
ОПЫТ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Ключевые слова: А. П. Чехов, рассказ «Студент», актуализация евангельского сюжета.

Статья представляет собой опыт современного комментария рассказа А. П. Чехова «Студент» с учетом особенностей его мифопоэтики, в том числе трансформации евангельской фабулы отречения Петра от Христа, представленной в пересказе героя произведения.

Ли Аньци
ЛУ СИНЬ КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ
«МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Ключевые слова: Лу Синь, Н.В. Гоголь, «Мёртвые души», буквальный перевод.

Статья посвящена изучению истории перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» китайским писателем, переводчиком и филологом Лу Синем. Автор сосредоточивается на двух аспектах вопроса: биографическом и творческом. Первый аспект способствует пониманию причин интереса Лу Синя к гоголевской поэме благодаря изучению переписки писателя с друзьями и учениками, данным о его учебе и болезни; второй – раскрывает содержательную, творческую и методическую стороны переводов.

С.Ф. Меркушов
ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПАРАТЕКСТА В ПЬЕСЕ О.
МУХИНОЙ «Ю»

Ключевые слова: О. Мухина, «Ю», паратекст, драма, абсурд. Особую роль в пьесе О. Мухиной «Ю» выполняют паратекстуальные отношения, представленные традиционным паратекстом (в частности рамка) и, собственно, невербальным компонентом, выраженном в визуализированном сопровождении текста (картины пьесы сопровождаются фотокартинками). Семантический сегмент пьесы выражается имплицативно через реценцию символов, аллюзий (в частности, Вен. Ерофеев, Д.И. Хармс), абсурда (образная система и система диалогов).

С.Ф. Меркушов
«ДИАЛОГ С ДРУГИМ» КАК ИНДИКАТОР АБСУРДА В
ТЕАТРЕ Н.В. КОЛЯДЫ
(НА ПРИМЕРЕ РАННИХ ПЬЕС «РОГАТКА» И «ВОР»)

Ключевые слова: Н.В. Коляда, «Рогатка», «Вор», «Диалог с Другим», абсурд

Прием диалога с Другим функционально связан с направлением театра абсурда, что дает право исследовать указанные пьесы с точки зрения наличия и развития в них абсурдистского компонента. Наиболее активны следующие: определенная ситуативная маргинальность персонажей и одновременно глобальная их «обочинность»; переосмысление традиционного для театра абсурда «глухого» диалога (сочетание вербальной агрессии с сентиментальными интонациями, истончение грани между правдой и ложью).

Д.Н. Фатеев
«ЗАБИВАТЬ ВСЕГДА ГОТОВ ВСЕМ ПОДРЯД НАШ
ЧЕРЕНКОВ!» (ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛЬНОГО
КУМИРА 1980-Х В КРИЧАЛКАХ БОЛЕЛЬЩИКОВ)

Ключевые слова: Федор Черенков, футбол, ФК «Спартак» (Москва), сборная СССР, фольклор, футбольные кричалки, болельщики, фанаты.

Данная публикация посвящена фольклорному жанру футбольная кричалка, актуальному для изучения современной фольклористикой. Основное внимание автор уделяет народному творчеству болельщиков ФК «Спартак» (Москва),

N.A. Kadirova
STORY OF A. P. CHEKHOV "STUDENT":
EXPERIENCE OF MYTHOPOETIC COMMENT

Keywords: A.P. Chekhov, the story "Student", actualization of the gospel story.

The article represents the experience of a modern commentary on the story of A.P. Chekhov's "Student", taking into account the peculiarities of his mythopoetics, including the transformation of the gospel plot of the renunciation of Peter from Christ, presented in the retelling of the hero of the work.

Li Anqi
LU XUN AS AN INTERPRETER OF THE GOGOL'S POEM
«DEAD SOULS»

Keywords: Lu Xun, N.V. Gogol, «Dead souls», literal translation. The article aims to research history of translation of «Dead souls» by Lu Xun. The author singles out two main issues having impact on Chinese version of the poem: Lu Xun's biography and artistic features of his literal translation. The article considers such important historical-literary problems as correspondence with friends, translation of the title, errors in the first translation, translation method, Lu Xun's life events, the memories of his friends.

S.F. Merkushov
FUNCTIONALITY OF PARATEXT IN O. MUKHINA'S
PIECE «YU»

Keywords: O. Mukhina, "Yu", paratext, drama, absurdity. A special role in the play by O. Mukhina, "Yu" perform paratextual relationships represented by traditional paratexts (e.g., the frame) and, in fact, non-verbal component, expressed in the rendered accompanied by text (picture of the play accompanied by PHOTO pictures). The semantic segment of the play is expressed implicatively through the reception of symbols, allusions (in particular, Ven. Erofeev, D. I. Harms), absurdity (figurative system and dialogue system), etc.

S.F. Merkushov
"DIALOGUE WITH ANOTHER" AS AN INDICATOR OF
ABSURDITY IN THE THEATER N. V. KOLYADA
(ON THE EXAMPLE OF THE EARLY PIECES
"SLINGSHOT" AND "THIEF")

Keywords: N. V. Kolyada, "Slingshot", "Thief", "dialogue with Another", absurdity.

Accepting dialogue with Another functionally related to the direction of the theatre of the absurd, which gives the right to explore a specified pieces from the point of view of presence and development in their absurdist component. The most active are the following: certain situational marginality of the characters and at the same time global their marginality; rethinking the traditional theater of the absurd "deaf" dialogue (a combination of verbal aggression with sentimental intonations, thinning the line between truth and lies).

D.N. Fateev
"CHERENKOV'S READY TO SCORE ANY TIME TO ALL
IN ROW!" (THE IMAGE OF THE SOVIET FOOTBALL IDOL
OF THE 1980s IN FANS' CHANTS)

Keywords and phrases: Fedor Cherenkov, football, FC Spartak (Moscow), USSR national team, folklore, football chants, fans. This publication is devoted to the folklore genre of football chants, actual for the study of modern folklore. The author focuses on the folk art of fans of FC Spartak (Moscow), devoted to Fedor Cherenkov, the legendary footballer who played in the club in the 80s. This publication is an attempt to follow how the

посвященному Федору Черенкову, легендарному футболисту, игравшему в клубе в 80-х гг. Данная публикация – попытка проследить как менялось отношение болельщиков к конкретному игроку, который благодаря удивительному футбольному интеллекту вырос в талантливого мастера.

Аль-Хатал Бассам Абдуллах Абдулджаббар,
В.И. Антонова, С.А. Ржанова
ИРАКСКОЕ ИЗДАНИЕ «АЛЬ-САБАХ» – В ПАРАДИГМЕ
ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ АРАБСКОГО
УНИВЕРСУМА

Ключевые слова: газетно-журнальное издание, типология, медийный текст, общественные потребности, массовое сознание, проблемно-тематический диапазон, СМИ, ориентиры, информационные приоритеты.

В статье детерминируются информационные ориентиры арабской газеты «Аль-Сабах», ранее не изученные в теории современной российской журналистики; определяются типологические параметры иракского газетно-журнального средства коммуникации; выявляются функциональные возможности общественно-политического СМИ; осмысливается проблемно-тематический диапазон медийных текстов, обусловленный информационными потребностями новостного средства коммуникации.

А.А. Кашчук
ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
НА СМИ

Ключевые слова: гендерные стереотипы, культурные особенности, СМИ, журналисты, журналистские тексты, религия, ислам, буддизм, иудаизм, христианство, образ современной семьи.

Традиционные религии поощряют стереотипы, согласно которым мужчина обладает властью, а женщина ему подчиняется. Борьба против такого положения вещей возможна только в рамках часто не признанных радикалистских ответвлений мировых религий. Существуют страны, меньше подверженные этой парадигме – где влияние церкви не так велико. Это справедливо для всех сфер жизни, включая журналистику, где гендер корреспондента так же влияет на восприятие зрителями сообщения.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов,
А.А. Хазиманова, Л.Р. Валихметова, Р.Ф. Рахимова,
Э.Р. Шаяхметова, Е.А. Селиванова, Д.Д. Саидова
ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛА «ВАТАНДАШ» ДЛЯ
МЕДИЦИНСКОЙ, СПОРТИВНОЙ И ВОЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ БАШКОРТОСТАНА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: журнал, журналистика, статья, интервью. Трехязычный (русский, башкирский, английский) научно-популярный журнал «Ватандаш» стал постоянным лидером в научной, военной, спортивной и медицинской журналистики Республики Башкортостан. «Ватандаш» стал общественно-политическим, научно-популярным и художественным журналом в Республике Башкортостан, благодаря концепции, которая была заложена при его создании.

Н.А. Ларина, А.Ю. Цицинов
СПЕЦИФИКА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА В ЦИФРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ЗВЕЗДА»)

Ключевые слова: военная журналистика, цифровая журналистика, конвергенция, масс-медиа, заголовок.

Статья посвящена типологическим особенностям цифровой журналистики с учетом специфики военной журналистики. Выделена наиболее репрезентативная смысловая структура текста, рассмотрены средства привлечения внимания потенциальной аудитории, показаны плюсы и минусы цифрового формата по сравнению с не-цифровым. Проанализирован канал еженедельника «Звезда» на платформе

attitude of fans has changed towards a specific player, who has grown into a talented master due to amazing football intelligence.

Al-Hattala Bassam Abdullah Abdul Jabbar,
V.I. Antonova, S.A. Rzhanova
IRAQI EDITION «AL-SABAH» – IN THE PARADIGM OF
PROBLEM-THEMATIC REALITIES OF THE ARAB
UNIVERSE

Keywords: newspaper and magazine publishing, typology, media text, social needs, the mass consciousness, topical range, and media, orientations, information priorities.

The article what determines the information of the orientation of the Arabic Newspapers not previously studied in the theory of modern Russian theory of journalism: a typological parameters are determined Iraqi newspaper and journal communications, "al-Sabah"; identify the functionality of socio-political mass media; analyzes the topical range of media texts, due to the information needs of the news media.

A.A. Kashchuk
THE IMPACT OF GLOBAL GENDER STEREOTYPES ON
MASS MEDIA

Keywords: gender stereotypes, cultural assumptions, mass media, journalists, journalistic texts, religion, Islam, Buddhism, Judaism, Christianity, modern family image.

Traditional religion concessions encourage stereotypes where the man is in power and the woman obeys him. Struggling against this situation is possible only within the framework of often unrecognized radical offshoots of world religions. There are some countries less prone to this paradigm - where the influence of the church is not so great. This is true for all areas of life, including journalism, where the gender of correspondent also affects the audience's perception of the message.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov,
A.A. Khazimanova, L.R. Valiakhmetova, R.F. Rakhimova,
E.R. Shayakhmetova, E.A. Selivanova, D.D. Saidova
IMPORTANCE OF THE VATANDASH MAGAZINE FOR
MEDICAL, SPORT AND MILITARY JOURNALISM OF
BASHKORTOSTAN AT THE PRESENT STAGE

Keywords: journal, journalism, article, interview.

The trilingual (Russian, Bashkir, English) popular science magazine Vatandash has become a permanent leader in the scientific, military, sports and medical journalism of the Republic of Bashkortostan. "Vatandash" became a socio-political, popular science and art magazine in the Republic of Bashkortostan, thanks to the concept that was laid during its creation.

N.A. Larina, A.Yu. Tsitsinov
SPECIFICITY OF SUBMISSION OF MATERIAL IN DIGITAL
MILITARY JOURNALIST (ON THE EXAMPLE OF THE
ZVEZDA WEEKLY)

Keywords: military journalism, digital journalism, convergence, mass media, headline.

The article is devoted to the typological features of digital journalism, taking into account the specifics of military journalism. The most representative structure of the text is highlighted, the means of attracting the attention of a potential audience are considered, the pros and cons of the digital format compared to non-digital are shown. The channel of the Zvezda weekly on the Yandex.Zen platform was analyzed, which

Яндекс.Дзен, который теоретически должен был обеспечить СМИ выход на широкую аудиторию пользователей интернета, а практически в современном состоянии не смог реализовать поставленную перед ним задачу.

Сако Бекай, А.К. Малаховский
ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА ПРЕССУ МАЛИ:
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ?

Ключевые слова: Африка, СМИ Мали, пресса Мали, демократизация, неоколониализм.

В статье рассматривается вопрос влияния западных стран на прессу Республики Мали. Освещены аспекты указанного влияния и сделаны выводы о чертах демократизации и информационного неоколониализма.

Сако Бекай, А.К. Малаховский
СМИ МАЛИ В АФРИКАНСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ
ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: Африка, СМИ Мали, пресса Мали, африканский информационный дискурс.

В статье рассматривается место СМИ Мали в африканском информационном дискурсе, освещаются аспекты информационного дискурса стран континента в целом и его отличительных черт относительно каждой страны, его состояние и перспективы. Освещены аспекты указанного влияния и сделаны выводы о чертах демократизации и информационного неоколониализма.

О.А. Глущенко
СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ
ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛА «НАШ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»)

Ключевые слова: коммуникация, семантика, семиотика, текст. Представлен комплексный семиотический анализ коммуникации гражданина и государства в цифровой среде по ряду параметров: участники коммуникации, внешние условия коммуникации, требования к коду, коммуникативные действия, текст. Определены направления совершенствования текста в таком формате коммуникации.

А.А. Кудрявцева
МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК БАЗА ДЛЯ
ДАЛЕЙШЕЙ ОБРАЗНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
АПЕЛЛЯТИВИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ)

Ключевые слова: апеллативизация, метафора, метонимия. Автор рассматривает переход имен собственных в имена нарицательные на основе сочетания метонимического и метафорического переноса. Учитывается синонимический аспект. Также выявлено, что большинство подобных единиц функционирует в публицистическом дискурсе.

О.С. Тарасенко, Л.Р. Бакирова, Л.У. Бикмаева
ОБУЧЕНИЕ РЕДАКТИРОВАНИЮ ТЕКСТОВ СЛУЖЕБНЫХ
ДОКУМЕНТОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗАХ

Ключевые слова: редактирование, этапы редактирования, техника правки документа, принципы редактирования, интерактивная игра.

В статье рассказывается об обучении студентов редактированию текстов служебных документов в юридических вузах. Дается понятие редактирование, приводятся этапы и принципы данного процесса, техника правки документа. Предложен вариант интерактивной игры «Мозговой штурм» с заданиями для закрепления обучающимися изученного материала.

theoretically was to provide the media with access to a wide audience of Internet users, and in almost the current state could not realize the task set for it.

Sacko Bekaye, A.K. Malakhovsky
WESTERN INFLUENCE ON THE PRESS OF MALI:
DEMOCRATIZATION OR INFORMATION
NEOCOLONIALISM?

Keywords: Africa, Mass media of Republic of Mali, Mali print media, democratization, neocolonialism.

The article considers the question of the influence of Western countries on the media of the Republic of Mali. There are aspects of this influence highlighted and conclusions are drawn about the features of democratization and informational neocolonialism.

Sacko Bekaye, A.K. Malakhovsky
MALI'S MASS MEDIA WITHIN AFRICAN INFORMATION
DISCOURSE

Keywords: Africa, Mass media of Republic of Mali, Mali print media, African information discourse.

The article contains an analysis of the place of the Mali media in the African information discourse, coverage of aspects of the information discourse of the countries of the continent as a whole and its distinctive features in relation to each country, its state and perspectives.

O.A. Glushchenko
SEMIOTIC ASPECTS OF CITIZEN AND STATE
COMMUNICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT
(BY THE EXAMPLE OF THE PORTAL "OUR ST.
PETERSBURG»)

Keywords: communication, semantics, semiotics, text. The article presents a comprehensive semiotic analysis of citizen and state communication in the digital environment on a number of parameters: communication participants, external communication conditions, code requirements, communicative actions, text. Directions of improvement of the text in such format of communication are defined.

A.A. Kudryavtseva
METONYMIC TRANSFER AS A BASE FOR FURTHER
FIGURATIVE NOMINATION (BY THE EXAMPLE OF
APPELLATIVISED UNITS)

Keywords: appellativisation, metaphor, metonymy. The author considers the transition of proper nouns into common nouns based on a combination of metonymic and metaphorical transfer in a synonymous aspect. Most of these units operate in journalistic discourse.

O.S. Tarasenko, L.R. Bakirova, L.U. Bikmaeva
EDUCATION OF TEXTS OF SERVICE DOCUMENTS IN
LEGAL UNIVERSITIES

Keywords: editing, editing steps, document editing technique, editing principles, interactive game.

The article tells about teaching students how to edit texts of official documents in law schools. The concept of editing is given, the stages and principles of this process, the technique of editing the document are given. A version of the interactive game "Brainstorming" with tasks for consolidating the studied material by students is proposed.

Я.С. Ульбиева

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК МАЛОИЗУЧЕННЫЙ
ФЕНОМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: слова категории состояния, СКС, грамматическая категория, безличные предикативы, краткие наречия, безличные глаголы, части речи, семасиология.

В работе проведен краткий обзор истории изучения и возникновения слов категории состояния в русском языке, предпосылок выделения их в самостоятельную часть речи, а также формирования различных взглядов на этот вопрос у ведущих отечественных языковедов. Автор также указывает основанием для выделения СКС их значительную семасиологическую роль в произведениях ведущих российских поэтов и писателей.

Э.В. Фомин

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В Г. ЧЕБОКСАРЫ

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, чебоксарский диалект, языковые контакты.

Статья посвящена изучению функционирования языков в столице Чувашской Республики. Автор описывается исходная позиция, обуславливающая сосуществование языков в г. Чебоксары. Языковая ситуация в городе полилингвистична, русскоцентрична. Здесь сложился чебоксарский диалект русского языка, выступающий элементом самобытности республики, а также служащий сохранению чувашского материала в региональном варианте русского языка.

С.А. Шатохина, Т.К. Веренич, О.В. Вязовикина, В.С. Срмикян
АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА
МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН-КУРСА «ТВОИ СИБИРСКИЕ
КАНИКУЛЫ»)

Ключевые слова: русский как иностранный, адаптация текста, разработка языкового онлайн курса.

Данная статья посвящена попытке обобщения опыта написания текстов игровых видео при разработке онлайн-курса русского языка как иностранного для испаноязычных слушателей. Создание коммуникативно успешного текста для начинающих представляет собой комплексную задачу, для решения которой необходимо адаптировать текст как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Особое внимание уделяется соблюдению баланса между аутентичностью и доступностью.

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк
РОЛЬ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ПРОЯВЛЕНИИ
ИМЕНЕМ ПРИЗНАКА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: временная перспектива, порядковые числительные, темпоральная семантика, физическое и временное пространство.

В статье исследуются порядковые числительные английского языка с семантикой их временной перспективы. Выявлена синтаксическая связь имен предметов с порядковыми числительными, которые характеризуют положение объектов этих имен не только в физическом пространстве, но и в временном. Установлено, что порядковое числительное, употребляемое с функциональным именем, указывает на темпоральное положение объекта относительно его предшественников и последователей. Делается вывод, что именные группы темпоральной семантики обладают наиболее широкими возможностями в выражении временных значений, чем это было известно ранее.

Т.С. Гулевич

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СОБЫТИЯ
В АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ГРУППЕ

Ключевые слова: структура события, аргументная структура

Y.S. Ulbieva

WORDS OF THE CATEGORY OF STATE AS A UNLESS
STUDIED PHENOMENON IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: words of the category of state, WCS, grammatical category, impersonal predicates, short adverbs, impersonal verbs, parts of speech, semasiology.

Currently, linguistics has updated the issue related to the appropriateness of separating state category words into a separate group, because, firstly, this problem has not yet been solved, and secondly, the process of compiling educational literature and dictionaries requires unambiguity and categorization. Accordingly, in the first place, the subject of our study was the analysis of the formation of the views of prominent Russian linguists on the problem of state category words and the further prospects of distinguishing them into an independent grammatical category.

E.V. Fomin

LANGUAGE SITUATION IN CHEBOKSARY

Keywords: Russian, Chuvash language, Cheboksary regiolect, language contacts.

The article is devoted to the study of the practice of the functioning of languages in the capital of the Chuvash Republic. The author describes the initial position, causing the coexistence of languages in the city of Cheboksary and agglomeration. The language situation in the city is multilingual, Russian-centric; A Cheboksary regiolect of the Russian language has emerged here, serving as an element of the republic's identity, and also serving the preservation of Chuvash material in the regional version of the Russian language.

S.A. Shatokhina, T.K. Verenich, O.V. Vyazovikina,
V.S. SrmikyanADAPTATION OF TEXTS IN THE SYSTEM OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN (ON THE MATERIAL OF
ONLINE COURSE "YOUR SIBERIAN HOLIDAYS")

Keywords: Russian as a foreign language, text adaptation, online language course development.

This article is devoted to an attempt to summarize the experience of writing texts of game videos in developing an online Russian as a foreign language course for Spanish students. Creating a communicatively successful text for beginners is a complex task that requires focus on the text adaptation at both the lexical and grammatical levels. Particular attention is paid to maintaining a balance between authenticity and accessibility.

V.Ye. Glyzina, N.Ye. Gorskaya, A.V. Fedoryuk
THE ROLE OF ORDINAL NUMERALS IN THE NAME'S
MANIFESTATION OF TIME PERSPECTIVE

Keywords: temporal perspective, ordinal numbers, temporal semantics, physical and temporal space.

This paper presents the results of the study of the English ordinal numbers that have the semantics of temporal perspective. The syntactic relationship of the objects' names with ordinal numbers that characterize the position of these objects not only in the physical but temporal space has been revealed. It is established that the ordinal numeral if used with the functional name indicates at the temporal position of the object regarding its predecessors and followers. It is concluded that nouns with temporal semantics have wide possibilities in the expression of temporal meanings than it was known before.

T.S. Gulevich

ON THE ACTUALIZATION OF EVENT STRUCTURE
COMPONENTS IN ENGLISH VERB PHRASE

Keywords: event structure, verb argument structure,

глагола, предложная группа, локативный предлог, предельные/непредельные глаголы.

В статье рассматривается зависимость репрезентации структуры события от семантических и структурных характеристик аргументов глагольного предиката, в частности – предложного комплемента. Устанавливаются особенности взаимодействия семантики различных глаголов и их аргументов в описании события.

С.В. Кобызева, В.А. Ковшечникова
ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ: ПРОЦЕДУРА
АНАЛИЗА КОСВЕННЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
РЕКЛАМЫ)

Ключевые слова: побудительная модальность, косвенные эксплицитные средства, косвенные имплицитные средства.

Цель статьи заключается в попытке описать процедуру анализа косвенных средств выражения побудительной модальности с использованием текстов современной англоязычной рекламы. Установлено, что данное модальное значение реализуется с помощью широкого спектра косвенных эксплицитных и косвенных имплицитных средств. Данная процедура может найти широкое применение в процессе изучения текстов различных видов дискурса.

Л.З. Самигуллина, Р.А. Гарифуллин, Е.А. Ганиева
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: грамматические трудности, нефтегазовая терминология, перевод, переводческие трансформации.

В работе представлены основные грамматические трудности, характерные для научно-технических текстов нефтегазовой направленности и способы переводческих трансформаций для адекватной передачи содержания иноязычного текста.

М.Ю. Сейранян
РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТОГЕНА В
КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: просодический конфликт, конфликтный дискурс, контекстуализация, просодическая характеристика, коммуникативная компетенция.

В статье представлены результаты исследования фонетических сигналов конфликтных намерений говорящего и слушающего, в частности уровня голосового тона, скорости, громкости, тембра (как в сочетании с другими вербальными средствами общения, так и изолированно). Выявлено, что просодические характеристики и их различные комбинации выступают в качестве маркера конфликтного взаимодействия, и в качестве конфликтного, провоцирующего изменения гармоничной стиль общения на конфронтацию.

Е.В. Сивакова, В.П. Осадчая, М.В. Репина
ЗНАЧИМОСТЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ

Ключевые слова: медиаобразование, Интернет, информация, аутентичная медиа среда, английский язык.

Авторами дается определение понятия «медиаобразование» и выделяются неотъемлемые компоненты, составляющие данное понятие: фотография, кино, телевидение, реклама, новости, популярная музыка и Интернет. Описывая каждую составляющую, авторы делают акцент на необходимости вдумчиво, сосредоточенно, критически, с извлечением максимально позитивной и необходимой информации подходить к изучению и использованию медиакомпонентов, прежде всего, на английском языке. Резюмируя описания каждой составляющей, авторы приводят полезные ссылки из Интернета, опираясь на которые каждый заинтересованный студент может найти для себя именно то, что будет способствовать лучшему усвоению изученного материала.

prepositional phrase, telic verbs, atelic verbs.

The article deals with the interrelation between the semantics of verbs and their arguments in complex event description. Its main focus is on the prepositional objects of some English verbs. The article describes the ways PP-arguments modify verbal semantics in the event description.

S.V. Kobyzeva, V.A. Kovshechnikova
THE IMPERATIVE MODALITY: THE PROCEDURE OF
ANALYZING THE INDIRECT EXPRESSION MEANS
(ON THE MATERIAL OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE
ADVERTISEMENTS)

Keywords: imperative modality, indirect explicit means, indirect implicit means.

This article aims at describing the procedure for analyzing indirect means of expressing the imperative modality using texts of modern English-language advertisements. It is established that this modal meaning is realized with the help of a wide range of indirect explicit and indirect implicit means. The author believes that the procedure presented can be widely used for studying texts of various discourse types.

L.Z. Samigullina, R.A. Garifullin, E.A. Ganieva
GRAMMATIC FEATURES OF SCIENTIFIC AND
TECHNICAL TRANSLATION IN THE OIL AND GAS
SPHERE

Keywords: grammatical difficulties, oil and gas terminology, translation, translation transformations.

The paper presents the main grammatical difficulties characteristic of scientific and technical oil and gas texts and methods of translation transformations for the adequate transfer of the contents of a foreign language text.

M.Yu. Seiranian
PROSODIC CONFLICT MARKERS AND THEIR ROLE IN
CONFLICT DISCOURSE

Keywords: prosodic conflict marker, conflict discourse, contextualization prosodic feature, communicative competence. This article focuses on some results obtained during the research of conflict loaded phonetic signals, namely pitch, loudness, tempo and timbre (in complex with other verbal means or in isolation). It was found out that prosodic means and their variables can serve as conflict markers turning consensus and agreement into confrontation.

E.V. Sivakova, V.P. Osadchaya, M.V. Repina
IMPORTANCE OF MEDIA EDUCATION AT THE PRESENT
STAGE

Keywords: media education, Internet, information, authentic media environment, English language

The authors reveal the concept of “media education” and highlight the essential components that make up this concept: photography, cinema, television, advertising, news, popular music and the Internet. Describing each component, the authors emphasize the necessity of thoughtful, intent, critical attitude with the extraction of the most positive and necessary information to approach the study and use of media components especially in English. Summarizing the descriptions of each component, the authors provide useful links from the Internet, based on which each interested student can find exactly what will be useful for better understanding of the learned material for himself.

С.А. Стройков

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВОГО
КОМПОНЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ
ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА «БИ-БИ-СИ»*Ключевые слова: лингвостилистический анализ, стилистика, гипертекст, полисемиотический гипертекст, текстовый компонент, информационная единица.*

В работе представлены результаты лингвостилистического анализа текстового компонента информационных единиц полисемиотического гипертекста «Би-би-си», в ходе которого автор проанализировал частотность использования выразительных средств и стилистических приемов на фонографическом, лексическом и синтаксическом уровнях. В результате исследования автор пришел к выводу, что в этом англоязычном полисемиотическом гипертексте наиболее частотными выразительными средствами и стилистическими приемами являются графон (курсив и факультативные кавычки), эпитеты, сравнения, метафоры, обособленные конструкции, повторы и риторические вопросы, которые используются в текстовом компоненте информационных единиц анализируемого электронного гипертекста для привлечения внимания, создания образности и выразительности.

М.Б. Айтмагамбетова

СТРУКТУРА ФРЕЙМА «СЕМЬЯ»

В ТЕЛЕВИЗИОННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: пропозициональная модель фрейма, субъект пропозиции; предикат пропозиции; сирконстант пропозиции.

В статье предложен пример пропозициональной модели фрейма «семья» в телевизионной рекламе молочной продукции. На материале 108 единиц дискурсивных практик выявлена структура фрейма семья и описаны три уровня слотов: субъект пропозиции; предикат пропозиции; сирконстант пропозиции. В рекламной коммуникации в процессе рефрейминга рекламируемый продукт становится отдельным слотом пропозициональной структуры фрейма.

А.Е. Астафьева, А.Р. Нурутдинова, Е.В. Дмитриева,
А.А. Катекина, И.С. СолодковаМЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ
МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЫ: ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
(СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР)*Ключевые слова: многоязычие, поликультурная среда, иностранная культура, иностранный язык, межкультурная коммуникация, социализация.*

Овладение иноязычным кодом, позволяющим успешно осуществлять межкультурное взаимодействие, предполагает изучение особенностей культуры, определяющих специфику общественного и делового поведения партнера, детерминированного влиянием исторических традиций и обычаев, образа жизни и т.п. Иностранные языки как средство коммуникации между представителями разных народов и культур должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках (раньше у нас иностранный язык изучался в отрыве от его социокультурного контекста как самоцель и практически не нес функциональной нагрузки).

А.А. Бекетова, Т.Ф. Артамонова

КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА КОГНИТИВНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ*Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, носитель языка, концептуальные системы.*

Концепт является одним из основных понятий лингвокультурологии, концептологии. В начале XX века, в связи с антропоцентрическим уклоном, в лингвистике активно разрабатывается понятие концепта, которое стало актуальным предметом исследования в языкознании.

S.A. Stroykov

LINGUO-STYLISTIC ANALYSIS OF THE TEXT
COMPONENT OF POLYSEMIOTIC HYPERTEXT “BBC”
INFORMATION UNITS*Keywords: linguo-stylistic analysis, stylistics, hypertext, polysemiotic hypertext, text component, information unit.*

This paper deals with a linguo-stylistic analysis of the text component of polysemiotic hypertext “BBC” information units. The author has analyzed the frequency of expressive means and stylistic devices use at phonographic, lexical and syntactical levels. As a result of the study, the author has concluded that the most frequent expressive means and stylistic devices are: graphon (italics and inverted commas), epithets, similes, metaphors, detachments, repetitions and rhetorical questions, which are used in the text component with the purpose of the reader's attention attraction.

M.B. Aitmagambetova

THE STRUCTURE OF THE FRAME “FAMILY” IN THE
TELEVISION ADVERTISING DISCOURSE*Keywords: propositional model of a frame, subject of proposition, predicate of proposition, surconstant of the proposition.*

Abstract the article represents an example of propositional model of the frame “family” in TV advertisement of dairy production. The author reveals the structure of the frame “family” on the factual material including 108 units of discourse practice. The paper describes three levels of slots of the frame: subject of proposition; predicate of proposition; surconstant of the proposition. Within the process reframing in advertisement communication the advertised item becomes an independent slot of a propositional structure of the frame.

A.E. Astafyeva, A.R. Nurutdinova, E.V. Dmitrieva,
A.A. Katekina, I.S. SolodkovaINTERCULTURAL COMMUNICATION IN A
MULTILINGUAL ENVIRONMENT: THE FORMATION OF
LINGUOCULTURAL COMPETENCE (SOCIAL -
PSYCHOLOGICAL FACTOR)*Keywords: multilingualism, multicultural environment, foreign culture, foreign language, intercultural communication, socialization.*

Mastering a foreign language code that allows the successful intercultural interaction involves studying the characteristics of culture that determine the specifics of the partner's social and business behaviour, determined by the influence of historical traditions and customs, lifestyle, etc. Foreign languages as a means of communication between representatives of different peoples and cultures should be studied in indissoluble unity with the world and culture of peoples speaking these languages (previously, a foreign language was studied in isolation from its socio-cultural context as an end in itself and practically did not carry a functional load).

A.A. Beketova, T.F. Artamonova

CONCEPT AS A BASIC UNIT OF COGNITIVE
LINGUISTICS*Keywords: concept, cognitive linguistics, native speaker, conceptual system.*

The article deals with the concept as a basic unit in linguocultorology, conceptology. Anthropomorphic models in linguistics are popular at the beginning of the 20 th century, and the term concept is actively worked out. It is revealed that any native speaker is conceptual system owner.

Появляется понимание того, что любой носитель языка является носителем определённых концептуальных систем.

Т.Н. Боргоякова

РОЛЬ ЧАСТИЦ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Ключевые слова: частица, время, аффикс, семантика, функция. В статье представлен анализ частицы -дыр и её участие в образовании временной формы -адыр на материале хакасского языка сравнительно-сопоставительным методом. Результаты исследования подтверждают, что частица -дыр противопоставляется аналитическим формантам, образованным с помощью деепричастий и вспомогательного глагола тур-, как семантически, так и функционально.

М.Р. Булатова, Р.С. Барсукова З.А. Мухаева

О НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЯХ В КУРМАНТАУСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: тюркские языки, татарский язык, средний диалект, курмантауский говор, удмуртские заимствования, лексика.

В данной статье рассматриваются некоторые удмуртские заимствования в курмантауском говоре среднего диалекта татарского языка. Данный говор распространен в центральной части Республики Башкортостан. Количество удмуртских слов, проникших в курмантауский говор, небольшое по сравнению с татарскими заимствованиями в финно-угорских языках.

А.В. Гусейнова, А.П. Лопсан

ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ БОГА В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА

Ключевые слова: Новый Завет, хакасский язык, тувинский язык, теонимия, номинация.

Статья посвящена исследованию особенностей теонимии в текстах Нового Завета на хакасском и тувинском языках. Проведенный анализ позволил установить, что основные значения теонимов в исследуемых текстах - это собственно, Бог; Господин, Повелитель; Творец, Создатель; Высшая Сила, обладающая абсолютным могуществом.

Н.В. Егоршина

ДИСКУРС ЭПИДЕЙТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Ключевые слова: дискурс, военная журналистика, текст, эпидейктическая речь, лидер, адресант.

Статья посвящена жанру эпидейктической речи на примере текста официального поздравления Министра обороны Российской Федерации с 23 февраля, обращенного к служащим Вооруженных Сил, ветеранам боевых действий и военной службы. Проанализирована структура дискурса выступления, рассмотрены его особенности с точки зрения взаимодействия с целевой аудиторией и коммуникативной ситуацией. Текст эпидейктической речи рассмотрен с точки зрения структуры макрокогезии, выявлены сходства и различия текстов и сделаны выводы об их прагматических характеристиках.

М.А. Косарик

МИССИОНЕРСКАЯ ГРАММАТИКА А.А. БОБРОВНИКОВА 1849 Г. В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: лингвистическая историография, грамматикография, миссионерские грамматики, дискурс.

В статье на примере «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А.А. Бобровникова подчеркивается роль миссионерской традиции в становлении интереса к проблематике дискурса задолго до ее теоретической разработки. В связи с этим

T.N. Borgoyakova

THE ROLE OF PARTICLES IN THE SYSTEM OF VERBAL CATEGORIES IN THE TURKIC LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA

Keywords: particle, tense, affix, semantics, function.

The article presents the analysis of the particle -dyr and its participation in the formation of the tense form -adyr on the material of the Khakass language by the comparative method. The results of the research confirm that the particle -dyr is opposed to analytical formants formed with the help of adverbial participles and auxiliary verb tur-, both semantically and functionally.

M.R. Bulatova R.S. Barsukova Z.A. Mukhaeva

ON SOME UDMURT BORROWINGS IN THE KURMANTAU SUBDIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Keywords: Turkic languages, the Tatar language, middle dialect, Kurmantau subdialect, Udmurt borrowings, lexis.

This article discusses some Udmurt borrowings in the Kurmantau subdialect of the middle dialect of the Tatar language. This subdialect is distributed in the central part of the Republic of Bashkortostan. The number of Udmurt words penetrated into the Kurmantau subdialect is small compared with the Tatar borrowings in the Finno-Ugric languages.

A.V. Guseinova, A.P. Lopsan

THE FEATURES OF THE NAMING OF GOD IN THE KHAKASS AND TUVAN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT

Keywords: New Testament, Khakass language, Tuvan language, theonymy, nomination.

The article is devoted to the study of the features of theonymy in the translation of the New Testament into the Khakass and Tuvan languages. The analysis made it possible to establish that the main meanings of theonyms in the studied texts are actually God; Lord, Master; Creator; the Supreme Force possessing absolute power.

N.V. Egorshina

DISCOURSE OF EPIDEMIC SPEECH IN MILITARY JOURNALISM

Keywords: discourse, military journalism, text, epidemic speech, leader, addressee.

The article is devoted to the genre of epidemiological speech on the example of the text of the official congratulation of the Minister of Defense of the Russian Federation on February 23, addressed to the employees of the Armed Forces, veterans of military operations and military service. The structure of the discourse of the speech is analyzed, its features are examined from the point of view of interaction with the target audience and the communicative situation. The text of epidemic speech is examined from the point of view of the structure of macrocohesion, the similarities and differences of texts are revealed, and conclusions about their pragmatic characteristics are made.

M.A. Kossarik

MISSIONARY GRAMMAR BY A.A. BOBROVNIKOV (1849) IN THE CONTEXT OF MODERN LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY

Keywords: linguistic historiography, grammaticography, missionary grammars, discourse.

The article studies the "Mongolian-Kalmuck grammar" by A. Bobrovnikov in order to underline the role of missionary tradition in promoting discourse studies long before their development in modern linguistic science. The study shows that

затрагивается вопрос о необходимости большего внимания лингвистической историографии к этой теме.

Е.М. Куулар
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ
ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: современный тувинский литературный язык, категория залога, объект, субъект, аффикс, юго-восточный диалект.

В настоящей статье рассматриваются морфологические показатели залога как лексико-грамматической категории, отражающей субъектно-объектные отношения предложения. Цель данного исследования заключается в выявлении и сравнительном описании специфических залоговых форм, употребляемых в речи носителей юго-восточного диалекта. Дается краткий анализ диалектных слов в сравнении с современным тувинским литературным языком.

М.И. Кысылбаикова
СЛОВО-СТИМУЛ «ЛИТЕРАТУРА» В ПОНИМАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: литература, концепт, языковое сознание, слово-стимул, ассоциации.

В работе представлены результаты ассоциативного эксперимента концепта «культура» в языковом сознании носителей английского языка на примере слова-стимула «литература». Проведен ассоциативный эксперимент с целью доступа к образам языкового сознания среди представителей английской лингвокультуры. Анализ полученных данных по результатам свободного ассоциативного эксперимента показал, что в ответах на исследуемое слово-стимул ярко отражаются этнокультурные особенности понимания носителей английского языка о литературе.

Е.Г. Луговская
КУЛЬТУРА – ANTHROPO – ЯЗЫК

Ключевые слова: язык, культура, anthropo, знаковая система. Рассмотрение проблемы взаимодействия языка и культуры не может быть ограничено представлениями о функционировании знаковых систем, в которых индивид как носитель языка вместе с тем оказывается и носителем культуры, благодаря чему правомерно говорить о том, что знаки языка становятся способными выполнять функцию культурных знаков и таким образом выступать в роли значимых установок культуры. Неважно как соотносят исследователи язык и культуру по отношению друг к другу – как часть и целое или как автономные элементы, традиционная диада должна быть переозначена, и на первое место стоит поместить понятие культура. Таким образом вопрос о соотношении языка и культуры не только существенно переосмыслится, но и переформулируется в виде триады культура – anthropo – язык.

Л.А. Манерко, Му Синью
ОПИСАНИЕ СТАДИАЛЬНОСТИ ПУТИ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ
ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПРИМЕРОВ ИЗ ТЕКСТА «ДА СЮЭ» («ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ»)

Ключевые слова: концептуальный анализ, метафора, ориентационная метафора, перемещение в пространстве, достижение цели, текст «Да сюэ».

В современный период развития лингвистической науки важным является описание знания о человеческом мозге и того, как он получает и перерабатывает огромные потоки информации. В качестве основы для лингвистического анализа взят текст «Да сюэ», который является одним из основных конфуцианских канонических текстов, оказавших значительное влияние на духовную культуру и национальную психологию Китая. Цель статьи состоит в том, чтобы представить процесс достижения цели на основе ориентационной метафоры, интегрированной с образной схемой «источник – путь – цель» в анализируемом тексте.

this subject merits detailed consideration by historians of linguistics.

E.M. Kuular
FEATURES OF FORMATION OF PLEDGE FORMS OF
VERBS IN THE SOUTH-EASTERN DIALECT OF THE
TUVAN LANGUAGE

Keywords: modern Tuvan literary language, the category of collateral, the object, the subject, the affix, the south-eastern dialect.

This article discusses the morphological markers of the voice as the lexical and grammatical category, expressing the subject-object relations of the sentence. The aim of this research is the identification and comparative description of the specific voice verb forms used in the speech of native south-eastern dialect speakers. A brief and preliminary analysis of the dialect words is given: voice verbs forms in comparison with modern Tuvan literary language.

M.I. Kysylbaikova
STIMULUS WORD "LITERATURE" IN THE
UNDERSTANDING OF THE ENGLISH LANGUAGE
SPEAKERS

Keywords: literature, concept, language consciousness, stimulus word, associations.

The paper presents the results of an associative experiment of the concept "culture" in the language consciousness of native English speakers by the example of the stimulus word "literature". An associative experiment was conducted to access images of language consciousness among representatives of English language culture. An analysis of the data obtained according to the results of a free associative experiment showed that the responses to the stimulus word under study clearly show the ethnocultural characteristics of the understanding of English speakers about literature.

E.G. Lugovskaya
CULTURE – ANTHROPO – LANGUAGE

Keywords: language, culture, anthropo, semiotic system. Consideration of the problem of the interaction between language and culture cannot be limited to ideas about the functioning of semiotic systems in which an individual, as a native speaker, also turns out to be a culture-bearer. It is legitimate to say that the language signs become capable of fulfilling the function of cultural signs due to this position of the individual. And they (signs) act as significant cultural attitudes in this way. It does not matter how the researchers relate the language and culture to each other - as a part and as a whole or as autonomous elements, the traditional dyad should be redefined, and the concept of culture should be put first. Thus, the question of the relationship between language and culture should not only rethought essentially, but also reformulated as a triad culture – anthropo – language.

L.A. Manerko, Mu Xinyu
THE DESCRIPTION OF HUMAN PATH STAGES FOR
REACHING THE GOAL: CONCEPTUAL ANALYSIS OF
EXAMPLES IN THE TEXT "DAXUE" ("THE GREAT
TEACHING")

Keywords: conceptual analysis, metaphors, orientational metaphors, movement in space, goal achievement, "Daxue". In the modern period of the development of linguistic science, it is important to describe the knowledge of the human brain, how it receives and processes huge flows of information. The material for the linguistic analysis is "Daxue", which is one of the main Confucian canonical texts, which had a decisive influence on the spiritual culture and national psychology of China. The goal of the article is to describe the process of achieving the goal on the basis of the orientational metaphor combined with the image schema "source - way - goal" in the analysed text.

Д.А. Розеватов

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ
ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СКРИПТА «WAR» В
РОМАНЕ Р. ОЛДИНГТОНА «DEATH OF A HERO»Ключевые слова: скрипт «War», Р.Олдингтон,
лингвостилистика, концепт.

В статье рассматривается скрипт «War» как основной компонент в структурировании индивидуально-авторской картины мира. Доказывается, что актуализация лично-ассоциативного ряда, составляющего антивоенный пафос произведения, достигается через своеобразную организацию композиции романа как музыкального произведения. Компоненты скрипта «War» в данном ракурсе рассматриваются как вариации музыкальной доминанты.

Е.Е. Сафронова, А.А. Бекетова

ЭКСПЛИКАЦИЯ НАРРАТОРА В ФИКЦИОНАЛЬНОМ
ТЕКСТЕ ПОСРЕДСТВОМ ВЕРБАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ
НЕСООТВЕТСТВИЙКлючевые слова: фикциональность, нарратор, повествователь,
имплицитный автор, лексема, задуманный читатель.

В настоящей статье осуществляется исследование экспликации нарратора в фикциональном тексте посредством отбора лексического материала, заведомо не соответствующего повествуемой эпохе, в результате чего возникают так называемые вербально-темпоральные несоответствия. Проведённое исследование доказывает, что специфика лексического материала, отобранного для повествуемой истории, может служить доказательством присутствия в тексте нарратора.

А.Р. Шайдуллина, Г.Т. Губайдуллина, З.М. Сахипова,
А.М. Низамеева, Н.Л. ЗиганшинаВНУТРИЯЗЫКОВАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(УСТНАЯ РЕЧЬ)Ключевые слова: межъязыковая интерференция,
внутриязыковая интерференция, диалекты, региональное
произношение, звуковые системы.

Научная статья посвящена общетеоретической проблеме отечественной и зарубежной лингвистики, а именно, анализу факторов, способствующих формированию региональных особенностей произношения. В статье анализируются языковые региональные произносительные особенности. Собственно обращение к устной речи студентов выражается в следующих причинах: кодифицированные нормы, и территориальная речевая среда (диалекты, фонетический строй родного (татарского) языка, просторечия, неграмотная речь и др.). Проведенный опыт подтверждает предполагаемые отличия между межъязыковой и внутриязыковой интерференцией, а также способствует использованию полученных данных при кодификации произносительной нормы и при разработке курсов в лингводидактике, русской диалектологии, стилистике, лингвокультурологии и в лексикографической практике.

D.A. Rozevatov

LINGUOSTYLISTIC AND COMPOSITIONAL FEATURES
OF ACTUALIZATION SCRIPT «WAR» IN THE NOVEL
«DEATH OF A HERO» BY R. ALDINGTON

Keywords: script «War», R. Aldington, linguostylistic, concept.

The article focuses on script «War» as a main component in the structuring of an individual author's picture of the world. It is proved that the actualization of the personally associative series composes the anti-war pathos of the work, is achieved through the peculiar organization of the composition of the novel as a musical work. Components of script «War» in this perspective are considered as a variation of musical dominant.

E.E. Safronova, A.A. Beketova

EXPLICATION OF NARRATOR WITHIN THE FICTIONAL
TEXT BY MEANS OF THE VERBAL-TEMPORAL
DISCREPANCYKeywords: fiction, narrator, storyteller, implied author, lexical
unit, implied reader.

In the present article the study in explication of the narrator within the fictional text has been performed. According to the main theory of the study, the narrator can become overt by selecting the lexical units that are not suitable for the presented story-time, which leads to the development of so called verbal-temporal discrepancy. The performed study has proved that the specific character of lexical units selected for the story-telling may be concerned as the evidence for the appearance of the narrator.

A.R. Shaidullina, G.T. Gubaidullina, Z.M. Sakhipova,
A.M. Nizameeva, N.L. ZiganshinINTERLINGUAL AND INTRALINGUAL PHONETIC
INTERFERENCE: PECULIARITIES OF A LANGUAGE
REGIONAL SPRING SYSTEM
(ORAL SPEECH)Keywords: interlanguage interference, intralingual interference,
dialects, regional pronunciation, sound systems.

The scientific article is devoted to the general theoretical problem of local and foreign linguistics, namely, the analysis of factors contributing to the formation of regional pronunciation features. The article analyses linguistic regional pronunciation features. Actually, the appeal to students' spoken language is expressed in the following reasons: codified norms, and territorial speech environment (dialects, phonetic system of the native (Tatar) language, vernacular, illiterate speech, etc.). The experience confirms the alleged differences between interlanguage and intralingual interference, and also promotes the use of the data obtained in the codification of the pronunciation norm and in the development of courses in linguodidactics, Russian dialectology, stylistics, linguoculturology and lexicographic practice.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 14.10.2019

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 14.10.2019

10,4 усл.печ.л. 12,7 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 2990.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена – договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»